

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2021 Vol. 4 №3 (13)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по направлению **22.00.00 «Социологические науки»**.

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in the direction **22.00.00 “Sociological Sciences”**.

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 07.12.2021. Подписано в печать 24.12.2021. Выход в свет 29.12.2021.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 5,3. Тираж 550 экз. Заказ № 248.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария.

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия.

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Стойка Петрова Пенкова – доктор социологических наук, доцент; Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, США, Вирджиния, г. Аннандейл, Международный языковой центр «ESZETT»

Даниела Коцева – доктор социологических наук, доцент; университет «Гоце Делчев» – Штип, Северная Македония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Илеуова Гульмира Токишалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия.

Caucasian Science Bridge

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria.

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Pruel Nikolay Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Stoika Petrova Penkova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center "ESZETT", Annandale, Virginia, USA

Daniela Kotseva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platon South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation "Center for Social and Political Research" "Strategy", Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Чигрин В.А., Казанцев О.А.

Конкретное и абстрактное в науках об обществе:
к вопросу о специфике социологического метода 8

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Шахбанова М.М.

Ритуальное поведение городского населения Дагестана 18

Маламагомедов Д.М., Рамазанов Р.О.

Система традиционного образования в примечетской школе
Дагестана: история и современное состояние 28

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Вагина В.О., Шаповалова А.М.

Развитие патриотизма в молодежной среде в онлайн-пространстве 44

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Ковалев В.В., Пруель Н.А.

Институт сити-менеджмента: причины низкой эффективности
в муниципальном управлении Юга России 54

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Уханова Ю.В., Смолева Е.О.

Онлайн- и офлайн-форматы гражданского участия:
возможности и риски 66

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Кожин В.В.

Социальная полезность российской модели
профессионального спорта 79

Информация для авторов 92

CONTENTS

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Chigrin V. A., Kazantsev O. A.

Concrete and abstract in sciences of society:
to the issue of the specifics of sociological method 8

SOCIOLOGY OF RELIGION

Shakhbanova M. M.

Ritual behavior of the urban population of Dagestan 18

Malamagomedov D. M., Ramazanov R. O.

Traditional education system in school at the mosque of Dagestan:
history and current state 28

SOCIOLOGY OF YOUTH

Shapovalova A.M., Vagina V.O.

Development of patriotism among youth in online space 44

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Kovalev V.V., Pruel N. A.

City management institute: reasons of low effectiveness
in municipal management in the South of Russia 54

DISCUSSION TRIBUNE

Smoleva E.O., Ukhanova U.V.

Online and offline formats of civic participation: possibilities and risks 66

YOUTH FORMAT

Kozhin V. V.

Social usefulness of Russian professional sport model 79

Information for Authors 92

**МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №3 (13)
МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.1

Научная статья

УДК 316.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.1>

**Конкретное и абстрактное в науках об обществе:
к вопросу о специфике социологического метода**

Виктор А. Чигрин¹, Осип А. Казанцев²

¹ Крымский филиал федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Симферополь, Республика Крым, Россия
e-mail: sociochigrin@mail.ru

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: koznew@bk.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается вопрос оснований и принципов работы метода социологии в системе наук об обществе как таковых. Формулируются базовые условия существования и функционирования научной рациональности. Поставленную же проблему нахождения единых условий для конструирования частных методов тех или иных дисциплин, исследующих социальные процессы и феномены, предлагается решить при помощи применения гегелевской концептуальной матрицы различения «конкретного» и «абстрактного», а также обращению к междисциплинарным исследованиям, философии и истории науки.

Методы. На материале методологических принципов, выдвинутых как классиками отечественной и зарубежной социологии (Конт, Дюркгейм, Вебер и т. д.), так и современными социальными мыслителями (Хабермас, Мид и т. д.), характеризуются особенности и различия методологического фундамента естественных и общественных наук.

Результаты. Делается вывод о необходимости обращения современной социологии к вопросам поиска методологического фундамента социальных наук в философии и истории науки, и, тем самым, актуализируется междисциплинарный характер решения научных проблем, среди которых ключевыми являются проблема освоения среды обитания и меры отношения человека к реалиям своего бытия.

Ключевые слова

гносеология; методология; знание; идея; интуиция; парадигма; эмпиризм; рационализм; принципы познания; специфика социального познания; абстрактное и конкретное.

Для цитирования

Чигрин В. А., Казанцев О. А. (2021). Конкретное и абстрактное в науках об обществе: к вопросу о специфике социологического метода. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), С. 8–16. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.1>

Concrete and abstract in sciences of society: to the issue of the specifics of sociological method

Victor A. Chigrin¹, Osip A. Kazantsev²

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Republic of Crimea), Simferopol, Republic of Crimea, Russia
e-mail: sociochigrin@mail.ru

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: koznew@bk.ru

Abstract

Introduction. The article considers the issue of the basis and principles of the work of the method of sociology in the system of sciences of society as such. Basic conditions for the existence and functioning of scientific rationality are formulated. It is proposed to solve the problem of finding common conditions for the construction of private

methods of certain disciplines that explore social processes and phenomena by using the Hegel conceptual matrix of distinguishing between "concrete" and "abstract," as well as turning to interdisciplinary studies, philosophy and history of science.

Methods. On the material of methodological principles put forward by both classics of domestic and foreign sociology (Comte, Durkheim, Weber, etc.), and modern social thinkers (Habermas, Mead, etc.), the features and differences of the methodological foundation of natural and social sciences are characterized.

Results. It is concluded that modern sociology needs to turn to the issues of finding the methodological basis of social sciences in philosophy and the history of science, and thus the interdisciplinary nature of solving scientific problems is actualized, among which the key ones are the problem of developing the habitat and measures of human attitude to the realities of one's existence.

Keywords

gnoseology; methodology; knowledge; idea; intuition; paradigm; empiricism; rationalism; principles of cognition; specifics of social cognition; abstract and concrete.

For citation

Chigrin V. A., Kazantsev O. A. (2021). Concrete and abstract in sciences of society: to the issue of the specifics of sociological method. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), P. 8–16 . <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.1>

Введение

В первой половине двадцатого столетия американский классик социологии, Чарльз Роберт Миллс, в знаковой работе «Социологическое воображение» выдвинул несколько лозунгов для исследователей общественных феноменов: «Каждый сам себе методолог! Методологи, за работу! Эти лозунги нельзя воспринимать слишком буквально, как обществоведам, нам следует защищаться, а, учитывая странную и не приличествующую научным занятиям бойкость некоторых наших коллег, мы рассчитываем на снисхождение за допущенную резкость» (Миллс, 2001. С. 72).

Оставляя в стороне подобные заявления в духе релятивизма или крайних форм прагматизма, граничащих с методологическим анархизмом Пауля Фейерабенда, необходимо согласиться с самой постановкой вопроса. Определение метода или методов для той совокупности множества дисциплин, теоретических и эмпирических практик, которые сегодня представляют собой суть социологической науки, есть насущная необходимость для разрешения как общественной, так и гносеологической полемики.

Заметим, что это утверждение исходит из далеко не новых споров по поводу статуса социально-гуманитарного знания по отношению к знанию естественнонаучному, технически ориентированному. Следует отметить, что во многих науках, по мере их расширения, прежде всего, в направлении так называемых «пограничных областей», наблюдались и наблюдаются многочисленные попытки расширения методологии исследования. Вот только один пример, почерпнутый из книги Е.В. де-Роберти, ставшей, к сожалению, раритетом на полках научной литературы: «Вопрос сводится к тому, чтобы поднять социологию на степень естественной науки об обществе, но для достижения этой цели, прежде всего, необходимо освободиться от некоторых распространенных заблуждений относительно условий, свойственных наблюдаемым в области социальной науки явлениям» (де-Роберти).

Российско-американский исследователь Михаил Эпштейн полагает, что в условно-специфическом противостоянии за статус в сциентистской и общественной иерархии социально-гуманитарное знание проигрывает, прежде всего, потому, что не имеет достаточного выхода в практику и к тому, что можно назвать производством технологий: «Представим себе, что есть физика, химия, биология, другие фундаментальные науки, но нет технологий, на них основанных. Нет автомобилей и самолетов. Нет агрономии. Нет инженерных и конструкторских профессий. Только изучение природы, но не трансформация ее. В таком положении находятся сейчас гуманитарные науки. Они изучают человека и все области культурной деятельности, но при этом сами остаются пассивными, поскольку у них нет своих технологий» (Эпштейн, 2016). С данным утверждением авторы статьи могут согласиться лишь частично, ибо сегодня довольно часто социальные практики «калькируются» социальными технологиями. Недаром, в глоссарий социологов вошло понятие «социальная инженерия». С примерами внедрения в нашу

жизнь подобных технологий мы сталкиваемся часто: от технологического планирования и проведения выборов до элементарного зомбирования в выборе источников информации, в выборе жизненных стандартов и т.п.

Кстати, американский исследователь Николас Шристакис, словно в пику Евгению де-Роберти, связывает отставание социальных и гуманитарных наук с «засильем старины» в них. Ориентированием на глубоком изучении старых тем и проблематик, относительно «древних» теоретических комплексов и идей, которые мешают продвижению в социально-гуманитарные исследовательские центры нового как такового: «Социальные науки должны оставить малочисленный почетный караул для сохранения уже известных тем и направить все возможные силы на освоение новых, многообещающих областей знания – таких, как поведенческая экономика, эволюционная психология, социальная эпигенетика, теория рисков, культурная антропология и когнитивные науки – многие из них находятся на стыке с естественными или компьютерными дисциплинами... Студенты естественных дисциплин уже с первого курса занимаются в лабораториях. Почему в социальных науках нет подобной практики? Новые разработки позволяют моделировать эксперименты по достижению рынком равновесия, человеческой кооперации, формированию социальных связей. Интернет позволяет задействовать тысячи добровольцев в рандомизированных экспериментах» (Павперов, 2013).

Так или иначе, подобная трактовка проблемы, как и в предыдущем случае, заранее предполагает преимущества методологии естественных наук, которые необходимо «догнать и перегнать» через восхождение к некоторым их особым, отличительным способностям последних. Но все-таки обращаясь к корням как государственного, так и общественного снисходительного отношения к социально-гуманитарному корпусу знаний, особенно в историческом контексте отношения к социологии в Советском Союзе, можно, в целом, согласиться с приводимым ниже выводом: «На протяжении десятилетий в западном исследовательском сообществе проходила интенсивная методологическая дискуссия относительно предпочтительных форм доказательства выдвигаемых научных гипотез... Российское исследовательское сообщество в значительной степени устранилось от методологических дебатов. В нем закрепилось скептическое отношение к господствующему в англосаксонском мире сциентистскому подходу к социально-гуманитарному знанию, которое нередко обосновывает тотальную обструкцию любых обращений к проблеме валидности последнего» (Торкунов, 2018).

Пожалуй, именно сложившийся в предметном поле научного коммунизма скепсис в отношении научности метода социологии и комплекса остальных общественных наук заключает в себе первопричину сложного по отношению к наукам о природе и техническим дисциплинам статуса социально-гуманитарного знания.

Таким образом, авторы убеждены, что для укрепления позиций социальных наук, необходимо еще раз предметно очертить специфику методологии социологии, особенно в части эмпирических социологических исследований. Вместе с тем сделать это предполагается путем определения специфичности самого предмета исследования социологической науки, а также проведения и нахождения методологических оснований научности как таковой, и научности естественно-технической в частности для формирования водораздела между ними. Дальнейшие рассуждения носят характер постановки вопроса как такового вместе с формулированием общих черт для решения последнего с обращением к потенциалу методологического различия абстрактного и конкретного.

Основания научности и рациональности до разделения наук о природе и обществе

С исторической точки зрения, наука как институция и особая общественная практика, позволяющая радикально и регулярно преобразовывать социальную реальность, выстраивать технические и производственные условия общества с его структурными особенностями, появилась в шестнадцатом – семнадцатом веках вместе с развитием математики, эмпирических методов, глубоких социальных изменениях в европейском мире и связана с промышленной революцией, великими географическими открытиями

и формированием современных обществ и государств (Розин, 2019). Тем не менее, истоки рациональности вообще и научного знания заложены гораздо глубже в истории и истоках современной цивилизации, о чем авторы писали в начале статьи.

Если обратиться к Роберту Мертону, с выведенными им четырьмя основными составляющими этоса науки – универсализм, коллективизм, бескорыстие и организованный скепсис (Омельченко, Пашарина, 2013) – и соотнести эту матрицу научности с историей развития теоретической мысли, необходимо возводить науку, как принято в истории и философии научного знания. Особенно учитывая проведенный Ж.-П. Вернаном, в работе «Происхождение древнегреческой мысли», анализ социальных условий полисной системы Эллады с возникновением там научной или прото-научной рациональности.

А именно Вернан видит становление и обособление рационального дискурса из мифологического мышления через несколько факторов. Основным из них он выделяет т. н. катастрофу Бронзового века – распад важнейших и сильных больших государств Древнего мира. В числе последних оказалось и Микенское царство, на месте которого осталось множество раздробленных поселений, которые не сформировали новых вертикальных властных структур, монархических империй или подобий восточных деспотий. Они создали совершенно новую форму и модель управления – полисную систему, основанную на самоуправлении гражданской общиной города-государства. Как заключает сам автор, «становление полиса, рождение философии - весьма тесные связи между этими явлениями объясняют возникновение рациональной мысли, истоки которой восходят к социальным структурам и складу мышления, присущим греческому полису. Включенная таким образом в человеческую историю, философия утрачивает характер откровения, который подчас приписывали ей, чувствуя в молодой науке ионийцев вневременной разум, начавший воплощаться во времени... Этот греческий разум не является экспериментальным разумом современной науки, который ориентирован на исследование физической среды» (Вернан, 1988).

Таким образом, падение Микен и последовавшая за ним политическая раздробленность создали уникальные условия в рамках древнегреческого мира в социальном, политическом, интеллектуальном и экономическом смысле. Формирование полисной системы с гражданской общиной, синтез общественных ценностей и идеалов равенства, в том числе имущественного эгалитаризма, зарождение культуры демократической дискуссии и критики – все это стало самой плодотворной почвой для появления научной рациональности. Вернан обозначает это в общих чертах как процесс вхождения все большего числа людей в духовный мир, ранее не доступный такому количеству человек: «процесс демократизации и установления открытого характера процедур будет иметь в интеллектуальном плане решающие последствия. Становление греческой культуры сопровождается открытием все более широкому кругу людей и в конце концов всему демосу доступа в духовный мир, бывший ранее привилегией военной аристократии и духовенства» (Вернан, 1988). Притом одно из важнейших условий «открытого сообщества», т. е. общества с демократизированными коммуникациями, представлено именно возможностью критического рассмотрения любого вопроса: «знания, нравственные ценности, техника мышления выносятся на площадь, подвергаются критике и оспариванию. Как залог власти, они не являются более тайной фамильных традиций; их обнаружение влечет за собой различные истолкования, интерпретации, возражения, страстные споры. Отныне дискуссия, аргументация, полемика становятся правилами как интеллектуальной, так и политической игры» (Вернан, 1988).

Особую историческую, интеллектуальную и символическую роль в переходе от мифологических духовных структур к логическим, рациональным и научным, как было отмечено выше, играет личность Сократа. Критическое осмысление реальности, предложенное Сократом, стало основанием для последующего развития философии, которую в тот исторический момент было необходимо понимать как «науку обо всем» или, как точнее выразился советский философ Эвальд Васильевич Ильенков, «теоретическое мышление вообще, она действительно его исследует, но делает это в ходе критического

преодоления религиозно-мифологического миропонимания, в процессе полемики с ним» (Ильенков, 2001).

Таким образом, прежде всего критическое отношение, скепсис к данному в общепринятом дискурсе и традиционном знании есть основание научного познания как такового, без различения на науки о природе и обществе. Отдельно отметим, что уже в античной философии можно различить не только будущие естественнонаучные специфические практики мыслителей, занимавшихся первыми, весьма примитивными физическими опытами и математическими измерениями (Биргер, 2014). Помимо зарождения в столь раннем этапе развития научной рациональности для дальнейшего различения природных и общественных наук, отметим, что «греческое чудо» дало, по нашему мнению, еще два базовых параметра для существования научности.

Первый – это концепция разумного устройства окружающего мира (включая и мир социальный), который сформировался в ходе переноса мифологического Логоса на почву рационализма. Кстати, об этом в разное время писали Рассел и Херст. А именно: «Идея Судьбы оказала большое влияние на всю греческую мысль, и она, возможно, была одним из источников, из которых наука извлекла свою веру в естественный закон» (Рассел, 1993). Рациональное устройство, таким образом, означает и возможность познания этого мира разумными существами (Херст, 2020).

Вторым необходимым пунктом и предпосылкой научного исследования от первых шагов теоретического знания вплоть до господства науки в современности предполагается постоянность умопостигаемых закономерностей: «если бы наши законы сами были подвержены изменению, то изменение никогда нельзя было бы объяснить с помощью законов. Следовало бы допустить, что изменение является чудом. И тогда научному прогрессу наступил бы конец, ибо новые и неожиданные наблюдения не ставили бы нас перед необходимостью пересматривать наши теории» (Поппер, 1993).

Итак, необходимым условием развития и функционирования любой науки могут быть названы критический подход к изучению различных предметов и в решении любого вопроса, а также две логические (и одновременно онтологические) предпосылки – наличие разумно постижимых законов и их постоянность. Все вместе это дает начало любой частной науке.

Далее перейдем к проведению специфической границы между естественными и социальными науками, а также применению понятийной матрицы «абстрактное – конкретное» в предметном поле социологии как науки.

Методология естественных наук, социологический метод и роль в нем дихотомии абстрактного и конкретного

В начале Нового времени произошло разделение и обособление частных наук. При этом революционное развитие, прежде всего естественных и технических наук связано с несколькими факторами: открытие (изобретение) эмпирических методов исследования и математизации привели к рождению новой, точной, прогностической и практико-ориентированной научной рациональности (Вайнберг, 2018). Последовавшее за этим преобразование интеллектуального, социального, экономического и прочих сфер жизнедеятельности общества Макс Вебер обозначил процессом «расколдовывания мира»: «[процесс]...рационализации, характеризующий наряду с научным мышлением современный менталитет, влечет за собой осмысление мира при помощи технико-рациональных категорий и полное абстрагирование от любых возможных проявлений трансцендентного» (Куччи, 2020).

Вместе с тем, приветствуя рост эмпирического знания и его практических последствий, он ограничивал сферу его применимости: «эмпирическая наука никогда не сможет никого научить тому, что нужно делать, но может лишь научить, что можно и что, при определенных обстоятельствах, хочется делать» (Куччи, 2020). В дальнейшем по-

добный взгляд на существо естественных, эмпирико-математических наук, будет развит в концепции «инструментального разума» представителями Франкфуртской школы социальных исследований, Гербертом Маркузе и Теодором Адорно.

Стивен Вайнберг, физик-теоретик и лауреат Нобелевской премии, яркий представитель естественнонаучной парадигмы, в работе «Объясняя мир», как важную характеристику современной научности называет редукционизм: «редукционизм – не программа по реформированию научной практики. Это точка зрения на то, почему мир является таким, каков он есть» (Вайнберг, 2018).

Это замечание помогает осмыслить особенность естественнонаучного метода количественного анализа, редукции от сложных форм к простым для различения и объяснения природы сложности. Это подпадает под определение Маркузе «технологического (инструментального) разума»: «научное понимание природы как поддающейся универсальному управлению видит в ней... всего лишь материал для теории и практики» (Маркузе, 1994). А также: «...объективный мир, за которым признаются только количественно определяемые качества, в своей объективности становится все более зависимым от субъекта... Свое... выражение это получает в некоторых концепциях современной научной философии, которые все содержание физической науки стремятся разложить на математические или логические отношения» (Маркузе, 1994).

Классики социологии, хотя изначально шли в фарватере обозначенной методологической традиции, но стремились к дифференциации от данной линии. Так, О. Конт ставил в основание своей социологии социальную критику (цель социологической науки – преобразование общества на новых, рационалистических началах). А Г. Спенсер, несмотря на свою идею «биологизации социологии», за что его критиковал де-Роберти, определял общественное развитие как особый вариант эволюции, в котором есть и свои специфические законы (Чекменева, 2012). Позднее Эмиль Дюркгейм в ряде методических работ еще конкретнее очертил методологическое отличие социологии от естественных наук. Хоть социальные факты и необходимо познавать как вещи материального мира, они требуют отказа от индивидуальных фактов и прочих идеологизированных установок для достижения максимальной объективности исследователя (Чекменева, 2012).

Осмысление методологической конструкции социологии самими социологами развернулось с большей силой в двадцатом столетии, ближе к послевоенному и в непосредственно послевоенное время. Притом во многом основной тенденцией в этом развитии стал переход от «калькирования» постулатов строгой формализации и объективации данных к качественному измерению. Так социология Джорджа Герберта Мида, как и частично основанная на нем концепция коммуникативной деятельности Юргена Хабермаса, выстраивается на взаимодействии между людьми на основе символических рядов и их интерпретации (Кравченко, 2011). Феноменологическая социология, развиваемая А. Шюцем, П. Бергером и Ю. Хабермасом, предполагает не только важный деятельностно-коммуникативный аспект в изучении общества, но и наличие особых диалектических отношений между субъективным и объективным мирами социальной реальности (Иванова, 2010).

Можно привести и иные методологические точки зрения и позиции, но так или иначе многие из них отделяют качественные измерения от количественных. Но как из этого различия вывести некоторые основания для познавательной социальной матрицы? Как нам представляется, если обратиться к спору Карла Поппера и Теодора Адорно о методе и логике социальных наук в 1961 году, то выходит два варианта генерирования социологической методологии на основе качественного, контекстного анализа.

Первый вариант сформулирован Поппером: «в социальных науках существует чисто объективный метод, который вполне можно назвать методом объективного понимания, или ситуационной логикой... Её метод состоит в анализе социальной ситуации действующих людей, достаточном для того, чтобы объяснить их действия ситуацией, без дальнейшей помощи со стороны психологии. Объективное понимание состоит в осознании того, что действие объективно соответствовало ситуации» (Поппер, 2008).

Этому варианту противоположно предложение Адорно: «сколь бы неотделимой от кооперации и антагонизма своих элементов ни была бы целостность жизни такого общества, малопонятным остается каждый ее элемент в своем функционировании без видения целого, сохраняющего собственную сущность в движении элементов. Система и элемент взаимозависимы и познаваемы лишь в их взаимозависимости. Даже те анклавные, социальные образования, принадлежащие к различным временам... должны рассматриваться не сами по себе, но прежде всего с той господствующей тотальностью, от которой они отклоняются» (Адорно, 2008).

Первый вариант отказывается от обнаружения и вообще существования общественных законов и сводит само общество к совокупности тенденций и ситуативных процессов, к множеству случайностей, радикально отличных от природной механической причинности. Вместе с тем попперовский вариант, приходя к специфике социального познания, отсекает его от научности в общем и классическом понимании, в т. ч. представленном нами выше. Притом в первом изложении имплицитно заложена та же практика количественного сведения некоей ситуации к ее структурным, формализованным элементам. Т. Адорно предлагает другой путь – соотносить эмпирические и теоретические данные с большим и высшим по порядку и размерности контекстом, т. е. включать частные социальные факты в рамки рассмотрения общественной системы. Изучать множественные процессы в границах общества как целого. Из этого методологического хода образуется определенная понятийная матрица оппозиций, которая позволяет разглядеть в обществе или какой-либо его совокупности элементов многоуровневые структуры взаимовлияния. С оппозициями как началом исследования подходит другой классик социологии, Ф. Теннис, (Малинкин, 1998), вводя несколько пар противоположных отношений перед дальнейшим их синтезом в базовые понятия своей системы.

В конечном счете, философский исток предложенный Адорно как вариант базы для социологического метода кроется в работах Гегеля, который выводит две возможные формы рассуждения. Одна из них – абстрактное размышление, при котором человек, исследуя и обсуждая ту или иную ситуацию мыслит ее в разрывности и отдельности от прочих ситуаций и от большего контекста, удаляется от истинного понимания данной ситуации (Гегель, 2006). Второй способ рассуждения – конкретное мышление, как раз наоборот позволяет приблизиться к действительному содержанию той или иной ситуации потому, что следующей конкретности включает в свое рассуждения все контексты, в которых как часть или элемент находятся и существует некая ситуация. Именно эта оппозиция «абстрактное – конкретное» может быть применена как предустановочная методологическая матрица как для социологии, так и для других социальных наук ввиду сложности, процессуальности и определенной нематериальности их предметов изучения, в связи с чем получить объективное знание возможно лишь при адекватном и корректном обращении с контекстами и уровнями в изучаемом объекте. Притом, как замечает Адорно, понимание уровней всегда подразумевает межуровневый аспект в любом исследовании, т. е. интегрированность фактора междисциплинарности в процесс изучения социальных предметов: «граница между обеими науками так же мало абсолютна, как между социологией и экономикой или как между социологией и историей. Взгляд на общество как на тотальность предполагает также, что все действенные в этой тотальности и несводимые друг к другу без остатка моменты должны войти в процесс познания; научное разделение труда никого не должно терроризировать» (Адорно, 2008).

Заключение

Таким образом, в попытке исследования методологического инструментария социологической науки, нами были рассмотрены проблемы определения научности как таковой, проведено различие между методологиями естественнонаучными и социальными. В общем и целом в данной работе реактуализирована методологическая проблематика современных социальных наук в полемике с науками естественными и техническими, для решения которой требуется большее участие как самой социологии, так и вовлечение данных из философии и истории науки, т. е. как раз привлечение междисциплинарных практик. Ведь сама по себе полемика и разногласия между двумя научными

корпусами есть общественная проблема, которая необходимо требует межуровневого анализа.

Литература

- Адорно, Т. К логике социальных наук. Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/adorno/log_soc.php
- Биргер, П.А. Успехи и проблемы античного научного эксперимента. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uspehi-i-problemy-antichnogo-nauchnogo-eksperimenta>
- Бровкин, В.В. Критика религии в ранней эллинистической философии. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-religii-v-ranney-ellinisticheskoy-filosofii>
- Вайнберг, С. (2018). *Объясняя мир. Истоки современной науки*. М.: Альпина нон-фикшн, 624.
- Вернан, Ж.-П. (1988). *Происхождение древнегреческой мысли*. М.: Прогресс, 224.
- Гегель, Г.В.Ф. (2006). Кто мыслит абстрактно? *Культурно-историческая психология*, 2, 29-31.
- Гусев, Д.А. Скептицизм как высшая форма дискурсивного реализма. Режим доступа: https://e-notabene.ru/fr/article_13496.html
- де-Роберти, Е. (1880). *Социология*. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 368.
- Иванова, А.С. Феноменологическая социология в контексте современных методологических дискуссий. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-sotsiologiya-v-kontekste-sovremennyh-metodologicheskikh-diskussiy>
- Ильенков, Э.В. Античная диалектика как форма мысли. Режим доступа: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/antdia.html>
- Кравченко, Е.И. Научные воззрения Дж. Г. Мида в курсе истории и теории социологии. Режим доступа: <https://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/23/1214891666/KravchenkoEI.pdf>
- Куччи, Дж. К столетию смерти Макса Вебера. Режим доступа: <http://laciviltacattolica.ru/2021/04/09>
- Малинкин, А.Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhizni-i-tvorchestve-ferdinanda-tennisa>
- Маркузе, Г. (1994). *Одномерный человек*. М.: REFL-book, 368.
- Миллс, Ч.Р. (2001). *Социологическое воображение*. М., 264.
- Омельченко, Н.В., Пашарина Е.С. Принцип сомнения в этосе науки Роберта Мертона. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-somneniya-v-etose-nauki-roberta-mertona>
- Поппер, К. Логика социальных наук. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3959>
- Павперов, А. «Общественные науки значительно отстают от естественно-научных»: Николас Шри-стакис о переменах в социальных дисциплинах. Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/7548-social-studies>
- Поппер, К. (1993). *Нищета историцизма*. М.: Издательская группа «Прогресс», 187.
- Рассел, Б. (1993). *История западной философии*. М.: МИФ, 506.
- Рассоха, И. Н. (2007). *Апология софистов. Релятивизм как онтологическая система*. Харьков: ХНАМГ, 422.
- Розин, В.М. Наука как познание действительности и институт модерна (идеи новой концепции). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-kak-poznanie-deystvitelnosti-i-institut-moderna-idei-novoy-kontseptsii>
- Сапов, В.В. Социологическое знание в социальной утопии Платона. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/307/848/1217/013_sapov.pdf
- Торкунов, А.В. (2018). Вызовы социогуманитарной науке в России. *Полис. Политические исследования*, 5, 8-16.
- Херст, Д. (2020). *Краткая история Европы*. М.: Бомбора, 320.
- Чекменева, Т.Г. Теория и методология познания в трудах классиков социологии: О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-metodologiya-roznaniya-v-trudah-klassikov-sotsiologii-o-kont-g-spenser-e-dyurkgeym-m-veber>
- Эпштейн, М. О гуманитарном изобретательстве. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/138_nlo_2_2016/article/11876/

References

- Adorno, T. (2008). To the logic of social sciences. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/adorno/log_soc.php
- Birger, P.A. (2014). Successes and problems of an ancient scientific experiment. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uspehi-i-problemy-antichnogo-nauchnogo-eksperimenta>
- Brovkin, V.V. (2019). Criticism of religion in early Hellenistic philosophy. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-religii-v-ranney-ellinisticheskoy-filosofii>
- Weinberg, S. (2018). *Explaining the world. The origins of modern science*. М.: Alpina non-fiction.
- Vernan, J.-P. (1988). *The origin of ancient Greek thought*. М.: Progress.
- Hegel, G.V.F. (2006). Who thinks abstractly? *Cultural and historical psychology*, 2, 29-31.

- Gusev, D.A. (2014). Skepticism as the highest form of discursive realism. Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_13496.html
- de Roberti, E. (1880). *Sociology*. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich.
- Ivanova, A.S. (2011). Phenomenological sociology in the context of modern methodological discussions. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-sotsiologiya-v-kontekste-sovremennyh-metodologicheskikh-diskussiy>
- Ilyenkov, E.V. (2001). Antique dialectics as a form of thought. Available at: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/antdia.html>
- Kravchenko, E.I. Scientific views of J. G. Mead in the course of history and theory of sociology. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/23/1214891666/KravchenkoEI.pdf>
- Kuchchi, J. (2020). The centenary of Max Weber's death. Available at: <http://laciviltacattolica.ru/2021/04/09>
- Malinkin, A.N. (1998). On the life and work of Ferdinand Tönnies. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhizni-i-tvorchestve-ferdinanda-tennisa>
- Marcuse, G. (1994). *One-dimensional man*. M.: REFL-book.
- Mills, C.R. (2001). *Sociological imagination*. M.: NOTA BENE.
- Pavperov, A. (2013). "Social sciences are significantly behind the natural sciences": Nicholas Shristakis on changes in social disciplines. Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/7548-social-studies>
- Popper, K. (2008). Logic of social sciences. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/3959>
- Popper, K. (1993). *Poverty of historicism*. M.: Publishing group "Progress".
- Russell, B. (1993). *History of Western philosophy*. 1. M.: MYF.
- Omelchenko, N.V., Pasharina, E.S. (2013). The principle of doubt in the ethos of science by Robert Merton. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-somneniya-v-etose-nauki-roberta-mertona>
- Rassokha, I.N. (2009). *Apology of sophists. Relativism as an ontological system*. Kharkov: KHNAMG.
- Rosin, V.M. (2019). Science as knowledge of reality and the Institute of Art Nouveau (ideas of a new concept). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-kak-poznanie-deystvitelnosti-i-institut-modernayey-idei-novoy-kontseptsii>
- Sapov, V.V. (1993). Sociological knowledge in the social utopia of Plato. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/307/848/1217/013_sapov.pdf
- Torkunov, A.V. (2018). Challenges to sociohumanitarian science in Russia. *Policy. Political research*, 5, 8-16.
- Hurst, D. (2020). *A brief history of Europe*. M.: Bombr.
- Chekmeneva, T.G. (2012). Theory and methodology of knowledge in the works of the classics of sociology: O. Comte, Spencer, E. Durkheim, M. Weber. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-metodologiya-poznaniya-v-trudah-klassikov-sotsiologii-o-kont-g-spenser-e-dyurkgeym-m-veber>
- Epstein, M. (2016). On humanitarian invention. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/138_nlo_2_2016/article/11876/

Дата получения рукописи: 14.09.2021

Дата окончания рецензирования: 20.10.2021

Дата принятия к публикации: 23.10.2021

Информация об авторах

Чигрин Виктор Александрович – доктор социологических наук, профессор, научный руководитель и главный научный сотрудник Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь; e-mail: sociochigrin@mail.ru

Казанцев Осип Андреевич – студент-магистрант, преподаватель в Лицее ЮФУ, г. Ростов-на-Дону; e-mail: koznew@bk.ru

Information about the authors

Chigrin Victor Aleksandrovich – Doctor of Sociological Sciences, professor, principal investigator and chief researcher of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Republic of Crimea), Simferopol; e-mail: sociochigrin@mail.ru

Kazantsev Osip Andreyevich – master student, teacher in the Lyceum of Southern Federal University, Rostov-on-Don; e-mail: koznew@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №3 (13)

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.2

Научная статья

УДК 316.347(470.62)

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.2>**Ритуальное поведение городского населения Дагестана****Мадина М. Шахбанова¹**

¹Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Республика Дагестан, Россия
madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблема религиозности и религиозного поведения актуализирована в научном пространстве на фоне усиления роли религии, стремления духовных лидеров проникать практически во все общественные сферы и стремления в них доминировать, что вызывает в массовом сознании неприятие и очень часто осуждение.

Теоретическое обоснование. Росту исламского компонента в российском пространстве способствовало изменение базовых основ российского социума, резкий переход от господствовавшей в обществе атеистической идеологии к иным мировоззренческим установкам. Однако для такого развития российского общества имелась мощная платформа, ибо существовавшее декларирование свободы совести в реальности невозможно было осуществлять. Соответственно, трансформация российского общества закономерно расширила границы для свободного функционирования культовых институтов, обеспечила доступ населения к религиозным знаниям.

Методы. Эмпирическое исследование проведено в 2020 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является городское население. Предметом исследования выступает религиозное поведение городского населения Дагестана. Место проведения опроса – гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр. Основанием для включения данных городов в выборку исследования является территориальный параметр, который позволяет равномерно охватить северную, равнинную и южные административные образования. N = 563.

Результаты и их обсуждение. Анализ результатов авторского социологического опроса показывает, что исламское возрождение в Дагестане сопровождалось активизацией ритуального поведения населения республики, однако глубинное изучение культового поведения горожан показывает характерную им формальную религиозность: установлено существование несоответствия между базовыми исламскими постулатами в религиозном поведении и реальным ритуальным поведением опрошенного городского населения.

Ключевые слова

религиозное поведение; религиозная идентичность; религиозность; религиозные постулаты; городское население; ислам; исламское учение; религиозно-обрядовая сфера.

Для цитирования

Шахбанова М. М. (2021). Ритуальное поведение городского населения Дагестана. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), С. 18–27. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.2>

Ritual behavior of the urban population of Dagestan**Madina M. Shakhbanova¹**

¹Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract

Introduction. The problem of religiosity and religious behavior is actualized in the scientific space against the background of the increasing role of religion, the desire of spiritual leaders to penetrate practically all social spheres and dominate there, which causes rejection and condemnation in the mass consciousness.

Theoretical justification. The growth of the Islamic component in Russia was facilitated by change in the basic foundations of Russian society, sharp transition from the atheistic ideology that prevailed in society to other ideological attitudes. However, there was a powerful platform for such a development of Russian society, because the existing declaration of freedom of conscience could not be implemented in reality. Accordingly, the transformation of Russian society logically expanded the boundaries for the free functioning of religious institutions, provided the population with access to religious knowledge.

Methods. The empirical study was conducted in 2020 by the method of random selection. The object of the study is the urban population. The subject of the study is the religious behavior of the urban population of Dagestan. The survey location is cities Derbent, Kaspiysk, Makhachkala, Khasavyurt, Kizlyar. The basis for the inclusion of these cities in the research sample is the territorial parameter, which allows to cover equally the northern, plain and southern administrative entities. N = 563.

Results and its discussion. The analysis of the results of the author's sociological survey shows that the Islamic revival in Dagestan was accompanied by intensification of the ritual behavior of the population of the republic, however, an in-depth study of the cult behavior of the townspeople shows their characteristic formal religiosity: the existence of an inconsistency between the basic Islamic postulates in religious behavior and the real ritual behavior of the surveyed urban population has been established.

Keywords

religious behavior; religious identity; religiosity; religious doctrines; urban population; Islam; Islamic doctrine; religious-ceremonial sphere.

For citation

Shakhbanova M. M. (2021). Ritual behavior of the urban population of Dagestan. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), P. 18–27. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.2>

Введение

Исследование религиозной сферы и отношения населения к вероисповеданию закономерно требует рассмотрения таких ключевых параметров как религиозность и выраженность ее типов, религиозная идентичность, культовое поведение, частотность ритуального действия и т.д. Исследование конфессиональной идентичности, по мнению религиоведов, должно осуществляться «в контексте 1. индивидуальной идентичности "как приобретение посредством религии собственного экзистенциального опыта" (Крылов, 2012, с. 27) и в контексте 2. социальной идентичности как принадлежность к определенному сообществу (например, мусульманской умме). При этом религия может выступать одновременно и как содержание, и как инструмент идентификационного процесса» (Павлова, Миназова, Хухлаев, 2016, с. 91). По мнению М.М. Мчедловой, «религиозная самоидентификация нередко определяется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной национальной культурой, образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии ("русский" потому что "православный", "татарин", поэтому "мусульманин")» (Мчедлова, 2009, с. 99).

В современной науке существует подразделение типов религиозности, и большой вклад внес Г. Оллпорт, который выделяет внутреннюю и внешнюю формы религиозности: «люди с [внешней] ориентацией склонны использовать религию для своих целей. Они могут считать религию полезной по разным причинам – как источник уверенности и утешения, общения и развлечения, статуса и самооправдания. Свою веру они принимают не особо всерьез или же выборочно кроют под себя и более важные свои интересы. У людей с [внутренней] ориентацией религия – основной мотив. Другие потребности, хотя бы и сильные, они считают в конечном счете менее важными и пытаются приводить их к согласию с религиозными убеждениями и предписаниями. Свою веру они пытаются усвоить (internalize) и полностью ей следовать» (Allport, 1966; Allport, Ross, 1967).

М.П. Мчедлов к факторам повышения роли вероисповедания в Российском государстве причисляет «политические, правовые перемены в стране, ухудшение экономического и экологического положения, социально-политическую нестабильность, межэтнические противоречия, необходимость преодоления бездуховности, нравственный кризис, повышение национального самосознания, необходимость ограничить антигугу-

манные, разрушительные последствия прогресса» (Мчедлов, 2005, с. 69). При этом действительная приверженность и реальное следование религиозным предписаниям, иными словами, религиозность проявляется через различные типы и формы религиозного поведения.

Исследование специфики религиозного поведения современного верующего россиянина, независимо от исповедуемой религии, актуализировано по причине усиления роли религиозного компонента и религиозных организаций на постсоветском пространстве. Кроме того, «в массовом сознании есть стереотипы о религиозном поведении православных и мусульман: принято считать, что мусульмане более религиозны, чем православные, и отличаются более активным религиозным поведением. Распространено мнение, что православные более суеверны, чем мусульмане, что православные отличаются идейной эклектикой и религиозной неопределенностью. Что же касается ценностных ориентации, в СМИ часты рассуждения о противоположности систем ценностей у представителей этих двух конфессий. Такие рассуждения приводят к выводу о якобы неизбежном цивилизационном конфликте православных и мусульман» (Синелина, 2009, с. 89).

Наличие такого «противостояния» в религиозном сообществе обусловлено усилением роли религиозных центров, в том числе РПЦ и духовных управлений мусульман в российских регионах: «повышение социального статуса Церкви в российском обществе не вызывает сомнений у большинства ученых. Разногласия касаются в основном двух вопросов. **Первый:** Обусловлен ли этот процесс реальным изменением российского менталитета, ростом уровня и степени религиозности, или речь идет о поверхностной, модной демонстрации своего позитивного отношения к религии, связанного с ростом этнонационального сознания, поиском культурной идентичности? **Второй:** Какие последствия в долгосрочной перспективе развития социума влечет за собой наблюдаемая реконструкция религиозных отношений, не приведет ли она к клерикализации социальных отношений и межконфессиональной розни?» (Локосов, Синелина, 2008, с. 106).

Теоретические основы исследования

Исследование религиозности предполагает выявление ее взаимосвязи с поведением человека, установление «адекватных характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности» (Ильясов, 1987, с. 51), ибо «определение критериев религиозности представляет серьезную проблему как теоретического и методологического, так и практического характера, вокруг которой ведут ожесточенные дискуссии» (Лебедев, 2005, с. 153). Если обратиться к истории изучения положения религии в нашем обществе, то еще в социалистический период отечественные исследователи пытались найти наиболее приемлемый метод изучения религиозности населения, который позволил бы объективно охарактеризовать состояние их религиозного сознания и специфику религиозного поведения: «для измерения религиозности применялся показатель "участие в религиозных обрядах", который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности – "вера в сверхъестественное" – суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в Бога и в отдельные положения теологической доктрины» (Ильясов, 1987, с. 50).

В отечественной социологии религии имеются и другие методы измерения религиозности: методика Д.М. Угриновича, включающая в себя 49 эмпирических показателя, корреляция которых определяет тип религиозности индивида (Угринович, 1985). Более упрощенную, по сравнению с методикой Д.М. Угриновича, подход предлагает Ф.Н. Ильясов: «более надежной и менее трудоемкой является процедура опроса, при которой необходимо задавать только 2 прямых вопроса: один измеряет признак "вера", другой –

"отношение к религиозной (атеистической) деятельности". Иными словами, по горизонтали размещают значения показателя "участие в религиозной (атеистической) деятельности", по вертикали – "вера" и пересечение этих строк показывает определенные типы религиозности» (Ильясов, 1987, с. 51).

По мнению И.Н. Яблокова, при классификации типов религиозности необходимы: «учет объема, содержания и уровня религиозного сознания, степень включенности индивида в религиозные отношения, интенсивность религиозного поведения» (Яблоков, 1979, с. 123).

В концепции Н.П. Алексеева «одним из центральных вопросов методики конкретного изучения религиозных пережитков любой социальной группы является вопрос о критерии религиозности» (Алексеев, 1967, с. 133) и далее «одни исследователи считают верующими лишь членов религиозных обществ, активно участвующих в их религиозной жизни, другие к этой категории причисляют всех, кто в той или иной форме признает существование сверхъестественных сил, третьи, отыскивая критерий, принимают во внимание целый комплекс представлений, чувств и обрядов и конструируют сложную, многоступенчатую систему оценок религиозности» (Алексеев, 1967, с. 133). Н.П. Алексеев считает, что «с учетом множества факторов, верующие и неверующие различаются по глубине их веры и неверия: среди верующих встречаются фанатики, среди неверующих убежденные атеисты. Эти группы различаются и по целостности, последовательности мировоззрения. Далеко не все неверующие последовательны в своих убеждениях. Например, многие из них отрицают существование нечистой силы, загробной жизни и другие элементы догматики. Непоследовательность мировоззренческих позиций неверующих может проявиться в признании ими сверхъестественных сил с очень ограниченной областью действия» (Алексеев, 1967, с. 134). На основе данных тезисов Н.П. Алексеев сформулировал классификацию типов, охватывающих «религиозных людей от активных и последовательных верующих до активных атеистов». При этом внутри данной типологии имеется следующая классификация: «верующие: активные/пассивные; колеблющиеся: последовательные/непоследовательные; неверующие: активные/пассивные» (Алексеев, 1967, с. 134).

Место конфессионального фактора, существование и степень выраженности религиозной идентичности, ее роль в жизни современного человека позволяют выявить социологические методы, иными словами, благодаря эмпирическому исследованию можно получить данные, подтверждающие и опровергающие те или иные утверждения. Более того, параметры измерения вовлеченности человека в религиозную жизнь позволяют в полной мере изучить не только степень веры и глубину религиозного мировоззрения, но и показать место и роль конфессии, ее институционализированных форм в жизни людей, носителей разных вероучений. Поэтому в рамках данного исследования выбраны несколько индикаторов, которые являются обязательными для мусульманина: «1. исповедание веры, то есть произнесение шахады вслух ("Нет божества кроме Аллаха, а Мухаммад – посланник Аллаха"), искреннее убеждение в ее истинности; 2. ежедневная пятикратная молитва (намаз); 3. соблюдение поста (Ураза) в месяц Рамадан; 4. хадж (паломничество); 5. закят (обязательная уплата налога, взимание которого предписано в Коране, а размеры обложения разработаны в шариате)» (Как принять мусульманскую веру...).

Существование вероучения предполагает наличие социальных образований, потому что «религиозные представления являются коллективными представлениями, выражающими коллективную реальность» (Ерекешева, 2008, с. 120). Следовательно, «так как категории мышления имеют религиозное происхождение, то они также должны принимать участие в том, что является общим для всех религиозных феноменов: они также должны быть социальными явлениями, продуктами коллективной мысли» (Ерекешева, 2008, с. 120). Т.е.

отсутствие необходимой социальной солидарности может привести к ухудшению нравственного климата, форм социального взаимодействия, следовательно, распространению деструктивных тенденций в обществе. По мнению В.И. Гараджы, «религия как миропонимание, основанное на вере в сверхъестественное, проявляется в первую очередь в создании людьми святынь (sacrum) и в использовании их в разнообразных интересах» (Гаражда, 2003, с. 338).

По мнению С.В. Рыжовой, «общественные ритуалы в отношении "священного", совершаемые коллективно, создают чувство группового единства и являются ключом к обеспечению позитивной социальной интеграции, так как оформляют выражение потребностей людей в поклонении и групповой сплоченности. В современных условиях это наблюдение в полной мере относится к практике коллективной молитвы в исламе, к православным коллективным религиозным обрядам и праздникам (богослужение, крестный ход, посещение кладбищ в дни поминовения)» (Рыжова, 2017, с. 57). Таким образом, можно утверждать, что человек принимая участие в религиозных обрядах и ритуалах, оказывается приобщенным к «священному», что для его религиозного сознания является очень важным.

Таким образом, в данной статье рассматривается ритуальное поведение городского населения Дагестана, интенсивность их культового поведения, корреляция типа религиозности и религиозно-обрядовой стороны.

Методы исследования

В данной статье использованы результаты авторского социологического опроса по изучению религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана. Методом исследования является случайный отбор посредством анкетирования – правильно ли я сформулировала. Опрос проведен в 2020 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр. Основанием для включения данных городов в выборку исследования является территориальный параметр, который позволяет равномерно охватить северную, равнинную и южные административные. Изучение ритуального поведения городского населения проведено с использованием методики исследования религиозности Ф.Н. Ильясова (показатели «участие в религиозных обрядах» и «вера в сверхъестественное») (Ильясов, 1987) и Н.П. Алексеева (классификация типов религиозности, которая подразделяет верующих на «активных и пассивных», колеблющихся на «последовательных и непоследовательных», неверующих на «активных и пассивных») (Алексеев, 1967). N = 563.

Результаты исследования

Сущность религиозности определяется такими индикаторам как 1. вера и 2. соблюдение религиозных предписаний, поэтому в рамках данного исследования, исходя из существования «традиционно верующий» и «номинально верующий», внимание было уделено анализу культового поведения городского населения Дагестана (см. табл. 1, вторая цифра в таблице в графе «Всего» – данные социологического опроса 2014 г.).

Эмпирические данные показывают, что реальное и декларируемое городским населением культовое поведение заметно отличается: так, доля постоянно посещающих мечеть менее 10 %, при доминировании суждения «я редко посещаю мечеть» (каждый третий опрошенный по всему массиву), причем данную позицию отметила почти одна треть опрошенных во всех подгруппах, за исключением подмассива убежденно верующих. При этом закономерным выглядит ритуальное поведение респондентов, которые самоидентифицируются как неверующие и убежденно неверующие, в то время как вопрос вызывает поведение подгруппы убежденно верующих и верующих, которые можно сказать равнодушны к религиозно-обрядовой стороне ислама. Среди предписаний ислама есть обязательные (фарз) и необязательные для соблюдения правила и предписа-

ния. Так, совершение пятикратного намаза является одним из столпов ислама и обязательен для исполнения: если больше половины опрошенных в подгруппе убежденно верующих регулярно совершает намаз, то доля таковых существенно меньше в подмассиве верующих, более того, одна пятая часть в данной когорте «вообще не совершает намаз». Далее почти одинаковая доля в подгруппе верующих и убежденно верующих постоянно читает религиозные тексты; однако, большая половина верующих выбрала суждение «я редко читаю религиозные тексты», а каждый пятый опрошенный в этой же подгруппе «вообще не читает религиозные тексты». Пост (Уразу), который также является обязанностью мусульманина, как показывают результаты опроса, регулярно соблюдает больше половины опрошенных в подгруппе убежденно верующих и одна вторая часть верующих, при этом каждый второй в подмассиве верующих и колеблющихся, одна пятая часть в подгруппе убежденно верующих «иногда соблюдает пост». Еще одно ключевое предписание мусульманства (выплата закята) регулярно осуществляет больше половины идентифицирующихся как убежденно верующие, каждый третий из подмассива верующих, а также в подгруппах колеблющихся (каждый девятый респондент) и неверующих (одна шестая часть); одна пятая часть убежденно верующих и каждый третий среди верующих нерегулярно выплачивает религиозный налог (закят). Видимо, в подмассив вообще не выплачивающих закят, по мнению автора, попала категория мусульман, которая не обязана его выплачивать.

Таблица 1

«Как часто Вы посещаете мечеть?», «Как часто Вы совершаете намаз?»,
 «Как часто Вы читаете религиозные тексты (Коран и т.д.)?»,
 «Как часто Вы соблюдаете пост (Уразу)?», «Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?» (%)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Колеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Посещение мечети						
Постоянно	17,6	4,1	0	5,3	0	8,6/5,5
Часто	25,9	17,7	7,0	5,3	0	18,9/16,2
Редко	28,8	32,8	30,2	31,6	11,1	30,4/35,8
Никогда	23,9	42,4	48,8	42,1	77,8	37,2/39,8
Частотность молитвы (намаз)						
Постоянно	84,9	50,9	11,6	5,3	0	57,2/44,6
Редко	5,9	19,9	34,9	15,8	11,1	15,5/13,5
Никогда	2,9	22,1	44,2	57,9	77,8	19,8/36,3
Чтение исламских текстов						
Постоянно	48,3	14,8	4,7	5,3	0	25,5/12,9
Редко	43,4	58,7	44,2	21,1	16,7	49,3/45,2
Никогда	5,4	22,1	44,2	68,4	77,8	21,0/34,9
Регулярность соблюдения поста (Ураза)						
Постоянно	76,1	41,3	9,3	0	0	48,9/39,1
Редко	22,4	45,8	46,5	15,8	16,7	35,3/35,4
Никогда	1,0	8,9	39,5	63,2	77,8	12,4/17,7
Регулярность выплаты исламского религиозного налога (закят)						
Постоянно	56,6	32,5	11,6	15,8	0	38,1/25,9
Редко	20,0	29,9	32,6	5,3	22,2	25,4/17,1
Никогда	14,1	27,3	44,2	57,9	66,7	26,1/28,5

Сравнение эмпирических данных по годам (2014 и 2020 гг.) показывает заметное уменьшение доли городского населения, которая соблюдала религиозные предписания, что позволяет сделать вывод об отсутствии сильной связи между религиозностью и ориентацией следовать религиозным (исламским) нормам, а это заново актуализирует постановку вопроса «Кого считать верующим человеком?». Более того, можно утверждать, что «несмотря ни на какие заявления о религиозном ренессансе, уровень религиозности изменился мало, знаменуя причастность к религии значительной части населения только на вербальном уровне» (Тощенко, 2003, с. 303).

Результаты исследования являются констатацией доминанты светского характера российского общества и государства. Вместе с тем, отождествление человека с определенным вероисповеданием, может быть, обозначением общности с культурно-цивилизационной традицией, чем с религией и ее правилами поведения. Основанием для такого вывода являются результаты опроса, демонстрирующие уменьшение количества лиц, которые строго следуют исламским постулатам и нормам поведения. Однако здесь возникает проблема соотношения веры и культового поведения: если человек строго не следует религиозным предписаниям при одновременной самоидентификации «я верующий», то к какой когорте его причислять? Данный вопрос активно обсуждается религиоведами, и автор придерживается позиции, что ключевым в данном процессе должно быть обозначение конкретно взятым индивидом своего отношения к религии – «верующий» и «неверующий», оставляя за пределами собственно религиозное поведение. Поэтому культовое поведение, соблюдение основных норм исповедуемого вероучения, по мнению автора, является личным делом человека, вернее эта область его личного взаимодействия с Аллахом (Богом).

Изучение нормативной религиозной практики городского населения Дагестана позволяет сделать вывод о том, что доля горожан, активно вовлеченных в религиозную жизнь, регулярно и тщательно соблюдающих базовые положения исламского вероучения по разным показателям (намаз, чтение религиозных текстов, соблюдение поста, посещение мечети) не очень велика, причем можно проследить противоречивое религиозное поведение именно в подгруппах убежденно верующих и верующих. В то же время несомненно, что когорта населения, придерживающаяся религиозно-обрядовой стороны ислама в повседневной жизни достаточно заметна, ибо она включает в себя достаточно широкий спектр ритуалов, которые являются существенными индикаторами измерения, во-первых, степени религиозности человека, во-вторых, его вовлеченности в религиозную культуру.

Для мусульманской уммы сопричастность к религиозной культуре исламского вероучения заключается в том, чтобы строго следовать его предписаниям, в частности, участие в праздничной религиозной культуре (празднование Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, проведение мавлидов по значимым для мусульманства датам, поминание известных проповедников и т.д.). Далее к обрядовой стороне религиозности можно отнести и следование традициям, каковыми являются бракосочетание, имянаречение, обрезание, причем обрядовая религиозность предполагает обязательность коллективного действия и участие в групповых и общественных обрядах.

В настоящее время, обозначение официальной властью важности национальной идеи в формировании государственно-гражданской (русской) идентичности, сохранение культурного наследия и т.д. в полной мере поддержки в общественном сознании россиян не находят и для этого имеются объективные и субъективные причины, в частности, неудовлетворенность населения своим социально-экономическим положением, уровнем материального благополучия и т.д. Закономерно, что в такой ситуации в массовом сознании поддержку и понимание находят именно религиозные идеи и ценности, более того, в сложной ситуации конфессиональные символы и ценности способны осуществлять социальную консоли-

дации на различных уровнях (российский и региональный), особенно в субъектах, в которых население является носителем мусульманского вероучения. При этом демонстрация религиозной культуры вызывает нарекания со стороны общественности, особенно, нерелигиозной части населения с мотивацией возможной дальнейшей клерикализации российского общества, хотя «на уровне повседневности такая культурная обрядовая религиозность является, скорее, элементом культуры доверия (чем недоверия и цинизма), так как участвует в формировании установок убежденной нормативной этнической толерантности, выражающейся в готовности принять человека другой национальности в качестве гражданина России и жителя своего города» (Рыжова, 2017, с. 56).

Далее в рамках рассмотрения обрядовой религиозности городского населения республики интерес представляет обозначение ими социальной дистанцированности: так, больше половины опрошенных, как показывает проведенный опрос, практически во всех подгруппах, независимо от типа религиозности ориентированы на принятие человека иной конфессиональной принадлежности во всех социальных сферах, за исключением семейно-брачной – здесь респонденты подчеркивают важность вероисповедания брачного партнера.

Так сопоставление между собой вопросов «Для Вас важно вероисповедание брачного партнера Ваших детей?» и «Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?» показывает, что при обозначении важности конфессиональной принадлежности, возможность заключения межрелигиозного брака допускают 21,2 % опрошенных, а 57,7 % респондентов, которым важна религиозная принадлежность будущего брачного партнера против заключения межконфессионального брачного союза. Далее респонденты, для которых религиозный фактор не имеет значения в семейно-брачной сфере толерантны в отношении вступления в брак последователей разных вероисповеданий (60,6 %). Таким образом, сравнение результатов двух вопросов показывает, что опрошенное городское население последовательно в своих позициях в отношении межрелигиозного брака: они не готовы принять носителя иного вероисповедания в ближний круг окружения, следовательно, не ориентировано на поддержание родственных взаимоотношений.

Заключение

Индикатором измерения степени религиозности и реальной приверженности вероисповеданию является регулярность соблюдения религиозных норм. Интенсивность религиозно-обрядовой стороны выступает основанием для анализа религиозного сознания человека в русле социологии религии Э. Дюркгейма, где основа религиозной веры заключается в ритуале и следовании обрядовому поведению.

Анализ религиозного поведения городского населения Дагестана показывает, что среди исламских предписаний, причем обязательных для исполнения, по сравнению с другими нормами, более регулярно совершается намаз, соблюдается пост и выплачивается закят при довольно низких показателях частотности посещения мечети, нерегулярном чтении религиозных текстов и соблюдении поста. Если культовое поведение подгрупп неверующих и убежденно неверующих поддается объяснению, то можно сделать вывод о существовании в подмассиве убежденно верующих и верующих когорты, которую вполне оправданно можно, по классификации Н.П. Алексеева причислить к «пассивным», впрочем, как колеблющихся к «последовательным и непоследовательным», что выражается в совершении «от случая к случаю намаза» (одна треть респондентов), соблюдении, хотя и редко «религиозного поста» (каждый второй) и выплате закята (каждый третий опрошенный). Кроме того, можно отметить, что подгруппы неверующих могут быть отнесены к пассивным, ибо, во-первых, они не занимаются активной атеистической деятельностью, более того, каждый третий в подгруппе неверующих «редко, но посещают мечеть» и каждый шестой опрошенный «от случая к случаю молятся», впрочем, как и одна девятая часть убежденно неверующих; далее, одна шестая из подгруппы

неверующих и убежденно неверующих «иногда соблюдают пост», а каждый пятый ассоциирующий себя как убежденно неверующий, хотя и нерегулярно, но выплачивает религиозный налог (закят). Поэтому эмпирические данные являются основанием для вывода о существовании определенной несогласованности между обозначением между разными группами своего отношения к вере и характерному им культовому поведению. Убежденно верующие, верующие, убежденно неверующие и неверующие демонстрируют культовое поведение характерное колеблющимся при одновременном обозначении своей принадлежности исламу и необходимости следования мусульманским нормам.

Активность религиозного поведения и мировоззренческие установки городского населения республики не соответствуют друг другу, что позволяет в определенной степени согласиться с позицией о «причастности к религии значительной части населения только на вербальном уровне» (Ж.Т. Тощенко). Коллективное соблюдение ритуалов способствует формированию чувства группового единства и обеспечивает консолидацию и среди таких ритуалов в исламе можно выделить практику обязательной групповой молитвы по пятницам, а также таравих-намаз во время священного для мусульман месяца Рамадан. Коллективное участие в религиозных обрядах позволяет членам религиозной общины демонстрировать свое единство, а также является выражением их религиозной идентичности.

Проведенное исследование показывает, что опрошенное городское население в некоторой степени демонстрирует формальную религиозность, которая проявляется через совершенно противоположные установки: 1. равнодушие к вероучению, 2. демонстративное соблюдение его религиозно-обрядовой части. Таким образом, по всему массиву в массовом сознании опрошенного городского населения Дагестана с заметным отрывом превалирует позиция, показывающая характерное колеблющимся культовое поведение.

Литература

- Алексеев, Н.П. (1967). Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области). *Вопросы научного атеизма*. М.: Мысль, 3, 131 – 150.
- Гараджа, В.И. (2003). Религия. *Социологическая энциклопедия: в 2 т.* / Под ред. В.Н. Иванова. М.: Мысль.
- Ерекешева, Л.Г. (2008). К анализу социологии религии Э. Дюркгейма. *Социологические исследования*, 12, 117 – 126.
- Крылов, А.Н. (2012). *Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве*. 2-е изд. М.: Икар.
- Ильясов, Ф.Н. (1987). Религиозное сознание и поведение. *Социологические исследования*, 3, 50 – 55.
- Лебедев, С.Д. (2005). Религиозность: в поисках «рубикона». *Социологический журнал*, 3, 153 – 168.
- Локосов, В.В., Синелина, Ю.Ю. (2008). Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян. *Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах)* / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 135 – 158.
- Мчедлова, М.М. (2009) Религиозная идентичность в современных социально-политических процессах в России и Европе. *Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические науки*, 3, 95 – 102.
- Мчедлов, М.П. (2005). *Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России*. М.: Научная книга.
- Павлова, О.С., Миназова, В.М. и Хухлаев, О.Е. (2016). Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике). *Культурно-историческая психология*, 12 (4), 90 – 99. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120409>.
- Рыжова, С.В. (2017). Религиозность в контексте культуры доверия. *Социологический журнал*, 23(3), 44 – 63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>.
- Синелина, Ю.Ю. (2009). Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций. *Социологические исследования*, 4, 89 – 97.
- Угринович, Д.М. (1985). *Введение в религиоведение*. М.: Мысль.
- Тощенко, Ж.Т. (2003). Парадоксы религиозного. *Реформирование России: реальность и перспективы*. М.: Ин-т социал.-полит. исслед. РАН, 301 – 325.
- Яблоков, И.Н. (1979). *Социология религии*. М.: Мысль.

Allport, G.W. (1966). The Religious Context of Prejudice. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 5 (3).

Allport, G.W., Ross J.M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5 (4).

Как принять мусульманскую веру. Режим доступа: <https://www.kakprosto.ru/kak-70267-kak-prinyat-musulmanskuyu-veru/>.

References

Alekseev, N. P. (1967). Methodology and results of studying the religiosity of the rural population (based on materials from the Oryol region). *Matters of scientific atheism*. M.: Mysl, 3, 131 - 150.

Garadzha, V.I. (2003). Religion. *Sociological encyclopedia: in 2 volumes*. / Ed. V.N. Ivanova. M.: Mysl.

Erekshcheva, L.G. (2008). To the analysis of the sociology of religion É. Durkheim. *Sociological research*, 12, 117 - 126.

Krylov, A.N. (2012). *Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space*. 2nd ed. M.: Ikar.

Ilyasov, F.N. (1987). Religious consciousness and behavior. *Sociological research*, 3, 50 - 55.

Lebedev, S.D. (2005). Religiousness: in search of the "Rubicon". *Sociological journal*, 3, 153 - 168.

Lokosov, V.V., Sinelina, Yu. Yu. (2008). Relationship between the religious and political orientations of Orthodox Russians. *Religion in the self-awareness of the people (religious factor in identification processes)* / Ed. M.P. Mchedlov. Moscow: Institute of Sociology RAS, 135 - 158.

Mchedlova, M.M. (2009) Religious identity in modern socio-political processes in Russia and Europe. *Bulletin of Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences*, 3, 95 - 102.

Mchedlov M.P. (2005). *Religious essays. Religion in the spiritual and socio-political life of modern Russia*. M.: Nauchnaya kniga.

Pavlova, O.S., Minazova, V.M., Khukhlaev, O.E. (2016). Religious identity of Muslim students (based on the study of young people living in the Chechen Republic). *Cultural-Historical Psychology*, 12 (4), 90 - 99. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120409>.

Ryzhova, S.V. (2017). Religiousness in the context of culture of trust. *Sociological journal*, 23(3), 44 - 63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>.

Sinelina, Yu. Yu. (2009). Orthodox and Muslims: A Comparative Analysis of Religious Behavior and Value Orientations. *Sociological research*, 4, 89 - 97.

Ugrinovich, D.M. (1985). *Introduction to Religious Studies*. M.: Mysl.

Toshchenko, Zh. T. (2003). The paradoxes of the religious. *Reforming Russia: Reality and Prospects*. M.: Institute of Socio-Political Research RAS, 301 - 325.

Yablokov, I.N. (1979). *Sociology of religion*. M.: Mysl.

Allport, G.W. (1966). The Religious Context of Prejudice. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 5 (3).

Allport, G.W., Ross J.M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5 (4).

How to accept the Muslim faith. Access mode: <https://www.kakprosto.ru/kak-70267-kak-prinyat-musulmanskuyu-veru/>

Дата получения рукописи: 13.08.2021

Дата окончания рецензирования: 20.09.2021

Дата принятия к публикации: 28.09.2021

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкаимовна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

E-mail: madina2405@mail.ru

Information about the author

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №3 (13)

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.3

Научная статья

УДК 316.334:37

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.3>**Система традиционного образования в примечетской школе Дагестана:
история и современное состояние****Джамалудин М. Маламагомедов,¹ Рашид О. Рамазанов²**¹Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала,
Республика Дагестан, Россияe-mail: djamal-malamagomedov@rambler.ru²Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала,
Республика Дагестан, Россияe-mail: rashram@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В постсоветский период в России наблюдались мощные процессы религиозного возрождения, которые носили довольно сложный и противоречивый характер. Закономерным следствием исламского возрождения стало возникновение потребности в получении знаний по исповедуемому учению, что и способствовало появлению мусульманских образовательных учреждений разного уровня (мактабы, медресе, исламские вузы), что и актуализировало проблему изучения данного аспекта.

Теоретическое обоснование. Появление исламского вероучения изначально способствовало повышению интереса к религиозным знаниям, активизировала необходимость их получения, причём для этого исторически имела веская аргументация, в частности, авторитет ученого в социуме, общественный статус, материальное благополучие человека и т.д.

Методы исследования. Объектом исследования является исламское образование. Предметом исследования – начальный сегмент мусульманского образования в Дагестане в дореволюционный и современный периоды. Социологический опрос по изучению начального сегмента мусульманского образования (примечетских школах) проведен в 2020 г. в городах (Махачкала, Хасавюрт, Дербент) и сельских районах (Ботлихский, Буйнакский, Казбековский, Хасавюртовский) Дагестана. Внутри данного проекта проведены 3 опроса (экспертный, родители и ученики): 1. массовый опрос среди родителей, чьи дети посещают и не посещают мактаб; 2. экспертный опрос; 3. Опрос учеников примечетских школ.

Анкеты были обсуждены в Отделе социологии и обработаны в программе SSPS – 25, для чего были созданы 3 матрицы: ученики, родители, эксперты. Произведены вычисления – описательная статистика, по каждой матрице отдельно. Также произведен кростабуляционный (перекрестный или анализ сопряжения) анализ по социально-демографическим параметрам – пол, возраст, место жительства, отношение к религии. Среди опрошенных родители N = 255, ученики N = 444, эксперты N = 59 чел. Методом исследования является массовый стандартизированный опрос.

Результаты и их обсуждение. Для мусульманских республик России как в дореволюционный, так и в современный период огромное значение имеет ислам и исламское образование. Поэтому на волне перестройки и расширения поля для свободного выражения своего отношения к религии, наряду с обращенностью населения к религии, массово стали появляться исламские учебные заведения разного уровня и от качества обучения в них, используемых программ, уровня подготовки преподавателя зависит межрелигиозная ситуация и межрелигиозные взаимоотношения, особенно в полирелигиозном образовании каковым является Дагестан.

Ключевые слова

ислам; религия; религиозные знания; религиозное образование; ученики мактабов; мусульманское образование; примечетские школы; образовательная сфера; дагестанское общество.

Для цитирования

Маламагомедов Д. М., Рамазанов Р. О. (2021). Система традиционного образования в примечетской школе Дагестана: история и современное состояние. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), С. 28–42. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.3>

Traditional education system in school at the mosque of Dagestan: history and current state

Djamaludin M. Malamagomedov, ¹ Rashid O. Ramazanov²

¹ Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala,
Republic of Dagestan, Russia

e-mail: djamal-malamagomedov@rambler.ru

² Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala,
Republic of Dagestan, Russia

e-mail: rashram@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the post-Soviet period, powerful processes of religious revival were observed in Russia, which were of a rather complex and contradictory nature. Logical consequence of the Islamic revival was the emergence of need for knowledge of the professed doctrine, which contributed to emergence of Muslim educational institutions of different levels (maktabs, medreses, Islamic universities), that actualized the problem of studying this aspect.

Theoretical justification. The emergence of the Islamic doctrine initially contributed to increasing interest in religious knowledge, intensified the need to obtain it, and there was historically strong argumentation for this: in particular, authority of the scientist in society, social status, material welfare of a person, etc.

Research methods. The object of the research is Islamic education. The subject of the research is the initial segment of Muslim education in Dagestan in the pre-revolutionary and modern periods. A sociological survey on the study of the initial segment of Muslim education (schools at the mosque) was conducted in 2020 in cities (Makhachkala, Khasavyurt, Derbent) and districts (Botlikhsky, Buinaksky, Kazbekovsky, Khasavyurtovsky) of the Republic of Dagestan. Within the framework of this project, three surveys were conducted (expert, parents and pupils): 1. Mass survey of parents whose children study and do not study at maktab; 2. Expert survey; 3. Survey of pupils of schools at the mosque.

The questionnaires were discussed in the Department of Sociology and processed in the SPSS program - 25, for what 3 matrices were created: pupils, parents, experts. Calculations were performed as a descriptive statistics for each matrix separately. Also, a crosstabulation (cross-over or conjugation) analysis was carried out according to socio-demographic parameters - gender, age, place of residence, attitude to religion. Among the respondents were parents N = 255, pupils N = 444, experts N = 59 persons. The research method is a mass standardized survey.

Results and its discussion. For the Muslim republics (subjects) of Russia, both in the pre-revolutionary and in the modern period, Islam and Islamic education are of great importance. Therefore, in the wake of Perestroika and the expansion of the field for free expression of their attitude to religion, along with the population's appeal to religion, Islamic educational institutions of various levels began to appear widely. The interreligious situation and relationships depend on the quality of education, the used programs and the level of teacher training at these educational institutions – especially in the polyreligious region such as Dagestan.

Keywords

Islam; religion; religious knowledge; religious education; pupils of maktabs; Muslim education; schools at the mosque; educational sphere; dagestani society.

For citation

Malamagomedov D. M., Ramazanov R. O. (2021). Traditional education system in school at the mosque of Dagestan: history and current state. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), P. 28–42. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.3>

Введение

Изменения в образовательной сфере постсоветского периода развития российского общества выразились во внедрении новых государственных образовательных стандартов. Неоднократно отмечалось, что наряду с преобразованиями светской системы образования, можно было наблюдать появление мусульманского образования, причем в российском обществе обе сферы начали функционировать параллельно. Разумеется, между светской и мусульманской системой образования имеются существенные отличия – если светское образование подвергалось изменениям (введение нового Государственного стандарта образования, ОГЭ, ЕГЭ, Болонская система и т.д.), то религиозное образование, можно сказать, начало своё развитие заново, ибо существовавшая ранее идеологическая система при превалировании атеистических установок не давала возможность развитию системе религиозного образования. Как и в других мусульманских регионах России

(Татарстан, Башкирия), исторически и в Дагестане существовала система мусульманского образования, которая условно разделена нами на три уровня. 1. примечетская школа (мактаб), 2. школа среднего профессионального образования (мадраса), 3. школа высшего мусульманского образования (университет/институт). Последняя ступень, как в других регионах России, не получило свое развитие на территории Северного Кавказа. Известно, что высшее мусульманское образование в России, в современном ее понимании, до революции можно было получить лишь в трех учебных заведениях – Мухаммадия (Казань), Хусаиния (Оренбург), Галия (Уфа).

В дальнейшем, в постсоветский период 1980 – 2000 гг., когда началось возрождение ислама и исламских учебных заведений, Дагестан столкнулся с острой нехваткой квалифицированных кадров, которые могли бы работать хотя бы на одном из этих уровней. Именно в этот период, с целью получения религиозного мусульманского образования, начался массовый выезд дагестанцев на учебу в арабские страны. Специалистов, получившие в зарубежных странах религиозное образование, стали постепенно привлекать в качестве преподавателей в мусульманских образовательных учреждениях республики. На начальном этапе, пока дагестанцы получали образование, для работы с учащимися часто привлекали преподавателей из арабских стран, при этом никто не контролировал их уровень и квалификацию, ни содержание курсов, ни методику обучения. Все это в последующем выразилось через проявление, в довольно сложной форме, религиозных процессов, которые имели крайне негативные последствия для национальной безопасности Российского государства, а также дестабилизировали ситуацию во многих субъектах исторического проживания мусульман. В качестве примера можно вспомнить обе чеченские военные кампании, террористические акты во многих российских городах, захват заложников и т.д., которые проходили под религиозными лозунгами.

Изучение вопроса мусульманской образовательной системы закономерно требует установления взаимовлияния образовательного процесса и идентификации, т.е. исламской идентичности, а также веса индикатора «религия» в воспроизводстве этнической идентичности (Шахбанова, 2016). Кроме того, актуальным остается изучение, во-первых, процесса формирования этноконфессиональной идентичности, во-вторых, ее роль в сохранении межнациональной и межрелигиозной толерантности в полиэтничном и многонациональном социуме (Шахбанова, 2009).

История развития исламского образования в Дагестане

Процесс исламизации Дагестана длился несколько столетий. Начавший ещё в VII в. хиджры, закончился в XVI в. окончательной исламизацией территории современного Дагестана, кроме нескольких высокогорных районов, где процесс исламизации длился вплоть до первой половины XIX в. Вместе с религией арабы привнесли в Дагестан свою культуру и письменность. С распространением новой монотеистической религии ислам, начался активный процесс влияния арабской культуры и письменности на культуру местного населения. В результате такого симбиоза образовалось совершенно новое сословие мусульманского духовенства – «алимы». Позднее под термином «алим» стали называть людей, обладающих определенными знаниями (‘илм), в основном владеющих Кораном и кораническими науками, сунной, фикхом, догматикой и сирой и др. Алим пользовался и по сей день пользуется в обществе большим почётом и уважением, и главным критерием улучшения положения человека в обществе являлись не богатство и власть, а знания. В этой связи интересно отметить, что в период своего правления халиф Абд ал-Малик (646–705) в назидание своим сыновьям говорил: «Приобретайте знание потому что, если вы господа, оно увеличит вашу власть и возвысит вас. Если вы принадлежите к среднему слою, вы станете господами. А если вы люди простые, оно поможет вам заработать на жизнь» (Розенталь, 1978).

Термином «`илм» – знания, в первый очередь, воспринимался как результат обучения, для достижения конечного результата необходим был системных подход. Такой форма организации получения знаний была найдена в виде организации образовательных центров – мусульманских школ, где на них ложилось основное бремя распространения и передачи знаний. Традиционными образовательными центрами являлись примечетские (коранические) школы и мактабы, где основной упор делалось на механическое чтение (тилават) и выучивание (хифз) текста Корана. Процесс чтения и выучивания текста Корана могло быть организовано в любом более или менее подходящем месте. Не было необходимости даже в специальном помещении. Занятия, к примеру, могли организовываться в доме учителя, на площади перед мечетью, на рынке и т.д. Однако, основным центром изучения Корана была мечеть, где в специально комнате (худжра – араб., «комната», «клетка») организовывались занятия. Подтверждение этому мы находим в арабоязычных письменных источниках. О масштабном строительстве мечетей и функционировании здесь примечетских школ сообщают обнаруженные на территории Дагестана ряд письменных источников и эпиграфических памятников. Об этом пишет в своем исследовании известный российский ученый-эпиграфист Л.И. Лавров: «Любая пятничная мечеть могла служить местом обучения» (Лавров, 1980, с. 262). Также упоминание о переселении арабов из различных регионов Халифата в Дербент имеется и исторической литературе, в частности в хронике «Дербенд-наме», (Абдулаев, Исаев, Маламагомедов, Оразаев, 2012).

На начальной этапе распространения ислама, первыми учителями в Дагестане были арабы – переселенцы. В мусульманском обществе они занимали особое положение, и это отражалось на престиже профессии учителя. Несмотря на занимаемые высокие посты, основной задачей арабов-переселенцев было преподавание Корана. К примеру, сообщается, что в XI в. в пятничной мечети Баб аль-Абваба преподавали ашаритские богословы имам Абу Абдаллах ал-Кудаби и имам Абу аль-Хасан аль-Басри (Аликберов, 2003, с. 263).

Основной фигурой в коранических школах являлся учитель (му`аллим), к которому также предъявлялись определённые квалификационные требования, важнейшим из которых был таджвид, т.е. правильное чтение текста Корана.

Какие же были требования к ученикам? В основном от учащегося требовалось умение читать и заучивание текста Корана наизусть, даже не понимая смысла читаемого текста. В учебных заведениях не использовали журналы посещаемости и табель успеваемости. Также отсутствовала какая-либо форма контроля (тест, зачет, экзамен и т.д.). Известный мусульманский мыслитель Ибн Халдун (1332 – 1406), говоря о положении в мире мусульман-неарабов отмечал: «школы, где детей учили чтению, письму и арабскому языку, были исключением, даже в странах, где арабский не был их родным языком, в большинстве своём обучение начиналась и заканчивалась заучиванием Корана» (Ибн Халдун, 2008).

В школу обычно принимали детей в возрасте семи или восьми лет. Самым ранним возрастом приема на обучение было пять лет. Также, как и учебный год, срок обучения также не регламентировался. Обучение было рассчитано на три-четыре года и лишь наиболее способные из учеников могли пройти этот курс в срок. А неспособным, для завершения этого же курса иногда приходилось учиться до восьми и более лет. Практиковалась система отсека неспособных учеников еще на начальном этапе обучения. Такая система отсека характерна во всем историческом развитии системы мусульманского образования (VII – XX вв.).

Как же проходило дальнейшее продвижение способного ученика. Дело в том, что учитель сам мог рекомендовать способного ученика другому учителю. Даже спустя несколько столетий, такой же системой отсека пользуются и на современном этапе обучения в исламских образовательных центрах, в частности в Дагестанском исламском

университете имени шейха Мухаммадарифа из Кахиба (ДИУ) еще в первом полугодии отсекаются больше половины неспособных абитуриентов.

Другой отличительной особенностью коранических школ было их изменчивость. Исключительное право на открытие и закрытие школы принадлежала учителю. Школа могла появиться там, где появлялся учитель, и закрывалась после того, как он покидал населённый пункт. Количество учащихся в одном потоке (классе), как и их возраст также различались. Группы формировывались вокруг одной темы, книги или же урока. Вместе с пятилетними, начинающимися мутаалимами в одной группе могли обучаться и взрослые. Занятия проходили шесть дней в неделю, кроме пятницы, так как этот день у мусульман считается праздничным выходным днем. Объявление дополнительных выходных и мусульманских праздников напрямую зависело от желания учителя (муалима).

Одним из положительных моментов школы при мечети была широта их охвата населения, их доступность вне зависимости от социального статуса и положения человека в обществе. Что касается образования девочек, то оно в целом, как и в средневековом мусульманском Востоке, не приветствовалось в Дагестане. Однако по шариату, в обязанность каждого мусульманина входит обучение девочек навыкам чтения Корана. А затем, после совершеннолетия, дальнейшая судьба ее образования полностью зависело от супруга. Образование она могла получить лишь в том случае, если позволит супруг.

Что касается детей из состоятельных семей, то большинство из них обучались с персональным наставником или репетитором – му'аддибом. Но и они, как правило, учили их только религиозным наукам. Форма репетиторства также часто практиковалась среди ученых. С помощью частных уроков зарабатывал на жизнь знаток классической арабской литературы, учитель известного Дербентского учёного Абу Бакра аль-Дарбанди, Муса ибн аль-Фараджиаль-Муаддиб аль-Лаббад (Аликберов, 2003, с. 277). Подобные примеры частной педагогической практики зафиксированы и в архивных документах конца XIX в. в Дербенте (Маламагомедов, 2018).

Занятия с репетитором проходили не только в доме ученика, но и в гостиницах (ханака), которые содержались за счёт вакуфного имущества и арендной платы учителя (Makdisi, 1981).

В школах, где обучались мусульмане неарабского происхождения, как и в арабских школах, занятия начинались и заканчивались чтением Корана. Заучивание текста Корана наизусть, даже не понимая его смысла, было культурообразующей программой, благодаря чему молодые люди знакомились с новой культурой, основанной на исламе. Чтение нараспев текста Корана воспринимался как тренинг для дальнейшего проведения публичной проповеди (хутба).

К примеру, если говорить о первых школах на постсоветском пространстве, то первые мусульманские мактабы появились при мечетях в среднеазиатских городах Мавараннахр и Хорасан, хотя имеются сведения и по другим городам: «профессор Наджи Маруф собрал информацию из источников о тридцати трех школах-мечетях, основанных в основном в Нишапуре, Бухаре, Газне и Бушендже в начале XI в., задолго до появления первого медресе в Багдаде» (Халидов, 1982).

В XI – XII вв. после того как к власти пришли сельджуки и благодаря их активной деятельности, высшие школы типа «ан-Низамийа» стали создаваться и на Северо-Восточном Кавказе. В частности, на территории Дагестана, в Цахуре, в XI в. был основан один из первых филиалов школы «ан-Низамийа». В своем труде «Асар аль-билад ва ахбар аль-'ибад» («Памятники стран и известия людей»), известный арабский историк и путешественник XIII в. Закария аль-Казвини (1203 – 1283) сообщает следующее: «в городе (в Цахуре – Дж. М.) [есть] мадраса, которое было основано визирём Низамом ал-Мульк ал-Хасаном ибн Исхаком. В мадраса есть учитель (мударрис) и правовед (факих)» (Ал-Казвини Закарийа). К тому времени, когда в середине XIII в. ал-Казвини попал на

Кавказ, школа в Цахуре работала почти 200 лет. Не указывая на время их основания, ал-Казвини сообщает о функционировании еще нескольких школ в средневековом Дербенте: «В городе имеются железные ворота, много башен, в каждой из которых есть мадраса для тех, кто живёт поблизости и хочет заниматься религиозными науками» (Ал-Казвини Закарийа).

Что касается более позднего периода (XII-XIII вв.), то в одной рукописи, (Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии – далее ИИАЭ ДФИЦ РАН), переписанной в 624/1227 г. (Мухаммад ад-Дайлами, 189), упоминается о мадраса Хаджи Махмуда, кадия из с. Ашты (даргинское селение в Дахадаевском районе Республики Дагестан).

Нередко обнаруживаются и эпиграфические надписи, которые сообщают о постройке мадраса, например, в селении Кубачи: «построено это благородное мадраса в дни поражения этой страны чумой, в восемьсот седьмом году. Установления и устои жизни – от Аллаха» (Шихсаидов, 1989, с. 24). Другим упоминанием о распространении исламского образования на территории Дагестана является появление в 30-х гг. XV в. в Казикумухе мадраса, созданного по инициативе известного имама Ахмад ал-Йамани (ум. в 1450 г.).

Приведённый выше материал показывает, что, уже начиная с XIII в. на территории Северного Кавказа, в частности на территории современного Дагестана, в основном в горных ее районах, функционировали мусульманские образовательные школы (мактабы и мадраса), где обучение велось под наставлением переселившихся ученых арабов. В последующие периоды, в период господства монголо-татар и Тимура XV – XVI вв. в истории народов Дагестана выделяется массовым возведением культовых сооружений. И все это стало возможным благодаря увеличению количества вакуфных земель и получаемого от них дохода. Тимур поддерживал местное духовенство оказывая им всяческую поддержку. Такая политика сыграла положительную роль на увеличение количества культовых сооружений (мечетей) и образовательных центров. Достоверных сведений о количестве примечетских школ и мадраса периода нашествия Тимура также скудны, как и раннего периода. Однако, косвенные факты, подтверждающие о строительстве образовательных центров мы обнаруживаем в отдельных эпиграфических надписях. В частности, в селе Хнов (лезгинское селение, ныне в Ахтынском районе Республики Дагестан) зафиксировано большое количество культовых эпиграфических надписей на арабском языке. (Шихсаидов, 1984, с. 223).

Что касается учебной программы мактабов, то она «определялась уставом учебного заведения, составленный его основателем (му`алимом), хотя изменения в программе могли зависеть и от пожеланий самого преподавателя» (Makdisi, 1981, с. 157) и она фокусировала внимание именно на обучении религиозным исламским наукам. Здесь традиционно изучались – Коран, грамматика (нахв) и жизнеописание(сира). Говоря о методике преподавания в коранических школах и мактабах, то она мало чем отличалась друг от друга. Поскольку уровень образования определялся через призму объёма заучиваемого материала, то в учебном процессе примечетских школ особое внимание уделялось механическому заучиванию текста Корана. К очередной ступени (мадраса) приступали руководствуясь высказыванию 'Абд ал-Латифа ал-Багдади: «Приложите все усилия, чтобы не только выучить книгу, но и понять ее[смысл]» (Makdisi, 1981, с. 103). В XV – XVI вв. в отличие от примечетских школ(мактабов), в мадраса больше внимания стали уделять к пониманию смысла читаемого текста.

Другой отличительной особенностью примечетских школ и мадраса Северо-Восточного Кавказа являлось практика преподавания на родном языке. В своих записях М. Гайдарбекова упоминает, что учёный Юнус сын Ахмада (XV в.) из Акуша, переводил термины фикха с арабского на даргинский язык (Гайдарбеков, л. 20). В 1984 г. в сел. Муги (даргинское селение в Акушинском районе Дагестана) был найден трактат Абу Хамида

ал-Газали (1058 – 1111) «Китаб ал-Ваджиз фикх ал-имам аш-Шафи'и» («Краткое изложение положений фикха имам аш-Шафии»), представляющий собой разъяснение сочинения имама аш-Шафии. Судя по дате переписки, рукопись переписывалась не один год. Отдельные главы книги переписаны в разные годы 709/1310 и 743/1342 гг. Также заслуживает внимания копия последней работы ал-Газали «Минхадж аль-Абидин» («Путь поклоняющихся»), сделанная рукою Идриса, сына Ахмада из Акуша в 903 г.х./1497 – 1498 гг. (Аль-Газали, 58). Анализ данного произведения свидетельствует о том, что местные писцы давали свои комментарии на языках народов Дагестана, т.е. это была своего рода «адаптация» арабского текста, облегчающая его понимание. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что в XV – XVI вв. и последующие периоды, в дагестанских в примечетских школах, с целью оптимального разъяснения положений наиболее сложных моментов текста рукописи, комментарии составлялись на местных языках, для чего и была разработана система письма, впоследствии ставший известный как «аджам».

Статистические сведения о численности мусульманских учебных заведений (мактабов и мадраса) в XVII–XVIII вв. не имеются и только данные второй половины XIX в. свидетельствуют, что «интенсивность этих школ в различных регионах и их количество к моменту присоединения Дагестана к России колебалось от 600 до 900 единиц, а численность учащихся в них колебалось от 5 до 6,5 тыс. чел». (Каймаразов, 1989, с. 135). Следует отметить, что, по мнению авторов, вышеприведенные данные не являются достоверными.

Иными словами, количество мактабов при мечетях было непостоянным, что вызывало большие трудности при их подсчете, но при этом «в Дагестане, в каждом ауле найдётся один-два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети есть школы, где желающим учиться можно продолжать учение... Стремление к ознакомлению с арабской грамотностью до того сильно развито между туземцами, что они учатся от 8-летнего возраста до достижения 30 и более лет, переходя из одного училища в другое, более известное учёностью преподавателя» (Услар, 1887, с. 3–4).

Основным источником поддержки мусульманских школ в Дагестане были доходы с земель вакуфа и закят (налог в пользу бедных), а также плата за обучение, взимаемая с родителей студентов (деньгами, зерном или мелким скотом). При этом отсутствовала фиксированная оплата труда учителя мактаба и она зависела от финансового положения родителей обучающегося. Поэтому подобные денежные вознаграждения со стороны родителей учащихся, был единственным источником дохода учителей. Дети бедных горцев, а также сироты были освобождены от сборов, более того, они обучались и содержались за счёт имущества мечети.

В школах при мечетях не было установленного единого дня для начала, продолжительности и окончания учебного процесса, но предпочтение отдавали осенне-зимнему периоду, когда были завершены сельскохозяйственные работы. Продолжительность обучения в начальной школе (мактаб) обычно длилась от одного года до двух лет. В течение двух лет детей обучали навыкам механического чтения Корана. Помимо механического заучивания Корана в некоторых мактабах учили детей письму и элементарной арифметике (умножению и вычитанию). Следует отметить, что в мактабах обучались дети, которые имели начальную подготовку (знали арабский язык и умели считать).

Дагестанский этнограф и просветитель второй половины XIX в. Абдулла Омаров, преподававший в школе при мечети, характеризует обучение следующим образом: «мулла вызывал к себе каждого ученика по очереди и заставлял сперва прочесть вчерашний урок, потом сам читал новый урок с переводом, наконец, заставлял ученика прочесть то же самое, и это служило уроком для следующего дня; если же ученик не выучил вчерашнего урока, тогда новый урок откладывался. В остальное время дня ученики занимались сами, а кадий только изредка замечал, когда кто-нибудь из нас сидел без книги...» (Омаров, 1868, с. 23).

В XVI – XVIII вв. функции учителей мактабов осуществляли представители местного духовенства, при этом не было помещений для проведения уроков, впрочем, как и оборудование в них. Таким образом, приведенный выше материал позволяет сделать однозначный вывод о том, что система мусульманского образования (кораническая школа, мактаб, мадраса), причем в самых разных периодах своего функционирования, была востребована в дореволюционном дагестанском обществе. Местное население доверяло им и охотно отправляли своих детей на обучение в примечетские школы.

После революции 1917 г., с укреплением позиций Советской власти, провозгласивший доминанту атеистической идеологии, влияние и авторитет примечетских школ и системы мусульманского образования, в целом, существенно снизился. Доказательством данному утверждению послужило существенное снижение количества культовых мусульманских сооружений (мечетей) в 1920 – 1930 гг. при повсеместном насильственном отторжении населения от религиозного, в данном контексте, исламского мировоззрения. Однако, в постсоветский период, на фоне провозглашения принципов свободы слова и демократии ситуация стала кардинально меняться. Если на первых этапах религиозные ученые и представители местного духовные полуполюгально обучали отдельных представителей местного населения, то в последующем демократизация, гласность, свобода вероисповедания, провозглашённая государством придала духовенству уверенность, и религия, несмотря на ее отделение от власти и светский характер государства, закрепленный в Конституции РФ, вновь стала проникать во все сферы политической и духовной жизни общества. В этой связи, анализ в историко-социологическом ракурсе процесса становления и перспектив дальнейшего развития начального сегмента мусульманского образования имеет чрезвычайную важность и научную значимость, ибо позволяет прогнозировать сценарий дальнейшего развития системы исламского образования в целом, придает мотивацию для получения религиозных знаний.

Что касается вопроса исследования системы первоначального мусульманского образования на современном этапе (2013 – 2020 гг.), то оно изучено частично. Как и ранее, за исключением примечетских школ и мактабов, отсутствуют какие-либо статистические данные о количестве мусульманских учебных заведений. Большая часть таких учебных заведений официально не зарегистрированы и не значатся в единой системе регистрации (ЕГРЮЛ) юридических лиц, соответственно неконтролируемы и являются незаконными согласно Закону РФ об образовании (ФЗ-№125 от 26.09.1997) «О свободе совести и религиозных объединениях»; статья 87. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Исходя из вышеизложенного материала, в ходе исследования, мы пришли к выводу о необходимости привлечения в исследование совершенно новых, еще неопубликованных данных социологического опроса о современном состоянии мусульманских учебных заведений, их численности и программе обучения.

Положение примечетских школ в современном дагестанском обществе: численность, программа обучения

Наряду с вышеизложенным историческим аспектом становления и развития исламского образования VII – XIX вв., на современном этапе развития общества мы сталкиваемся с необходимостью проведения исследования о нынешнем положении мусульманских (примечетских) школ Дагестана, ибо в образовательном пространстве современного российского общества прослеживается параллельное развитие двух совершенно разных образовательных систем – светской и религиозной. Другими словами, если мы вернемся к системе образования в целом, то из истории мы видим, что обе системы (светская и религиозная) существовали в рамках единого правового поля. Исходя из положения статьи Конституции РФ об «отделении церкви от государства», круг действий официальной власти был сужен и государство могло требовать «соблюдения ли-

цензионных нормативов со стороны религиозных образовательных учреждений, которые касались в основном условий, в которых обучающийся получал образование..., наличие пригодных для обучения помещений, достаточное количество квалифицированных преподавателей, учебной литературы и т.д.... Однако законодатель, следуя вышеизложенному положению статьи Конституции РФ, ограничил контроль лишь этой сферой, оставив регулирование содержания образования на усмотрение религиозной организации» (Насибуллоу, 2013, с. 227).

Сведения о примечетских школах приведены на следующей таблице (см. табл. № 1).

Таблица 1

Динамика количества примечетских школ и обучающихся с 2013 – 2020 гг.

Религиозные образовательные учреждения // Годы	2013	2014	2018	2019	2020
Примечетские школы	135	196	350	219	173
Количество обучающихся	3962	4256	9609	7856	4527

Однако, предоставленные Миннацем Дагестана статистические данные вызывают сомнения, так как при личном общении с имамами мечетей, например, в г. Хасавюрте, имам одной из мечетей выражал сожаление, что мало обучающихся, а летний период, количество учеников только в одной группе доходит до 150–200 чел. Хотя в той группе, в которой проводился опрос, число учеников составляло 35 чел.

В примечетской школе обучением охвачены разные возрастные категории населения, что свидетельствует о повышенном интересе населения в получении базовых знаний по мусульманской религии. Однако, точной статистики, которая показывала бы реальную картину в мактабах, в частности, количество учеников, состав преподавателей и качество их образования, и самое важное – какие мировоззренческие взгляды имеют выпускники примечетских школ остаются, к сожалению, за рамками научного интереса. Перечисленные индикаторы является наиболее важными компонентами в образовательном процессе, ибо от качества религиозных знаний, которые учащиеся получают на начальном этапе исламского образования, скорее всего, будет зависеть выбор их предпочтительности «светского» или «религиозного» образования.

Кроме того, необходимо отметить, что масштаб охвата обучения в примечетской школе заметно отличается по территории проживания. В связи с чем, на наш взгляд, Духовному управлению мусульман Дагестана необходимо больше внимание уделять на состояние начального сегмента исламского образования, в частности, введение учета о численности учащихся по административным образованиям, контроль уровня квалификации преподавателя и иметь информацию о том, какие религиозные познания получают учащиеся примечетских школ.

В ходе изучения системы образования в примечетских школах возникает вопрос о социально-демографических параметрах учащихся. Как и оговаривалось ранее, в связи с отсутствием элементарной статистики сложно предоставить полноценную картину гендерной, возрастной и образовательной представленности учащихся. Как и ранее, занятия в примечетских школах проводят каждый день, за исключением пятницы или воскресенья. Как и светских школах в современных мактабах дают каникулы. Также проблемным остается вопрос об учебниках и учебных пособиях. Обучения проходит с использованием книг, одобренных экспертным советом Духовного управления мусульман Дагестана: «Иман, ислам, ифсан» и «Этика мусульманина», автором которых является Курамагомед-хаджи Рамазанов; «Методика обучения Корану» Мухамадхабиба Будунова; «Благонравие праведников» Ахмад-хаджи Абдулаева, а также «Омовение, намаз, аскары» и др.

Таким же проблемным остается вопрос определения количественного состава преподавателей при мактабах по всему Дагестану. Такие проблемы возникают опять-таки из-за отсутствия статистических данных, или же из-за нежелания Духовного управления мусульман Дагестана предоставлять такие данные. В основном преподавателями в примечетских школах работают выпускники Дагестанского гуманитарного института (ДГИ) и Дагестанского исламского университета (ДИУ). Если на в 2013 г. Преподаватель получал мизерную зарплату – в пределах от 4 (четырёх) до 6 (шести) тыс. руб., которую им выделял местное духовенство, то сейчас, по данным на 2020г., преподаватель мактаба получает заработную плату не ниже прожиточного минимума (МРОТ) по региону. Если раньше заработная плата преподавателя зависело непосредственно от количества учащихся, то сейчас он получает оплату, соответствующую занимаемой должности по государственной тарифной сетке. Как пояснил один из преподавателей, такую зарплату они начали получать только в последнее время, раньше получали намного меньше.

Методы исследования

Социологический опрос по изучению системы мусульманского образования в примечетских школах Дагестана был проведен в 2020 г. в городах Дагестана (Махачкала, Хасавюрт, Дербент) и сельских районах (Ботлихский, Буйнакский, Казбековский, Хасавюртовский) республики. Следует отметить, что историко-социологическое изучение начального сегмента мусульманского образования в Дагестане проведено впервые, поэтому имелись определенные сложности при осуществлении данного опроса. Внутри данного проекта проведены 3 опроса (экспертный, родители и ученики), для которых были составлены отдельные опросники. Однако с точки зрения исследования мактабов некоторые важные вопросы внутри опросника дублировались:

1. Опрос по изучению начального сегмента мусульманского образования в современном дагестанском обществе среди учащихся мактабов, функционирующих в городской и сельской местности Дагестана.

2. Массовый опрос среди родителей, чьи дети посещают и не посещают мактабы. Целью опроса – определить их мотивацию дать своему ребенку мусульманское образование, а также отношение людей в целом к примечетским школам.

3. Экспертный опрос, целью которого было изучение начального сегмента мусульманского образования в современном Дагестане и мнение экспертов о его соответствии светскому характеру Российского государства.

Анкеты были обсуждены в Отделе социологии и обработаны в программе SSPS – 25, для чего были созданы 3 матрицы: ученики, родители, эксперты. Произведены вычисления – описательная статистика, по каждой матрице отдельно. Также произведен кростабуляционный (перекрестный или анализ сопряжения) анализ по социально-демографическим параметрам – пол, возраст, место жительства, отношение к религии. Среди опрошенных 255 чел. родителей, 444 чел. – ученики, 59 чел. эксперты. Методом исследования является массовый стандартизированный опрос.

Результаты исследования

В анкету социологического опроса по изучению начального сегмента исламского образования вошли вопросы, которые должны быть призваны показать характер взаимоотношения преподавателя и ученика примечетской школы, отношение родителей к учителю, их удовлетворённость качеством образования в учебном заведении.

На следующей таблице приведены данные опроса по районам и городам Дагестана (см. табл. № 2).

Эмпирический материал показывает, что больше половины опрошенных родителей и учеников позитивно настроены к преподавателю; при этом статистически незна-

чимая часть затруднилась выразить своё мнение, очень небольшая доля отметила позицию «не нравится». Исследование не выявило отличий в позициях родителей и учащихся мактабов в обозначении эмоционального отношения к учителю примечетской школы.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Вам нравится учитель Ваших детей в примечетской школе (мактабе)?» и «Вам нравится Ваш учитель в примечетской школе?» (%)

Варианты ответов	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Родители			
Ботлихский	95,6	2,2	2,2
Буйнакский	100	0	0
Казбековский	100	0	0
Махачкала	93,1	0	6,9
Хасавюрт	97,0	0	3,0
Всего:	97,4	0,5	2,1
Ученики			
Ботлихский	98,9	2,1	0
Буйнакский	0	0	0
Казбековский	0	0	0
Махачкала	98,9	1,1	0
Хасавюрт	97,7	2,3	0
Всего:	98,8	1,2	0

Далее в рамках изучения состояние примечетской школы важным остается качество предоставляемых образовательных услуг, на что и было обращено внимание при проведении следующего опроса (см. табл. № 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете качество обучения Ваших детей в примечетской школе?//Как Вы оцениваете качество своего обучения в примечетской школе?» (%)

Варианты ответов	Очень хорошо	Хорошо	Удовлетворительно
Родители			
Ботлихский	51,1	33,3	15,6
Буйнакский	34,4	51,4	14,3
Казбековский	62,3	26,4	11,3
Махачкала	40,7	51,9	7,4
Хасавюрт	64,7	23,5	11,8
Всего:	52,1	35,6	12,4
Ученики			
Ботлихский	41,3	51,5	7,4
Буйнакский	42,1	50,0	5,3
Казбековский	54,9	31,0	14,2
Махачкала	66,3	27,2	6,5
Хасавюрт	54,1	40,0	5,9
Всего:	52,8	38,5	8,3

Результаты опроса показывают, что в массовом сознании доминирует позиция, которая качество обучения в мактабе оценивает положительно, при этом можно констатировать существенное процентное отличие, во-первых, по месту проведения исследования (село – город), во-вторых, между родителями и учениками. Эти данные позволяют утверждать о наличии в массовом сознании потребности в примечетских школах, при этом высоко оценивается качество получаемых в мактабах религиозных знаний. Однако можно видеть, что доля придерживающихся позиции «удовлетворительно» больше в

подгруппе родителей, в сравнении с учениками мактабов. Если обратиться к результатам экспертного опроса, то можно отметить, что больше половины экспертов качество обучения в мактабе характеризуют позитивно, при этом затруднились выразить свое мнение 15,3 %, и очень небольшая часть выбрала суждение «отрицательно» (1,7 %).

Анализ социально-демографических параметров экспертов показывает, что для мужчин примечетской школы важное значение имеет именно религиозное поприще, следовательно, по их мнению, для собственной самореализации они отдадут предпочтение исламу и пропаганде исключительно исламского вероучения в массах. Кроме того, можно наблюдать, что различие в «религиозной карьере» мужчин и женщин: если первые могут и ориентированы на получение определенной должности в религиозной системе, то женщины изначально занимают положение, которое не позволяет им занимать и претендовать то или иное деятельность, что вполне вытекает из мусульманского учения. Вместе с тем, уровень образования женщин преподавателей в примечетской школе довольно высокий, ибо Муфтият РД требует, чтобы к работе в мактабах привлекали преподавателей с высшим образованием.

Наряду с позитивным имеет место и негативное отношение к мактабам и их работе, что мы постарались отразить на следующей таблице (см. табл. № 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Что Вам не нравится в примечетской школе?» (%)

Варианты ответов	Родители	Ученики
Плохие знания учителя	38,2	36,8
Неумение учителя доступно объяснять свой предмет	1,3	3,1
Неумение учителя найти общий язык	3,2	4,5
Грубость учителя	1,9	4,2
Физические наказания за незнание предмета	1,3	6,5
Отсутствие специального помещения для проведения занятий	28,8	11,0
Отсутствие программы обучения	5,7	6,8
Пожилые учителя, которые плохо объясняют предмет, их незнание актуальных для молодежи проблем, слабая материальная база примечетской школы	20,3	1,1
Отсутствие обучения светским знаниям	1,5	5,7
Заучивание религиозного текста наизусть, не понимая его содержание	1,3	1,7
Недостаточное знание преподавателями арабского языка	1,3	1,4
Отсутствие оборудованных учебных аудиторий	3,8	8,4
Однообразная повторяющаяся программа	4,5	1,1
Все нравится	15,9	17,0

Конечно, наряду с явными достоинствами примечетские школы имеют и определенные недостатки, на которые в ходе опроса указали родители. Больше всего, как и ранее, родителей беспокоит отсутствие оборудованных учебных аудиторий, плохой кругозор учителя (1/3). Остальные позиции, в частности, неумение учителя доступно объяснить свой предмет и найти общий язык с учениками, грубость учителя, физические наказания за незнание предмета, отсутствие программы обучения и специального помещения для проведения занятий, пожилые учителя, которые плохо объясняют предмет, их незнание актуальных для молодежи проблем, отсутствие обучения светским знаниям, заучивание религиозного текста наизусть, не понимая его содержание, однообразная повторяющаяся программа, отсутствие оборудованных учебных аудиторий, недостаточное знание преподавателями светских предметов отмечены менее 10 % опрошенных родителей и учеников, хотя одна девятая часть (1/9) опрошенных учеников указала на отсутствие специального помещения для проведения занятий.

Заключение

И приведенного выше исследования можно заключить, что на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, всегда во главу угла ставился вопрос образования. Еще до появления арабов и распространения ислама на территории Дагестана существовала своя культура и письменность (на албанской и грузинской графике). С распространением ислама и массовыми постройками культовых сооружений (мечетей) появились первые учебные заведения коранические школы, самые ранние которые относятся к VII в. Система мусульманского образования, возникшая еще в VII в. без каких-либо существенных изменений и реформ функционировала до конца XIX в. Подобная система образования не потеряла своей актуальности и по сей день в Дагестане, и на основе этой системы проходит обучение в современных мусульманских образовательных учреждениях.

Исторически как самим родителям, так и детям нравилось система обучения в примечетской школе. При этом, в ходе социологического опроса на удалось выяснить, что родители и ученики отношение преподавателя к себе оценивают, как «очень хорошее» и «хорошее». Позитивное отношение к преподавателю отражается и непосредственно на качестве обучения, которое родители и ученики характеризуют как «очень хорошее». Важным фактором позитивной оценки обучения в мактабе как родителями, так и учениками является получение хороших знаний по основам ислама. Кроме того, при проведении опроса, ученики положительно оценили некоторые формы обучения в примечетской школе, в частности, новые знания об истории появлении ислама и его распространении, обучение правильно делать омовение и совершать намаз, а также чтение Корана. К другим преимуществам следует отнести их близкое расположение от дома, удобное время обучения, желание преподавателя примечетской школы учитывать интересы учеников, особенно взрослого поколения, их работа не только в будни, но и в выходные дни. Кроме того, учащимися особо отмечается доброжелательная атмосфера в мактабах, индивидуальный подход учителя к каждому. Вместе с тем, ученики отметили и определенные недостатки, которые испокон веков существуют в примечетской школе, большей частью – это некорректное поведение некоторых преподавателей, применение телесного наказания за неуспеваемость, вернее, за неправильное чтение текста Корана. При этом, необходимо отметить, для полноценного функционирования мактабов, как это было исторически, мешает отсутствие хорошо оборудованных, специальных учебных помещений, и уровень подготовки учителей. Тем ни менее, одна шестая часть опрошенных учеников в свободной графе написали, что их все устраивает в примечетской школе. Приведенные исследования позволяют утверждать, в историческом становлении и на современном этапе развития, примечетские школы в полной мере удовлетворяют базовые потребности учащегося в получении основополагающих знаний по исламу, исламской этике и учению.

Литература

- Абдулаев, И.Х., Исаев, А.А., Маламагомедов, Д.М., Оразаев, Г.М.-Р. (2012). *Дербенд-наме на языках народов Дагестана (тексты и комментарии)*. Махачкала: МавраевЪ.
- Аликберов, А.К. (2004). *Ал-Лакзи. Энциклопедия. Ислам на территории бывшей Российской империи*. М.: Восточная литература РАН, 1, 238–240.
- Аликберов, А.К. (2003). *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI – XII вв.)*. М.: Восточная литература РАН.
- Ал-Казвини Закарийа, «Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад» Достопамятности стран и сообщения о рабах Аллаха. II.
- Аль-Газали Минхадж аль-Абидин, Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии, Дагестанского федерального исследовательского центра Российской Академии наук (ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН) Ф. 14. Оп. 1. № 58.
- Брокельман, К. (1907). Та'рихал-адабал-'арабий. Лейпциг, VI.
- Гайдарбеков, М. Материалы по истории Дагестана. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН, 9.
- Ибн Халдун, Введение (ал-Мукаддама) (2008). *Историко-философский ежегодник – 2007*. В А.В. Смирнов (Состав, пер. с арабского и примечания). М.: Наука, 187 – 217.

- Каймаразов, Г.Ш. (1989). *Просвещение в дореволюционном Дагестане*. Махачкала: Дагучпедгиз, 157.
- Лавров, Л.И. (1980). *Эпиграфические памятники Северного Кавказа X – XX вв. ч. 3*. М.: Наука.
- Маламагомедов, Д.М. (2018). Конфессиональные школы конца XIX – начала XX в. в городах Дагестанской области. *Вопросы истории*, 7, 148 – 158.
- Мухаммад ад-Дайлами, «Тухфат ал-муъминин» – Подарок правоверным. Рукопись. Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии, Дагестанского федерального исследовательского центра Российской Академии наук (ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН). Ф. 14. Оп. 1. № 189.
- Насибуллов, К.И. (2013). Единые стандарты мусульманского профессионального образования в Татарстане: новый «общественный договор» мусульманского сообщества и государства? *Минбар. Исламские исследования*, 6, 2, 225 – 235.
- Омаров, А. (1868). *Воспоминания мутаалима. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ)*. Вып. I. Тифлис.
- О доставлении сведений об учебных заведениях в Дагестанской области за 1894 г. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. 119.
- Розенталь, Ф. (1978). *Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе*. М.: Наука.
- Услар, П.К. (1887). Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис.
- Халидов, А.Б. (1982). *Книжная культура. Очерки истории арабской культуры V–XV вв.* М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Шахбанова, М.М. (2016). *Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества*. Махачкала: АЛЕФ.
- Шахбанова, М.М. (2009). Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан. В Ю.Н. Абдулкадыров (отв. ред.). *Сборник научных трудов: Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009*. Махачкала, АЛЕФ, 35 – 47.
- Шихсаидов, А.Р. (1984). *Эпиграфические памятники народов Дагестана*. М.: Наука.
- Шихсаидов, А.Р. (1989). *Материалы археографических экспедиций. Экспедиция 1984 г. Письменные памятники Дагестана. XVIII–XIX вв.* Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР.
- Makdisi, G. (1981). *The rise of colleges: Institute ons or learning in Islam and the West*. Edinburgh.

References

- Abdulaev, I.Kh., Isaev, A.A., Malamagomedov, D.M., Orazaeov, G.M.-R. (2012). *Derbend-nameh in the languages of the peoples of Dagestan (texts and comments)*. Makhachkala: Mavraev.
- Alikberov, A.K. (2004). Al-Lakzi. *Encyclopedia. Islam in the territory of the former Russian Empire*. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 1, 238–240.
- Alikberov, A.K. (2003). *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Raikhan al-haka'ik" (XI-XII centuries)*. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences.
- Al-Qazvini Zakariya. "Asar al-bilad wa akhbar al-'ibad" Remembrance of countries and reports of the slaves of Allah. II.
- Al-Ghazali Minhaj al-Abidin, Fund of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences F. 14. Op. 1. No. 58.
- Brockelmann, K. (1907). *Ta'rihal-adabal -'arabiy*. Leipzig, VI.
- Gaidarbekov, M. Materials on the history of Dagestan. Scientific Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 9.
- Ibn Khaldun, (Introduction by al-Mukaddama) (2008). *Historical and Philosophical Yearbook - 2007 / Composition.*, Per. from Arabic and notes by A.V. Smirnova M.: Nauka, 187 - 217.
- Kaymarazov, G.Sh. (1989). *Enlightenment in pre-revolutionary Dagestan*. Makhachkala.
- Lavrov, L.I. (1980). *Epigraphic monuments of the North Caucasus of the 10th - 20th centuries. Part 3*. М.: Nauka.
- Malamagomedov, D.M. (2018). Confessional schools of the late 19th - early 20th centuries in the cities of the Dagestan region. *Questions of History*, 7, 148 - 158.
- Muhammad ad-Dailami, "Tuhfat al-mu'minin" – Gift to the faithful. Manuscript. Fund of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. F. 14. Op. 1. No. 189.
- Nasibullov, K.I. (2013). Common standards of Muslim vocational education in Tatarstan: a new "social contract" between the Muslim community and the state? *Minbar. Islamic Studies*, 6, 2, 225 - 235.
- Omarov, A. (1868). Memories of mutaalim. Collection of information about the Caucasian highlanders (CICH). Issue I. Tiflis.
- About delivery of information about educational institutions in the Dagestan region for 1894. Central State Archive of the Republic of Dagestan. F. 2. Op. 2.D.4.119.
- Rosenthal, F. (1978). *Celebration of knowledge. The concept of knowledge in medieval Islam*. М.: Nauka.
- Uslar, P.K. (1887). *Ethnography of the Caucasus. Abkhazian language*. Tiflis.

Khalidov, A.B. (1982). *Book culture. Essays on the history of Arab culture in the V-XV centuries*. M.: Nauka, Main publisher of oriental literature.

Shakhbanova, M.M. (2016). *Ethnic, religious and state-civil identity of the Dagestani peoples in the context of the transformation of Russian society*. Makhachkala: ALEF.

Shakhbanova, M.M. (2009). Ethno-confessional features of the Republic of Dagestan. In Yu.N. Abdulkadyrov (Ed.). *Actual problems of the humanities - 2009. Collection of scientific papers*. Makhachkala, ALEF, 35 - 47.

Shikhsaidov, A.R. (1984). *Epigraphic monuments of the peoples of Dagestan*. M.: Nauka.

Shikhsaidov, A.R. (1989). *Materials of archaeographic expeditions. Expedition in 1984. Written monuments of Dagestan. XVIII-XIX centuries*. Makhachkala: Printing house of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences.

Makdisi, G. (1981). *The rise of colleges: Institutions or learning in Islam and the West*. Edinburgh.

Дата получения рукописи: 18.07.2021

Дата окончания рецензирования: 13.08.2021

Дата принятия к публикации: 15.08.2021

Информация об авторах

Маламагомедов Джамалудин Муртазалиевич – научный сотрудник Отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН; e-mail: djamal-malamagomedov@rambler.ru

Рамазанов Рашид Омариевич – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела социологии Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН; e-mail: rashram@yandex.ru

Information about the authors

Malamagomedov Djmaludin Murtazalievich – Researcher of the Department of Oriental Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences; e-mail: djamal-malamagomedov@rambler.ru

Ramazanov Rashid Omarievich – Candidate of Political Sciences, Researcher of the Department of Sociology, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences; e-mail: rashram@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №3 (13)

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.4

Научная статья

УДК 314.04

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.4>

Развитие патриотизма в молодежной среде в онлайн-пространстве¹

Анна М. Шаповалова,¹ Виктория О. Вагина²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: a.shapovalova@mail.ru

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: vagina.viktoriya@yandex.ru

Аннотация

Введение. Определяется актуальность исследования, связанная с тем, что онлайн-пространство является новым видом площадки, где сосредоточились все формы общения, образовательный процесс, информационное оповещение. Онлайн-пространство – это площадка, обладающая большим потенциалом для консолидации гражданского общества, через которую возможно транслировать и прививать патриотические ценности среди молодежи. В этой связи обосновывается необходимость социологического анализа роли и места патриотических практик, организуемых по форме сетевых в сравнении с другими типами патриотических практик.

Материалы и Методы. В статье используются результаты авторского экспертного опроса (N=164), проведенного на Юге России среди представителей органов государственной и муниципальной власти, работников научных и образовательных учреждений, общественных организаций и НКО, молодежных организаций и СМИ, а также результаты массового социологического опроса, полученные в ходе реализации исследовательского проекта «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации» (N=2000).

Результаты и их обсуждение. Виртуально-сетевые патриотические практики выступают приоритетными для российской молодежи с точки зрения формы организации патриотических мероприятий, однако уровень их эффективности оценивается ниже по сравнению с «реальными» практиками, организованными вне сети Интернет. Эффективность патриотических практик молодежи, как организованных с помощью онлайн-технологий, так и в режиме реального взаимодействия и деятельности без обращения к ресурсам сети Интернет, связывается с формированием патриотической субъектности молодежи. Важно, чтобы сама молодежь выступала инициатором патриотических мероприятий с учетом ее патриотических потребностей и интересов, а также ориентаций на приоритетные формы организации патриотической деятельности.

Ключевые слова

патриотизм; молодежь; онлайн-пространство; Интернет; патриотическое воспитание; гражданский патриотизм; социальные сети; патриотические практики; патриотическая субъектность.

Для цитирования

Шаповалова А.М., Вагина В.О. (2021). Развитие патриотизма в молодежной среде в онлайн-пространстве. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), С. 44–52. doi: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.4>

Development of patriotism among youth in online space

Anna M. Shapovalova,¹ Viktoria O. Vagina²

¹ Southern State University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: a.shapovalova@mail.ru

² Southern State University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: vagina.viktoriya@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90012 «Патриотические практики в молодежной среде полиэтничного Юга России: особенности формирования и формы реализации».

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined due to the fact that online space is a new type of platform, where all forms of communication, educational process, and information notification are concentrated. Online space is a platform with great potential for consolidation of civil society, through which it is possible to broadcast and instill patriotic values among young people. In this regard, the necessity of a sociological analysis of role and place of patriotic practices, organized in the form of network in comparison with other types of patriotic practices, is substantiated.

Materials and Methods. The article uses results of the author's expert survey (N = 164) conducted in the South of Russia among representatives of state and municipal authorities, employees of scientific and educational institutions, public organizations and nonprofit organizations, youth organizations and mass media, as well as the results of mass sociological survey, obtained during implementation of the research project "Civil patriotism in formation and development of solidarity practices in the South of Russia: resource potential and conditions for its implementation" (N=2000).

Results and its discussion. For Russian youth virtual network patriotic practices are a priority from the point of view of the form of organizing patriotic events, but level of their effectiveness is assessed lower in comparison with "real" practices organized outside the Internet. Effectiveness of patriotic practices of youth, both organized with online technologies and in real interaction and activities without accessing Internet resources, is associated with formation of patriotic subjectivity of youth. It is important that young people themselves initiate patriotic events, taking into account their patriotic needs and interests, as well as orientations towards priority forms of organizing patriotic activities.

Keywords

patriotism; youth; online space; Internet; patriotic education; civil patriotism; social networks; patriotic practices; patriotic subjectivity.

For citation

Shapovalova A.M., Vagina V.O. (2021). Development of patriotism among youth in online space. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), P. 44–52. doi: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.4>

Введение

В условиях глобальных вызовов и усиления политического давления на Россию первоочередной задачей государственной политики в поиске общенационального ответа на возникающие угрозы является формирование патриотического сознания граждан и сплочение всего общества. Руководство страны уделяет значительное внимание патриотизму. Путин В.В. не раз говорил о том, что «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» (Путин, 2016). Он считает, что «патриотизм единственно возможная идеология современного демократического общества. Идеология патриотизма при этом должна быть деполитизированной и направленной на укрепление внутренних основ российского государства» (Путин считает..., 2019).

Безусловно, патриотизм положительно влияет и на государство, и на общество, и на гражданина, позитивно сказываясь на политической стабильности в государстве. Патриотизм как компонент общественного сознания проявляется в общественной жизни общества. Однако патриотами не рождаются. Их воспитывают. Семья – первый институт, который оказывает значительное влияние на социализацию личности. Огромное влияние на процесс политической социализации личности оказывают друзья, ближайшее окружение, образовательные организации, институты гражданского общества.

В современном обществе большую часть времени молодежь проводит в Интернете. Поэтому в разработках программ и проектов по системе патриотического воспитания необходимо учесть трансляцию информации на большую аудиторию пользователей. Одним из эффективных источников формирования патриотических ценностей, особенно у молодежи, может стать онлайн-пространство.

В интернете существует множество сайтов, направленных на формирование у молодежи патриотизма и духовно-нравственного воспитания. Одни пропагандируют государственную политику, другие направлены на воспитание и формирование лидерских качеств. Однако в онлайн-пространстве есть и множество сайтов иного содержания, направленного на формирование и использование протестных настроений молодежи.

Деструктивные политические структуры, использующие протестные настроения молодежи, пытаются «раскачать» политическую ситуацию в обществе. При этом активно используется онлайн-пространство для поддержки протестных настроений у молодежи и их перевода в русло экстремистских настроений.

Необходимо противостоять таким явлениям, чтобы не потерять молодежь как актора гражданских практик, направленных на конструктивные социальные действия. Социальные сети и онлайн-пространство необходимо активно использовать для донесения понятной информации до молодежи, не насильственно насаждая, а привлекая интересными мероприятиями и достоверными фактами с использованием современных технологий.

Так, в рамках национального проекта «Образование» с 1 января 2021 года стартовал федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (Паспорт федерального проекта..., 2021). На онлайн-площадках проводятся мероприятия на основе духовно-нравственных ценностей, национально-культурных и исторических традиций народов России. Данные мероприятия должны быть ближе и понятнее молодежи. Также стоит отметить, онлайн-платформу «Знание», где пользователи могут обмениваться научными материалами, в том числе и по теме патриотизма, истории России.

В научно-исследовательском пространстве сложилось несколько основных направлений в области изучения отдельных аспектов развития молодежи и ее патриотического воспитания с точки зрения процессов цифровизации в современном мире. В трудах ученых отмечается, что цифровизация захлестнула все процессы, происходящие в современном обществе, что через социальные сети в большей степени происходит коммуникация, социализация молодежи, и следует использовать потенциал Интернет-сети в формировании гражданской позиции молодого человека, популяризации патриотических установок. Важнейшим ресурсом в реализации данных задач обладает система образования и развитие в ее пространстве новых форм коммуникации, внедрение новых технологий в образовательный процесс (Ляукина, Ефимов, 2015). Многие ученые, занимающиеся данной проблематикой, видят перспективу и тенденции развития через онлайн-площадки, но есть и те, кто настроен категорично в отношении процессов онлайн-образования. Тем не менее, именно онлайн-участие в конференциях, форумах, круглых столах и т.п. стало одной из незаменимых форм в последнее время.

Исследователи обращают также внимание на тот факт, что развитие гражданских ценностей и установок в молодежной среде в контексте патриотического воспитания молодого поколения возможно в ситуации, когда органы государственной власти и институты гражданского общества взаимодействуют и открыты к диалогу (Верещагина, 2018; Волков, Бинеева, Печуров, 2017; Лисица, 2012). Следовательно, необходимо создавать условия для роста гражданской активности, при которых молодежь будет заинтересована в вовлеченности в процессы конструирования и развития институтов гражданского общества.

Феномен цифровой культуры стал частью повседневной жизни (Солдатова, Расказова и др., 2018). Блогерами очень часто становятся представители молодого поколения. Социальные сети оказывают непосредственное влияние на поведение человека, его психологическое состояние (Байкова, 2018). Однако, как отмечают исследователи, «жизнь» в онлайн-пространстве приводит к социокультурным рискам – радикализм, социальная апатия (Живенок, 2018).

Таким образом, влияние онлайн-пространства может быть крайне негативным, деструктивно сказываясь на формировании патриотических установок и ценностей молодежи. Деструктивно настроенные организации или отдельные индивиды способны через Интернет призывать к неправомерной деятельности, вовлекать в чаты, просмотру видеороликов и формировать анти-патриотов.

Ситуация пандемии коронавируса сверх актуализировала роль онлайн-пространства в жизни современной российской молодежи. Ее повседневные практики претерпели кардинальные изменения. Процессы общения и обучения практически полностью перешли в онлайн-пространство, и мы уже не можем не учитывать этот фактор в изучении молодежного патриотизма.

Материалы и методы

Рассматривая патриотизм в деятельностном аспекте, мы исходим из того, что методологически значим подход к патриотизму как социальной практике, в ходе которой происходит формирование молодежи в таком социальном качестве, как патриот. Этот процесс определяется характером конкретных действий, имеющих патриотическую направленность и находящих выражение в различных типах патриотических практик. Их типологическое разнообразие и степень распространенности среди российской молодежи в данном исследовании выявлялись на основе результатов авторского экспертного опроса, проведенного в 2021 году на Юге России. В качестве экспертов (N=164) выступили компетентные лица из трех субрегионов Юга России: Кабардино-Балкарской республики (N=57), Республики Крым (N=49) и Ростовской области (N=58). Эксперты, принявшие участие в опросе, представляли органы государственной и муниципальной власти (N=49), научные и образовательные учреждения (N=70), общественные организации и НКО (N=19), молодежные организации (N=15) и СМИ (N=11).

Кроме того, эмпирическую базу составили материалы массового опроса, проведенного в 2018 году при участии одного из авторов статьи (В.О. Вагиной) в рамках реализации Государственного задания на тему «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации» (проект № 28.3486.2017/ ПЧ. Руководитель – Волков Ю.Г.) в пяти субъектах Российской Федерации (Ростовская область, Ставропольский край, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская республика и Республика Крым). Выборочная совокупность составила 2000 респондентов.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты опроса 2018 года, проведенного на Юге России в составе коллектива, выполняющего Государственное задание на тему «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации», показали, что в молодежной среде данного макрорегиона преобладают традиционные представления о патриотизме как «чувстве глубокой любви к Родине» и «ощущении неразрывной связи человека со своим народом, его культурой, историей». Среди молодежи локальных региональных сообществ эти представления наиболее ярко выражены в молодежной среде Республики Крым. Также именно молодые крымчане в большей степени идентифицируют патриотизм с готовностью встать на защиту Родины и своего народа – 51,1%, что связано, безусловно, с событиями «крымской весны» и подъемом в республике молодежного патриотизма романтического, державного, героического типа (таблица 1).

Для более глубокого проникновения в характер реализуемых в молодежной среде Юга России патриотических практик, мы решили обратиться к мнению экспертов. Для этого мы попросили экспертов оценить уровень участия молодых людей южнороссийского региона в различных видах патриотических практик по пятибалльной шкале. Подобный тип данных позволяет рассчитать средние значения для каждого вида практик, которые в границах нашего исследования эмпирически замерялись по специально разработанной типологии, разделяющей патриотические практики по двум основаниям: форме организации этих практик и их содержанию.

Таблица 1

Представления о патриотизме в молодежной среде на Юге России в зависимости от региона
(в % к итогу)*

Варианты ответов	Республика Адыгея	Кабардино-Балкарская Республика	Республика Крым	Ростовская область	Ставропольский край
Патриотизм – это чувство глубокой любви к Родине.	52,9	50,0	56,7	39,2	52,6
Патриотизм – это высшая ценность, без которой не может жить человек и существовать общество.	11,8	7,1	7,8	16,8	12,6
Патриотизм – это ощущение неразрывной связи человека со своим народом, его культурой, историей.	23,5	53,6	48,9	48,0	49,5
Патриотизм – это деятельность, направленная на защиту прав, интересов и свобод граждан страны.	35,3	21,4	7,8	20,0	15,8
Патриотизм – это готовность человека встать на защиту Родины и своего народа.	82,4	46,4	51,1	29,6	50,5
Патриотизм – это национальная идея, объединяющая народ ради достижения общих целей и решения важных общественных задач.	52,9	17,9	35,6	20,8	16,8
Патриотизм – это средство воздействия на сознание общества, использ. властью для решения социально-политических задач.	5,9	17,9	8,9	11,2	12,6

Полученные в ходе экспертного опроса усредненные значения в отношении патриотических практик молодежи (по форме организации) были разделены на четыре группы: высокие значения (между 2,94 и 3,23), выше среднего (между 2,55 и 2,69), значения на уровне среднего (2,5), значения ниже среднего (ниже 2,5) (рисунок 1).

Рисунок 1 наглядно демонстрирует, что в группе с наивысшими средними значениями оказались такие патриотические практики, как: виртуально-сетевые (организованные в Интернете); практики, организованные в режиме реального взаимодействия; практики, сочетающие в себе особенности и виртуальных, и реальных, а также постоянно действующие (или системные).

На наш взгляд, нет ничего удивительного в том, что первое место заняли патриотические практики, которые осуществляются с помощью технологий Интернета (тематические сайты, социальные сети, форумы, иные платформы, которые можно приспособить для организации патриотических практик). Это имеет четкое объяснение, связанное с самой социальной реальностью в информационную эпоху. Многие молодые люди проводят в виртуальной реальности огромное количество времени, в связи с чем вполне логично, что участие в патриотических практиках, организованных в виртуальном пространстве, также развивается динамично. Любопытно при этом, что патриотические практики, реализуемые молодежью вне сети Интернет («реальные»), опрошенные нами эксперты оценили как более эффективные с точки зрения проявления активности и самостоятельности молодежи в патриотической деятельности (таблица 2).

* Таблица распределений рассчитана из количества ответов респондентов.

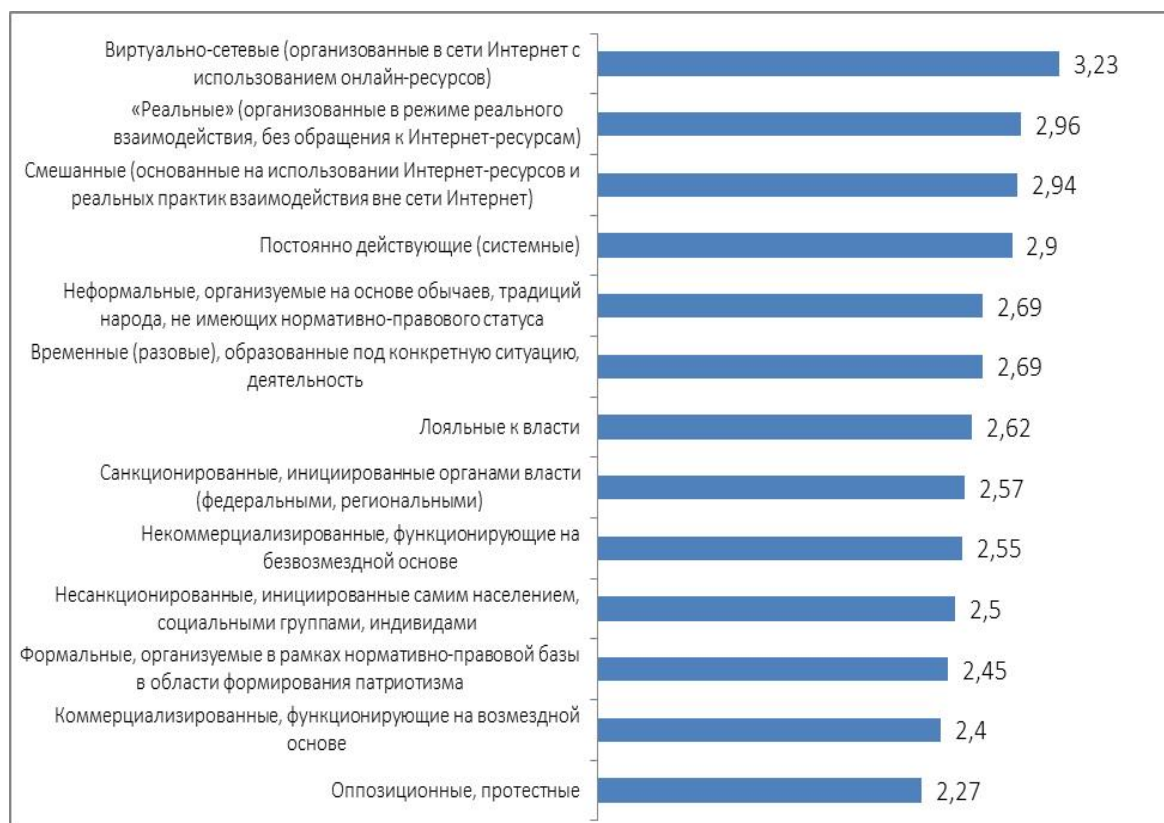

Рисунок 1 – Усредненные экспертные оценки уровня участия молодежи в патриотических практиках, типологизированных по форме их организации (результаты ранжированы)

Таблица 2

Оценка эффективности патриотических практик молодежи Юга России по критерию их организации в виртуальном/реальном пространстве, в %

Типы патриотических практик	Результаты, в %
Виртуально-сетевые	18,9
«Реальные» (реализуемые вне сети Интернет)	76,8
Затрудняюсь ответить	4,3
Всего	100,0

Интерес вызывают также позиции экспертов в соотношении уровня участия и уровня эффективности различного рода патриотических практик молодежи. Данные таблицы 3 показывают нам эти соотношения, согласно которым более высокий уровень распространенности виртуальных патриотических практик в молодежной среде уступает уровню их эффективности. И наоборот: уровень эффективности «реальных» патриотических практик, организованных в режиме реального взаимодействия, без обращения к Интернет-ресурсам, оценивается экспертами выше, чем уровень их распространенности среди региональной молодежи. Вероятно, по этой причине смешанную форму патриотических практик, основанных на использовании Интернет-ресурсов и реальных практик взаимодействия вне сети Интернет, эксперты оценили несколько выше по уровню эффективности, нежели такую форму, как «реальные» патриотические практики (таблица 3).

Таблица 3

Усредненные экспертные оценки уровня участия молодежи в патриотических практиках и уровня эффективности патриотических практик, типологизированных по форме организации

Типы патриотических практик (по форме организации)	Уровень участия	Уровень эффективности
Виртуально-сетевые (организованные в сети Интернет с использованием онлайн-ресурсов)	3,23	2,89
«Реальные» (организованные в режиме реального взаимодействия, без обращения к Интернет-ресурсам)	2,96	3,14
Смешанные (основанные на использовании Интернет-ресурсов и реальных практик взаимодействия вне сети Интернет)	2,94	3,29
Санкционированные, инициированные органами власти (федеральными, региональными)	2,57	2,62
Несанкционированные, инициированные самим населением, социальными группами, индивидами	2,5	2,52
Формальные, организуемые в рамках нормативно-правовой базы в области формирования патриотизма	2,45	2,27
Неформальные, организуемые на основе обычаев, традиций народа, не имеющих нормативно-правового статуса	2,69	2,87
Коммерциализированные, функционирующие на возмездной основе	2,4	2,49
Некоммерциализированные, функционирующие на безвозмездной основе	2,55	2,6
Постоянно действующие (системные)	2,9	3,16
Временные (разовые), образованные под конкретную ситуацию, деятельность	2,69	2,66
Лояльные к власти	2,62	2,4
Оппозиционные, протестные	2,27	2,1

Очевидно, что молодежь не может обрести патриотическую субъектность без включенности в реальные патриотические практики. Их диапазон в современной российской реальности представляет достаточно большим, что связано с немалым числом остро стоящих перед российским обществом социальных проблем, на решение которых также могут быть направлены патриотические практики. В этом случае принято говорить о гражданском патриотизме, и в ходе нашего экспертного опроса было выявлено, что молодежь Юга России в своем большинстве ориентируется именно на такого рода патриотические практики - социально-ориентированные, связанные с решением острых социальных проблем (рисунок 2).

Вместе с тем, молодежь очень неохотно принимает участие в патриотической деятельности, и основная причина сложившейся ситуации, по мнению экспертов, кроется в том, что молодежь не верит в эффективность патриотических мероприятий, в то, что с их помощью можно что-то изменить в стране, повысить благополучие общества. Также эксперты отметили в качестве важной причины слабую информированность молодежи о проводимых патриотических мероприятиях, что лишней раз заставляет обратиться к потенциалу онлайн-технологий в повышении информированности молодых граждан страны, проводящих большую часть свободного времени в сети Интернет.

Заключение

Таким образом, на данный момент мы наблюдаем процесс трансформации общества через развитие онлайн-пространства. Молодежь сталкивается с большим инфор-

мационным потоком и фейками. Интегрировать молодежь в процесс становления гражданского общества можно через веб-сайты организаций, учебных заведений, фондов, страницы в социальных сетях (TikTok, Instagram, ВКонтакте, Одноклассники, Facebook и др.), YouTube, онлайн-квесты, виртуальные площадки, интерактивные музеи, выставки и др. Необходимо молодежь знакомить с порталом и сайтами Правительства и Администрации городов. Это будет способствовать формированию патриотической субъектности молодежи через включенность в патриотические практики. Особенно важное значение при этом следует уделять тому, чтобы сама молодежь выступала инициатором тех или иных патриотических мероприятий, а не подчинялась распоряжениям «сверху», далеко не всегда учитывающих потребности и интересы молодежи, с которыми у нее самой ассоциируется ценность патриотической деятельности и патриотизма в целом.

Итак, можно сделать ключевой вывод о том, что региональная молодежь, потенциально готовая к системной реализации гражданских патриотических практик, в условиях современной российской реальности не является активным и сознательным субъектом патриотической деятельности.

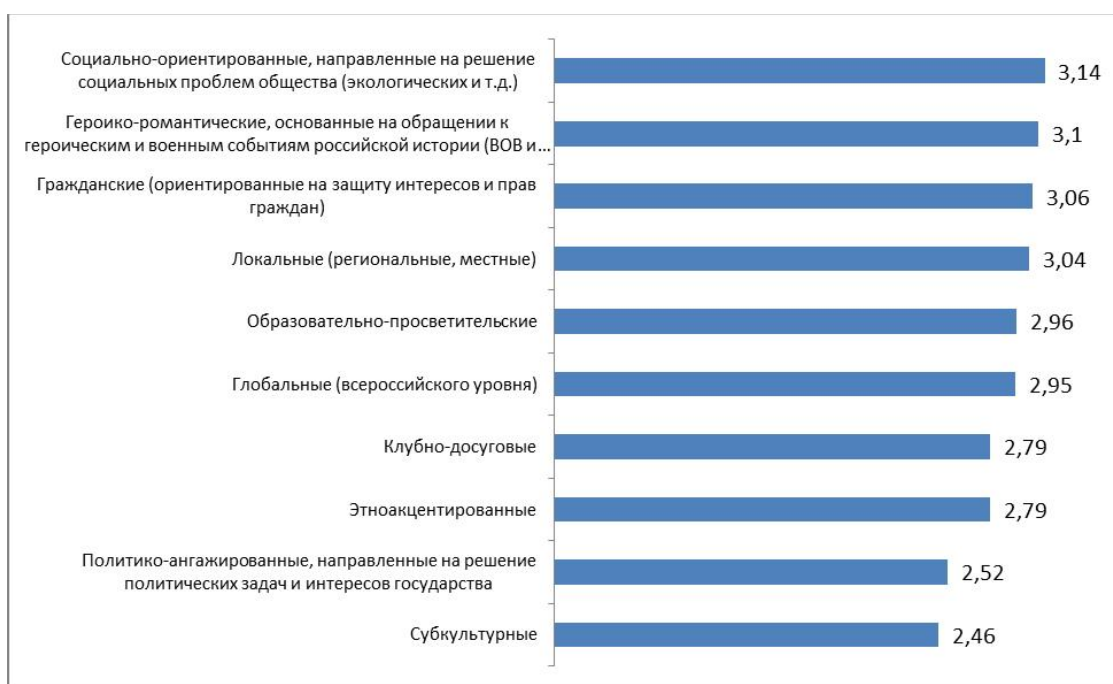

Рисунок 2 – Усредненные экспертные оценки уровня участия южно-российской молодежи в патриотических практиках, типологизированных по их содержанию (результаты ранжированы)

Литература

Байкова, Т.К. (2018). Влияния Instagram на поведение человека. *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека*. Сборник научных статей и материалов международной конференции / Под общей редакцией Р.В. Ершовой, 36–38.

Верещагина, А.В. (2018). Почему патриотизму на Юге России не хватает гражданственности (по результатам социологического исследования)? *Историческая и социально-образовательная мысль*, 10, 5-2, 54–64.

Волков, Ю.Г., Бинева, Н.К., Печуров, И.В. (2017). Реализации этнокультурного образования и гражданско-патриотического воспитания на Юге России в контексте национальной политики. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 3 (204), 86–96.

Живенок, Н.В. (2018). Социокультурные риски коммуникации молодежи в цифровом пространстве. *В сборнике: Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. Сборник материалов Международной научной конференции*, 430–432.

Лисица, Е.С. (2012). Роль российской молодежи в становлении гражданского общества. *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*, 9-1, 129–132.

Ляукина, Г.А., Ефимов, Е.Г. (2015). Формирование патриотизма студентов в социальных интернет-сетях, *Казанский педагогический журнал*, 6-2 (113), 347–351.

Паспорт федерального проекта Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации (2021). *Сайт Системы Дистанционного Образования*. Режим доступа: <http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov>.

Путин, В.В. (2016). У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. *MediaMera*. Режим доступа: <https://mediamera.ru/post/24577>.

Путин считает патриотизм единственной возможной идеологией современного общества (2019). *TASS*. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/7379985>.

Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В., Львова, Е.Н. (2018). Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция. В Р.В. Ершова (ред.) *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов международной конференции*, 374–379.

References

Baykova, T.K. (2018). Influences of Instagram on human behavior. *Digital society as a cultural and historical context of human development*. Collection of scientific articles and materials of the international conference / Under the general editorship of R.V. Ershova, 36–38.

Vereshchagina, A.V. (2018). Why does patriotism in the South of Russia lack citizenship (according to the results of a sociological study)? *Historical and socio-educational thought*. 10 (5-2), 54–64.

Volkov, Yu.G., Bineeva, N.K., Pechkurov, I.V. (2017). Implementation of ethnocultural education and civil-patriotic education in the South of Russia in the context of national policy. *Bulletin of the Adyghe State University*. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies, 3, 86–96.

Zhivonok, N.V. (2018). Sociocultural risks of youth communication in the digital space. *In the collection: The fourth industrial revolution: realities and modern challenges. X Anniversary St. Petersburg Sociological Readings*. Collection of materials of the International Scientific Conference, 430–432.

Lisitsa, E.S. (2012). The role of Russian youth in the formation of civil society. *Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition*, 9-1, 129-132.

Lyaukina, G.A., Efimov, E.G. (2015). Formation of students' patriotism in social Internet networks. *Kazan Pedagogical Journal*, 6-2, 347–351.

Passport of the federal project Patriotic education of citizens of the Russian Federation (2021). [Electronic resource] *Site of the Distance Education System* <http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov>.

Putin, V.V. We have no and cannot have any other unifying idea, except for patriotism (2016). *MediaMera*. Available at: <https://mediamera.ru/post/24577>.

Putin considers patriotism to be the only possible ideology of modern society (2019). *TASS*. Available at: <https://tass.ru/politika/7379985>.

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Chigarkova, S.V., Lvova, E.N. (2018). Digital culture: rules, responsibility and regulation. *Digital society as a cultural and historical context of human development*. Collection of scientific articles and materials of the international conference / Under the general editorship of R.V. Ershova, 374–379.

Дата получения рукописи: 03.10.2021

Дата окончания рецензирования: 01.11.2021

Дата принятия к публикации: 05.11.2021

Информация об авторах

Шаповалова Анна Михайловна – кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: amshapovalova@sfedu.ru

Вагина Виктория Олеговна – аспирант Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: vagina.viktoriya@yandex.ru

Information about the authors

Shapovalova Anna Mikhailovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: amshapovalova@sfedu.ru

Vagina Victoria Olegovna – Graduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: vagina.viktoriya@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №3 (13)

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.5

Научная статья

УДК 316.354:355

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.5>**Институт сити-менеджмента: причины низкой эффективности
в муниципальном управлении Юга России*****Виталий В. Ковалев¹, Николай А. Пруель²**¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: vitkovalev@yandex.ru² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: n.pruel@spbu.ru**Аннотация**

Введение. Определяется актуальность исследования, обоснованная проведением муниципальной реформы. Ставится проблема, в соответствии с которой новый порядок легитимации вступления в должность главы муниципального образования не привел к росту эффективности муниципального управления. Выдвигается гипотеза, согласно которой отсутствие ожидаемых результатов от реформы объясняется несопадением условий управления муниципальными образования в США, откуда был заимствован институт сити-менеджмента, и в России. Ставится цель, направленная на выявление причин неудач муниципальной реформы.

Методы. Эмпирическое исследование проведено с применением методов глубинных интервью, экспертного опроса, массового опроса и фокус-групп. Объект – сити-менеджеры, их заместители, депутаты местных парламентов, предприниматели как субъекты договоров частно-публичного характера, потребители муниципальных услуг. Место проведения – муниципальные образования Республики Крым, Республики Адыгея и Ростовской области.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ показал, что низкая эффективность муниципального управления является следствием необоснованного переноса американской модели сити-менеджмента в российскую социальную реальность. Решение проблемы видим в создании оптимальной модели, согласованной с действующими социальными условиями. Более конкретно мы предлагаем следующее: 1) обеспечить институт сити-менеджмента необходимым кадровым резервом, для чего содействовать повсеместному внедрению в профильные вузы магистерскую программу "Сити-менеджмент"; 2) сити-менеджеров выбирать исключительно из числа местных уроженцев, родившихся в конкретной местности и получивших в ней образование; 3) чтобы исключить давление на депутатов и членов конкурсной комиссии, в положения о выборах глав администраций внести поправку о процедуре тайного голосования; 4) отменить плановые показатели при оценке эффективности работы сити-менеджеров как источник, порождающий возникновение имитационных практик; 5) убрать целевые показатели из работы правоохранительных органов.

Ключевые слова

муниципальное управление; эффективность; институт сити-менеджмента; менеджеристская модель; муниципальная реформа; сити-менеджер; муниципальное образование; депутаты; потребители муниципальных услуг.

Для цитирования

Ковалев В. В., Пруель Н. А. (2021). Институт сити-менеджмента: причины низкой эффективности в муниципальном управлении юга России. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), С. 54–63. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.5>

---

* Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 21-011-31846\21 «Менеджеристские инструменты обеспечения эффективности муниципального управления (на примере муниципальных образований Южного федерального округа)».

City management institute: reasons of low effectiveness in municipal management in the South of Russia*

Vitaliy V. Kovalev¹, Nikolay A. Pruel²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

e-mail: n.pruel@spbu.ru

Abstract

Introduction. Relevance of the study, substantiated by the implementation of the municipal reform, is determined. The problem is posed, according to which the new procedure for legitimizing the assumption of office of head of a municipal formation did not lead to increase of effectiveness of municipal management. The hypothesis is put forward, according to which absence of the expected results from the reform is explained by mismatch of the conditions for managing municipalities in the United States of America, from where the institution of city management was borrowed, in Russia also. The aim is to identify the reasons for failure of the municipal reform.

Methods. The empirical research was carried out using the methods of in-depth interviews, expert survey, mass survey and focus groups. The object is city managers, their assistants, deputies of local parliaments, entrepreneurs as subjects of public-private contracts, consumers of municipal services. Venue – municipalities of the Republic of Crimea, the Republic of Adygea and the Rostov region.

Results and its discussion. The analysis showed that the reason of low effectiveness in municipal management is consequence of the unjustified transfer of the American model of city management to Russian social reality. Solution of the problem is seen in creation of an optimal model, consistent with the current social conditions. More specifically, we propose the following: 1) to provide the institute of city management with necessary personnel reserve, for which we should promote the widespread introduction of the master's program "City management" in specialized universities; 2) to select city managers exclusively from among local natives who were born in a particular area and received education in it; 3) to amend the regulations on the election of heads of administrations on the secret ballot procedure in order to exclude pressure on deputies and members of competition committees; 4) to cancel the planned indicators when assessing the effectiveness of city managers as a source that gives rise to emergence of imitation practices; 5) to remove target indicators from the work of law-enforcement agencies.

Keywords

municipal management; effectiveness; institute of city management; managerial model; municipal reform; city manager; municipal formation; deputies; consumers of municipal services.

For citation

Kovalev V.V., Pruel N. A. (2021). City management institute: reasons of low effectiveness in municipal management in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), P. 54–63. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.5>

Введение

Институт сити-менеджмента постепенно становится основной формой организации муниципального управления в сфере деятельности исполнительной власти на юге России. Соответственно, уходит в прошлое принцип выборности глав местных администраций. В средствах массовой информации руководителей муниципальных образований ещё иногда нарекают наименованием "мэр", но исключительно из-за отсутствия у журналистов понимания разницы между статусом избранного населением главы муниципалитета и назначенного по контракту сити-менеджера. С введением новых правил вступления в должность руководителя муниципального образования инициаторы реформы связывают повышение управленческой эффективности. Мотивы реформаторов понятны и объяснимы. С момента организации муниципальной власти как низовой модели публичного управления прошло уже три десятилетия, а оптимальной формы так и не найдено. Когда вводилась мэрская модель, предполагалось, что местное самоуправление будет действовать как единое территориальное сообщество, нацеленное на комплексное решение вопросов местного значения (Павкина, 2021; Филатов, 2020; Селдужева, 2019). Для этого были созданы соответствующие предпосылки: нормативные, ре-

сурсные, организационные. Однако со временем управленческая концепция изменилась. Акцент в концентрации ресурсов стал перемещаться в сторону федеральной и региональной властей. В этих условиях власть муниципальная начинает рассматриваться руководством страны в роли низового распорядителя по исполнению стратегических планов руководства страны.

В контексте сказанного, переход муниципалитетов к менеджеристской модели управления выглядит логичным продолжением преобразований, ранее уже проведенных на более высоких уровнях власти (Вольхина, 2015; Скоробогатько, 2005). Что касается искомой эффективности, то ее обеспечение отныне связывается с профессионализацией муниципального управления и помещением высших должностных лиц муниципальной службы в режим личной ответственности перед должностными лицами вышестоящих властных инстанций (Шабунова, Кожевников, 2020). Предполагалось, что данная реформа выведет муниципальное управление на принципиально иной уровень результативности, что станет условием обеспечения того качества жизни, которое ожидается населением и, в принципе, соответствует современным представлениям о необходимом качестве жизни.

Между тем, проведенные социологами в течении нескольких последних лет исследования в ряде регионов Южного федерального округа показали, что институт сити-менеджмента обнаружил свою несостоятельность, т.к. реформа не достигла цели ни в плане повышения уровня жизни населения, ни с точки зрения роста профессионализации управления (Дятлов, Ковалев, 2021). В нашей статье мы ставим перед собой цель выявить причины низкой эффективности в муниципальном управлении юга России.

Теоретические основы исследования

Исследование проведено в опоре на неинституциональную теорию Д. Норта (Норт, 1997). В рамках его концепции новая форма муниципального управления представлена в качестве социального института, трансплантированного из американской системы муниципального управления. Данный институт оценивается через три группы переменных: как нормативный механизм, как условие обеспечения эффективности и как управленческий порядок, признаваемый социальными акторами в виде наиболее рационального способа достижения институциональных целей.

В первом ракурсе – это сложившаяся совокупность формальных и неформальных ограничений, регулирующих порядок вступления в должность и исполнения полномочий главой муниципального образования. Анализ норм дает понимание того, насколько ориентированы социальные акторы на восприятие их как регулятивного механизма, отдают ли они предпочтение формальным или неформальным нормам, имеет ли место мимикрия формальных норм, нуждается ли сложившийся нормативный порядок в изменении.

Эффективность оценивалась в контексте соотношения цели и используемых для ее достижения средств (Тютин, 2014; Хижа, 2018; Евдокимова, 2013). Недостижение цели снимает все вопросы об обеспечении эффективности. Однако достижение цели должно быть рационально обосновано. Этот аспект оценивался в контексте затраченных в процессе управленческой деятельности ресурсов.

Институт сити-менеджмента, как управленческий порядок, изучался через призму его принятия социальными акторами. В числе последних выделялись сити-менеджеры, сотрудники муниципальных администраций, депутаты, гражданские активисты, представители бизнес-сообществ, население муниципальных образований. Каждый из перечисленных акторов оценивался на предмет принятия института сити-менеджмента в качестве формы управления, обеспечивающего ту или степень рациональности в достижении как общеинституциональных, так и индивидуальных целей социальных акторов. В некотором роде, это можно назвать изменением социальной легитимации принятых правил игры.

Методы исследования

Полевые исследования проводились три года (2018-2020 гг.). Основой выборки стали одиннадцать муниципальных образований в таких субъектах Южного федерального округа как Ростовская область, республика Крым и республика Адыгея. Каждый год решалась промежуточная задача, привязанная к общей концепции Проекта, и, одновременно, обусловленная возможностями применяемого социологического инструментария. В июне-августе 2018 г. проводился экспертный социологический опрос. На вопросы стандартизированного опросника ответили 87 экспертов из муниципальных образований указанных регионов. В числе экспертов – 44 заместителя глав администраций (32 – заместители сити-менеджеров, остальные 12 из Республики Крым, где на момент проведения опроса института сити-менеджмента ещё не было), 19 депутатов местных парламентов, 12 журналистов местных СМИ и 12 преподавателей социологии/политологии. В мае-сентябре 2019 г. проводился массовый опрос жителей ($N = 1164$). В качестве критериев репрезентативности при отборе респондентов использовались такие характеристики, как социальный статус, место жительства (три заявленных региона), пол и возраст. В Майкопе, Ростове-на-Дону и Симферополе при помощи местных общественных палат организовывались также по две фокус-группы с гражданскими активистами (от 7 до 11 участников). В июле-октябре 2020 г. были проведены глубинные интервью с сити-менеджерами (в каждом из 11-ти муниципальных образований) и по две фокус-группы с представителями бизнес-сообществ в городах Майкоп, Ростов-на-Дону и Симферополь (от 7 до 11 участников). Дополнительно к опросным методам осуществлялся анализ документов – нормативных актов, сообщений СМИ и информации, размещенной в открытом доступе на сайтах региональных правительств и муниципальных образований.

Результаты исследования

В результатах исследования выделим лишь два небольших аспекта, которые могут быть интерпретированы в контексте заявленной цели – установить причины низкой эффективности в муниципальном управлении юга России. В рамках экспертного опроса нас интересуют те заданные значения, которые можно будет конвертировать в причины, препятствующие достижению анонсируемых выше целей муниципальной реформы. По таблице 1 результаты измеряются в единицах.

Таблица 1

Причины, препятствующие эффективной управленческой деятельности сити-менеджера
(по оценкам экспертов, $N = 87$)

Варианты ответов	Социальный статус		
	заместители главы администрации	депутаты	эксперты от общественности
Имитационность и технократизм, игнорирование реальных интересов населения	7	7	23
Отказ от среднесрочного и долгосрочного планирования	22	7	8
Конфликты между сити-менеджером и депутатами муниципального парламента	7	15	2
Рост коррупции из-за применения теневых нелегитимных практик продвижения на должность сити-менеджера «нужного кандидата»	11	14	22
Зависимость муниципалитета в получении финансовых ресурсов от лояльности сити-менеджеров федеральной власти	17	6	20
Указанные проблемы не характерны для деятельности сити-менеджера	18	0	1

Представленные данные свидетельствуют о том, что практически по каждому из заданных значений можно осуществлять конвертацию в причинный комплекс. В той или иной степени это актуально относительно каждой из трех групп, отраженных в колонках таблицы 1. Имеется определенное смещение акцентов, сложились свои приоритеты по предложенным вариантам выбора, но ни один из них не оказался обойденным вниманием.

Ряд причин можно назвать универсальными. К их числу можно отнести коррупционные угрозы или убежденность, что получение муниципалитетом финансовых ресурсов зависит от лояльности по отношению к федеральной власти. Но это касается только двух заданных значений. В остальном выбор экспертов зависел от того управленческого ракурса, который проистекал от их социального статуса. Так, половина заместителей глав администраций указали на отсутствие возможности осуществлять среднесрочное и, особенно, долгосрочное планирование (22 из 44 экспертов). Эксперты от общественности выразили обеспокоенность из-за роста имитационных практик и технократизма в работе органов муниципальной власти (23 из 24). Депутаты обратили внимание на возрастание конфликтов с главами муниципальной администрации (15 из 19). На последнем этапе реформы, когда проводились глубинные интервью с сити-менеджерами, актуальность выявленных причин была ими подтверждена. Сам диалог с главами администраций выстраивался в опоре на тезисы, заявленные и переосмысленные в процессе подготовки публикаций. Из соображений корректности в фокусе выстраиваемого разговора не оказалось только вопросов, связанных с коррупцией. Такие беседы могут вестись только с уполномоченными органами власти.

Крайне важным в контексте эффективности следует признать степень удовлетворенности населением муниципальных образований проводимых муниципальных реформ. Заданные значения предлагались с учетом тех наиболее актуальных показателей, по которым муниципальные органы власти отчитываются на региональном уровне.

Таблица 2

Оценки эффективности управленческой деятельности сити-менеджеров,
в % от числа опрошенных граждан (N = 1164)

После того, как город возглавил сити-менеджер...	Да	Нет	Стало только хуже	Затрудняюсь ответить
Увеличилось ли качество автомобильных дорог	32,0	41,5	11,9	14,6
Увеличился ли объем строительства муниципального жилья	19,9	37,7	13,4	28,9
Увеличилось ли качество предоставления коммунальных услуг (свет, газ, вода, уборка мусора)	19,6	42,9	19,4	18,1

Данные в таблице 1 показывают отсутствие, по преимуществу, как отрицательного, так и положительного значения в восприятии смены способа легитимации главы муниципального образования. В своей основе, по мнению населения территориальных сообществ ситуация не претерпела принципиальных изменений. Иными словами, потребители муниципальных услуг никак не ощутили на себе позитивного улучшения качества жизни от новой конфигурации власти на муниципальном уровне.

Ещё один субъект институционального пространства сити-менеджмента – предпринимательское сообщество, принял участие в социологическом исследовании в формате фокус-групп. В одной из составляющих замысел реформы состоял в том, что хозяйственнику сити-менеджеру в отличие от политика мэра будет проще наладить контакты с бизнесом. Так, во всяком случае, произошло в США, где предприниматели стали

важнейшим источником ресурсов для развития муниципалитетов. Российские власти ожидали нечто похожего и в муниципальных образованиях нашей страны. Мы проверили готовность российского бизнеса к сотрудничеству. Уже на первой (из четырех проведенных) фокус-группе стало понятно, что взаимодействие с сити-менеджером имеет ещё больший комплекс барьеров, чем с избираемым населением мэром. Причем претензии формулировались не только к личностным особенностям глав администраций ("безынициативные", "непрофессионалы", "слишком много просят"), но и той институциональной системе, которая задавала рамки для взаимодействия (негативная роль прокуратуры, постоянные изменения в законодательстве, неясность формальных правил и т.п.).

В целом, все причины, препятствующие эффективной управленческой деятельности сити-менеджеров, можно свести к нескольким тезисам:

- в малых городах на должность сити-менеджеров назначают по остаточному принципу (очереди из желающих нет), а в крупных городах отбирают из числа лояльных власти, подготавливая им в качестве альтернатив имитационных конкурентов;

- сити-менеджеры не имеют прочных связей с местными гражданскими сообществами, игнорируют гражданских активистов, плохо знают нужды местного населения;

- инициативность сити-менеджеров блокируется сводом жестких бюрократических предписаний, которые не позволяют принимать быстрые, значимые для рынка решения; бизнес и власть имеют разную скорость принятия решений;

- даже хороший сити-менеджер не сможет обеспечить искомую эффективность в своей работе, т.к. уровень квалификации исполнителей на низах муниципального управления крайне низкий; достойные управленцы на муниципальном уровне надолго не задерживаются;

- нет заинтересованности в сотрудничестве с бизнесом, т.к. не настроены на долговременное пребывание у власти; ориентированы на карьерный рост и смену работы на более предпочтительную; отсюда стремление к имитационной деятельности, т.к. приписки и "работа с показателями" может быть понятна только в долгосрочной перспективе;

- боятся участвовать в контактах с бизнесом, т.к. любой договор (МЧП, аутсорсинг, концессия) становится объектом пристального внимания со стороны прокуратуры и блокируется уже на стадии его исполнения независимо от наличия реальных оснований для подозрений в коррупционных практиках;

- бизнес – это деятельность на началах риска; сити-менеджеры не склонны участвовать в предпринимательских акциях частного-публичного характера, поскольку боятся ошибиться из-за постоянной угрозы отставки;;

- власть больше декларирует сотрудничество с бизнесом, реальных же правил взаимодействия нет.

Анализ полученных данных

В завершающей части работы рассмотрим комплекс причин, посредством которых можно объяснить недостижение результата реформы в виде повышения эффективности муниципального управления.

1. *Утрата доверия со стороны населения юга России назначаемым сити-менеджерам.* Эффективность муниципального управления невозможно обеспечить простой сменой институциональных условий взаимодействия его основных акторов. Эти условия должны признаваться, как оптимальные в контексте целей, которые ставят перед собой социальные акторы. Население, гражданские активисты, бизнес-сообщества должны четко понимать, что новая форма легитимации власти сити-менеджера ориентирована именно на рост управленческой эффективности, а не на какие-то другие цели. Между тем, такого понимания у трех групп обозначенных акторов нет. Население не увидело за

десятилетие реформы существенного улучшения качества жизни. Однако иных критериев для выстраивания какого-либо позитивного отношения к органам власти на местах у широких масс нет. Главное состоит в том, что отсутствует результат, который мог бы компенсировать постепенно изъятие политических прав у граждан. Надо полагать, что в будущем, если ситуация с социально-экономическим развитием территорий не изменится, протестные настроения будут усиливаться. В том же ракурсе следует видеть динамику изменения точки зрения на легитимность местной власти у гражданских активистов. Фокус-группы показали, что лидеры мнений на местах уже сейчас выражают активное недовольство по поводу отказа от выборности главы администрации. Возражение со стороны модератора в том, что электоральная активность на муниципальных выборах всегда была низкой, парировалось акцентуацией роли гражданских активистов на местном уровне, которая изначально состояла в обеспечении посреднической связи между населением и избирателями. Теперь в этой связи нет необходимости и значимость гражданских активистов резко упала. Как следствие, это привело, во-первых, к игнорированию вопросов местного значения, т.к. сити-менеджеры настроены на выполнение федеральных программ, порой не учитывающих местные интересы, во-вторых, к потере гражданскими активистами и населением статуса ресурса для местной власти. Сити-менеджер не интересуется делами местных сообществ; местные сообщества игнорируют любые организационные усилия сити-менеджера.

2. Теневые практики назначения сити-менеджера на основании нелегитимных договоренностей. Из глубинных интервью с сити-менеджерами стало известно, что в основе своей их назначение было делом заведомо решенным, а выборы из двух альтернатив на заседании местного парламента – имитационными. Альтернативность – это обязательное условие, прописанное в законодательстве. Оно также касается работы экспертной комиссии на всех этапах отбора кандидатов. Однако стремление обеспечить место главы администрации вполне конкретному кандидату объективно вынуждает лоббистов вступать в нелегитимные договоренности. Экспертный опрос показал, что между администрацией и местным парламентом имеются серьезные проблемы. Сити-менеджеры в глубинных интервью нередко называли депутатов фактором, препятствующим эффективному управлению. Нетрудно предположить, что продвижение "кандидата номер один" на пост сити-менеджера влечет за собой определенный торг. Этот торг есть объективное основание для возникновения коррупционных практик. Весь коррупционный механизм в исследовании, подобном нашему, вскрыть невозможно. Но важно отметить, что сложившаяся ситуация ведет к складыванию на местном уровне политических практик, неизбежно ориентированных на коррупционные действия.

3. Утрата ответственности сити-менеджера перед населением. В новой институциональной реальности сити-менеджер имеет иную природу легитимности, чем избранный населением мэр. В выборный период вступления в должность главы муниципального образования легитимность определялась народным волеизъявлением. В настоящее время она складывается из волевых усилий региональных властей по формированию, как заявляется, профессиональной и, как очевидно, лояльной главе региона местной власти. Нельзя назвать случайным то, что конкурсная комиссия по законодательству наполовину формируется первым лицом субъекта федерации. Также в указанном контексте закономерно, что в случае равенства голосов при избрании кандидатов на должность сити-менеджера решающее слово остается за ее председателем, а он, свою очередь, назначается главой региона. В подобном правовом режиме глава муниципального образования чувствует свою ответственность, прежде всего, перед теми, кто его назначил. Удовлетворенность населения, желания гражданских активистов, вопросы местного значения уходят на задний план.

4. Отказ от среднесрочного и долгосрочного планирования. Сити-менеджер работает на основе целевых показателей. Следовательно, строго формально у него имеются

все необходимые условия для того, чтобы принимать среднесрочные и долгосрочные стратегии развития. Этот вопрос особенно актуален в больших городах регионального значения. Между тем, изучение срока пребывания сити-менеджеров у власти в больших городах юга России выявило, что в большинстве случаев исполнение ими властных полномочий не превышает двух-трех лет. При таком кратковременном исполнении должностных обязанностей принятие масштабных и продуманных планов развития лишено всякого смысла. Стратегический план – это не только свод цифр и направлений деятельности, расписанных по срокам реализации. Это ещё и ресурсы, которые просчитываются командой сити-менеджера исходя из имеющихся именно у этой команды возможностей. При замене исполнителей, а в особенности главы муниципального образования, новая команда может элементарно не иметь необходимой ресурсной базы. Кроме того, нужно принимать во внимание психологический аспект проблемы. Если руководитель не планирует надолго задерживаться в определенном муниципалитете, зачем ему затеваться с планами, которые он не доведет до конца? И, наконец, в условиях давления целевых показателей намного проще принимать те управленческие обязательства, которые решаются в кратковременной перспективе. Так удобнее для отчетности и безопаснее в плане соблюдения имитационной эффективности, которая легче обеспечивается на коротких сроках. При таких обстоятельствах целевые показатели не только не содействуют переходу к средне- или долгосрочному планированию, а, напротив, препятствуют этому.

5. Конфликты между сити-менеджером и депутатами муниципального парламента. Сити-менеджер находится в сложной системе зависимостей. С одной стороны, он как бы представитель интересов местного сообщества во власти и по законодательству вся его деятельность нацелена на повышение качества жизни населения муниципальных образований. Со второй стороны, властные прерогативы по факту он приобретает за счет легитимных и не вполне легитимных усилий региональных властей. Депутатами в частных беседах (глубинные интервью не были заявлены по Проекту, но в ходе его реализации выявилась необходимость их проведения) нередко высказывалась идея, что новая конфигурация власти на местах создавалась в целях компенсации региональным властям утраты части полномочий за счет более жесткого переподчинения им местной власти. С третьей стороны, формальная легитимность у сити-менеджера возникает только после избрания его местным парламентом и подписания контракта главой представительного органа муниципалитета. Оказавшись в этой системе целевых координат, сити-менеджер при реализации своей власти во многом рассматривается местными парламентариями в образе экзогенного явления. Именно с этого ракурса следует оценивать жалобы сити-менеджеров, которые в глубинных интервью адресовались парламентариям, часто блокирующих принимаемые администрацией решения и нередко отказывающихся выделять на их исполнение бюджетные средства. В большинстве муниципалитетов взаимодействие между администрацией и представительной властью трудно назвать конструктивным. Легко предположить, что такая модель сотрудничества едва ли сможет способствовать повышению эффективности в работе муниципальных органов власти.

Заключение

Проведенный анализ показал, что низкая эффективность муниципального управления является следствием необоснованного переноса американской модели сити-менеджмента в российскую социальную реальность. Совершенно очевидно, что проведенная реформа является мертворожденной. Однако мы понимаем, что власть в обозримом будущем не будет от нее отказываться, т.к. преобразования легко укладываются в общую канву государственной управленческой политики, которую можно обозначить как менеджеристскую. В связи с этим мы готовы предложить ряд инноваций, способных, на

наш взгляд, смягчить негативные последствия сформировавшейся конфигурации власти. Решение проблемы видим в создании оптимальной модели, согласованной с действующими социальными условиями. Более конкретно мы предлагаем следующее: 1) обеспечить институт сити-менеджмента необходимым кадровым резервом, для чего действовать повсеместному внедрению в профильные вузы магистерскую программу "Сити-менеджмент"; 2) сити-менеджеров выбирать исключительно из числа местных уроженцев, родившихся в конкретной местности и получивших в ней образование; 3) чтобы исключить давление на депутатов и членов конкурсной комиссии, в положения о выборах глав администраций внести поправку о процедуре тайного голосования; 4) отменить плановые показатели при оценке эффективности работы сити-менеджеров как источник, порождающий возникновение имитационных практик; 5) убрать целевые показатели из работы правоохранительных органов.

Предложенные новации, на наш взгляд, могут содействовать обеспечению эффективности муниципального управления.

Литература

- Вольхина, В.А. (2015). Институт губернаторства в современной России: изменение системы выборов и оценка эффективности деятельности губернаторов. *Политические институты и процессы*, 1, 52-58.
- Дятлов, А.В., Ковалев, В.В. (2021). Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России. *Социологические исследования*, 3, 66-77.
- Евдокимова, Т.В. (2013). Анализ генезиса теоретических подходов к понятию и оценке эффективности. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, 3, 22-27.
- Назначения и обыски: выборы мэра Краснодара запустили цепную реакцию в политике Кубани. Режим доступа: <https://krasnodarmedia.su/news/1181523>.
- Норт, Д. (1997). Институциональные изменения: рамки анализа. *Вопросы экономики*, 3, 10-17.
- Павкина, О.А. (2021). Муниципальная реформа. *Инновация. Наука. Образование*, 28, 509-514.
- Селдусева, Е.Г. (2019). Результаты муниципальной реформы: планируемые и достигнутые. *Меридиан*, 14, 219-221.
- Скоробогатко, В.В. (2005). Трансформация на Юге России политической роли региональных (муниципальных) предпринимательских и этнических элит в условиях отмены выборов губернаторов. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, 3-4, 83-87.
- Тютин, Д.В. (2014). Эволюция нового государственного управления: логика эффективности, результативности и менеджмента публичных ценностей. *Теория и практика общественного развития*, 5, 179-181.
- Филатов, И.А. (2020). Муниципальная и административная реформы в России. *Научное образование*, 3, 557-560.
- Хижа, О.Н. (2018). Эволюция подходов к трактовке понятия "эффективность" в экономической науке. *Вестник Челябинского государственного университета*, 7, 21-27.
- Шабунова, А.А., Кожевников, С.А. (2020). Эффективность государственного управления в исследованиях сотрудников ВОЛНЦ РАН. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 13(5), 9-21.

References

- Volkhin, V.A. (2015). The institution of governorship in modern Russia: changing the electoral system and assessing the effectiveness of governors. *Political Institutions and Processes*, 1, 52-58.
- Dyatlov, A.V., Kovalev, V.V. (2021). Transformation of the Institute of City Management in the Municipal Administration of the South of Russia. *Sociological Research*, 3, 66-77.
- Evdokimova, T.V. (2013). Analysis of the genesis of theoretical approaches to the concept and assessment of effectiveness. *Bulletin of Tomsk State University. Economics*, 3, 22-27.
- Appointments and Searches: Election of the Mayor of Krasnodar Launched a Chain Reaction in the Politics of the Kuban. Available at: <https://krasnodarmedia.su/news/1181523>.
- North, D. (1997). Institutional Change: A Framework for Analysis. *Economics*, 3, 10-17.
- Pavkina, O.A. (2021). Municipal reform. *Innovation. The science. Education*, 28, 509-514.
- Seldusheva, E.G. (2019). Results of the municipal reform: planned and achieved. *Meridian*, 14, 219-221.
- Skorobogatko, V.V. (2005). Transformation in the South of Russia of the political role of regional (municipal) entrepreneurial and ethnic elites in the context of the cancellation of the election of governors. *State and municipal administration. Scientific notes of SKAGS*, 3-4, 83-87.

Tyutin, D.V. (2014). Evolution of the new public administration: the logic of efficiency, effectiveness and management of public values. Theory and Practice of Social Development, 5, 179-181.

Filatov, I.A. (2020). Municipal and administrative reforms in Russia. Science Education, 3, 557-560.

Khizha, O. N. (2018). Evolution of approaches to the interpretation of the concept of "efficiency" in economic science. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 7, 21-27.

Shabunova, A.A., Kozhevnikov, S.A. (2020). The effectiveness of public administration in the research of the staff of the VOLNTS RAS. Economic and social changes: facts, trends, forecast, 13 (5), 9-21.

Дата получения рукописи: 02.10.2021

Дата окончания рецензирования: 1.11.2021

Дата принятия к публикации: 5.11.2021

Информация об авторах

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: n.pruel@spbu.ru

Information about the authors

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Applied and Sectoral Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Pruel Nikolay Aleksandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Management and Planning, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: n.pruel@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №3 (13)

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.6

Научная статья

УДК 323.21:316.77

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.6>**Онлайн- и офлайн-форматы гражданского участия:
возможности и риски*****Елена О. Смолева,¹ Юлия В. Уханова²**¹ Вологодский научный центр Российской академии наук,
г. Вологда, Вологодская область, Россия

e-mail: riolenas@rambler.ru

² Вологодский научный центр Российской академии наук,
г. Вологда, Вологодская область, Россия

e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты исследования общественного мнения в отношении онлайн и офлайн-форматов гражданского участия. В научной среде возрастает интерес к исследованию Интернет-активизма, при этом обосновывается полноценность форм гражданского онлайн-активизма. С другой стороны, существует мнение о рисках снижения подлинной активности и замены её «лайками» и «репостами» в социальных сетях. Актуальность изучения гражданского участия в региональном аспекте обусловлена не только постоянной модификацией форм гражданского активизма, но и проблемами цифрового неравенства территорий. Цель исследования – сравнение онлайн- и офлайн-форматов гражданского участия населения региона.

Метод: социологический опрос населения Вологодской области (выборка квотная, районированная; объем выборки 1500 чел.; ошибка выборки не более 3%).

Результаты и их обсуждение. Показано, что в общественном мнении нашло отражение цифровое неравенство региональных территорий, что сопровождается меньшей активностью жителей районов области. При этом не выявлено гендерных и возрастных различий в онлайн-формате гражданской активности при условии использования респондентами Интернет-технологий. Наиболее распространенными формами гражданского участия в регионе являются обращения в интернет-приемные органов власти, электронное голосование по различным инициативам, подписание онлайн петиций, обсуждение социальных проблем на специальных сайтах и в социальных сетях. Жители области склоняются к традиционным форматам гражданского участия. Активнее в Интернет-участии проявляют себя жители крупных городов. В ситуации пандемии Covid-2019 среди десятой части населения региона отмечается увеличение гражданской активности. Сделан вывод о необходимости развития обоих форматов гражданского участия, что будет способствовать социальной результативности и общественной консолидации.

Ключевые слова

гражданское участие; интернет-участие; цифровое неравенство; социальные сети.

Для цитированияСмолева Е.О., Уханова Ю.В. (2021). Онлайн- и офлайн-форматы гражданского участия: возможности и риски. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), С. 66–77. doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.6

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31702 «Диджитализация гражданского участия: прогресс в достижении социальных эффектов vs имитация общественно-полезной деятельности»

Online and offline formats of civic participation: possibilities and risks

Elena O. Smoleva,¹ Yulia V. Ukhanova²

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Vologda region, Russia
e-mail: riolenas@rambler.ru

² Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Vologda region, Russia
e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article presents the results of a public opinion survey in relation to online and offline formats of civic participation. In the scientific community, interest in the study of Internet activism is growing, while the usefulness of forms of civic online activism is substantiated, leading to an increase in social interaction offline. Moreover, it has been argued that online participation is a modern and equally effective substitute for offline activism. The relevance of studying civic participation in the regional aspect is due not only to the constant modification of the forms of civic activism, but also to the problems of digital inequality of territories.

Method: sociological survey of the population of the Vologda Oblast (quota, zoned sample; a sample size of 1,500 persons; sampling error no more than 5%).

Results and its discussion. It is shown that the digital inequality of regional territories is reflected in public opinion, which is accompanied by less activity of residents of the region's districts. At the same time, no gender and age differences were revealed in the online format of civic engagement, provided that respondents used Internet technologies. The most common forms of civic participation in the region are appeals to the Internet reception offices of the authorities, electronic voting on various initiatives, signing online petitions, discussing social problems on special sites and in social networks. Residents of the region are inclined to traditional formats of civic participation. Residents of large cities are more active in Internet participation. In the situation of the Covid-2019 pandemic, an increase in civic participation is noted among a tenth of the region's population. The conclusion is made about the need to develop both formats of civic participation, which will contribute to social performance and social consolidation.

Keywords

civic participation; online participation; digital divide; social media.

For citation

Smoleva E.O., Ukhanova U.V. (2021). Online and offline formats of civic participation: possibilities and risks. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), P. 66–77. doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.6

Введение

Особую актуальность при рассмотрении гражданского участия представляют вопросы его развития в условиях цифровизации. Какие процессы при этом происходят? Переформатирование традиционных офлайн-практик гражданского участия в онлайн? Или два вида практик являются связанными участниками одного процесса: институционализации гражданского участия? Сторонники концепции цифрового участия убеждены, что онлайн-формы не уступают по своей эффективности традиционному активизму (Пырма, 2020; Bennet, 2012; Fox, 2014). С противоположной позиции, цифровая среда несет в себе риски подмены реальной общественной активности на видимую (Гнедаш, Рябченко, 2014; Teocharis, 2015; Sabrega, 2017). Безусловно одно, активная цифровизация всех сфер жизни оказывает влияние на развитие и модификацию гражданского участия, что связано с увеличением числа платформ для решения социальных проблем (Смолева, 2021).

Вопросы влияния Интернет-практик на развитие и модификацию участия граждан рассматривались в работах И.А. Бронникова (Бронников, 2017, 2020), И.В. Мерсияновой (Мерсиянова, Брюшно, 2020; Мерсиянова, Иванова, 2021), Е. Морозова (Morozov, 2012), А.В. Садиловой (Садилова, 2015). Часть публикаций касается региональных аспектов гражданского участия (Русакова, 2018; Шомина, 2018). Исследование регионального опыта онлайн-практик гражданского участия показало, что Интернет-практики носят как проактивный характер (например, высказываются идеи и предложения относительно качества

среды проживания), так и включают реактивные компоненты в виде жалоб на заявительных сервисах, которые значительно преобладают по востребованности у населения (Смолева, 2021).

Цель исследования – сравнение онлайн- и офлайн-форматов гражданского участия населения региона. Поставленная цель обуславливает решение следующих задач: выявление возможностей населения для проявления интернет-активизма, изучение выбора населением между онлайн и традиционными форматами гражданского участия, выявление территориальных и демографических аспектов онлайн-активизма в регионе.

Методы

В регионе опрос проводился Вологодским научным центром РАН на репрезентативной общеобластной выборке. Характеристики социологического опроса:

– модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени;

– объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов в возрасте старше 18 лет;

– метод: анкетирование; процедура случайного систематического отбора.

Районирование осуществлялось по избирательным округам. При выборе районов учитывалось их географическое положение (представленность районов в разрезе север-юг, запад-восток, удаленность от областного центра), социально-экономическое положение (представленность районов с различным уровнем развития). Были выделены два города (Вологда и Череповец) и восемь районов (Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский). Квоты задавались по соотношению городского и сельского населения, по полу и возрасту. Установлены следующие возрастные границы: до 30 лет; от 30 до 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин; старше 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин. Ошибка выборки не превышает 3%.

Техническая обработка информации произведена в программе SPSS.

Результаты

Если по данным опросов ВЦИОМ, 18% населения страны не пользуется Интернетом, то в Вологодской области не пользуется Сетью каждый четвертый житель (24,7%; табл. 1), причем большой вклад в эту цифру даёт население районов, где показатель достигают 36%. В крупных городах эти данные значительно ниже: 12% по г. Вологде и 17% по г. Череповцу. Доля активных пользователей по области составляет 69% (53% пользуются каждый день и еще 15% – несколько раз в неделю). В крупных городах доля активных пользователей составляет 83% по г. Вологде и 80% по г. Череповцу, по районам – эти цифры в 1,5 раза ниже.

Гендерных различий в использовании Интернета населением региона не выявлено. Возрастные различия носят традиционный характер: в более возрастных группах снижается использование Сети: ежедневно с 85 % среди молодежи до 21% среди лиц пожилого возраста. Не пользуются Интернетом менее одного процента среди лиц молодого возраста, 9% – лиц в возрасте от 30 до 55 (60) лет и более половины (54%) – среди лиц старшей возрастной группы.

В 2020-2021 гг. среди населения были наиболее распространены следующие онлайн-формы участия в общественной жизни: обсуждение общественно значимых проблем на специальных сайтах и в социальных сетях (24%; табл. 2), обращение в интернет-приемные органов власти (22%) и электронное голосование по различным инициативам (22%). Достаточно редко население пользовалось возможностями Интернет-технологий для участия в общественных слушаниях в режиме онлайн (8%), благотворительности и волонтерства (9%) и гражданского протеста (5%). Для жителей г. Вологды наиболее востребованной онлайн-формой гражданского участия было подписание петиций (25%), для

жителей г. Череповца – обращение в интернет-приемные органов власти (41%), для населения районов области – обсуждение общественно значимых проблем на специальных сайтах и в социальных сетях (25%).

Таблица 1

Частота использования Интернета населением области (в % от числа ответивших)

Частота	Область	Территории			Пол		Возраст		
		Вологда	Череповец	Районы	Муж.	Жен.	До 30 лет	От 30 до 55 (60) лет	Старше 55 (60) лет
Каждый день	53,4	66,2	63,5	40,3	51,6	54,9	85,2	69,6	21,3
Несколько раз в неделю	15,4	16,9	16,8	13,8	15,1	15,7	8,8	15,6	17,8
Несколько раз в месяц и реже	6,4	4,6	2,7	9,7	7,0	6,0	5,1	6,1	87,4
Не пользуюсь Интернетом	24,7	12,3	17,0	36,2	26,2	23,5	0,9	8,7	53,6

Таблица 2

Использование онлайн-формы участия в общественной жизни населением области, территориальный разрез (в % от тех, кто пользуется Интернетом)

Наименование онлайн-форм	Вологда	Череповец	Районы	Область
Электронное голосование по различным инициативам	22,7	30,7	13,5	21,5
Обращение в интернет-приемные органов власти	18,1	40,8	11,5	22,3
Подписание онлайн петиций	26,2	12,2	20,1	19,6
Обсуждение общественно значимых проблем на специальных сайтах и в социальных сетях	18,4	27,4	24,8	23,6
Участие в общественных слушаниях в режиме онлайн	10,5	7,4	5,4	7,6
Онлайн благотворительность и волонтерство	9,9	7,7	9,5	9,1
Гражданский протест (например, критика власти в социальных сетях)	6,7	3,9	3,6	4,6

Женщины проявляют чуть большую активность по всем видам онлайн-участия, кроме гражданского протеста (на 3-6 п.п.; табл. 3). Для молодежи наиболее характерными формами Интернет-участия являются обращение в интернет-приемные органов власти (24%), электронное голосование по различным инициативам (23%), подписание онлайн петиций (22%). Среди лиц в возрасте от 30 до 55 (60) лет более востребовано обсуждение общественно значимых проблем на специальных сайтах и в социальных сетях (24%) и также обращение в интернет-приемные органов власти (24%), электронное голосование по различным инициативам (22%), подписание онлайн петиций (21%). Активность лиц старшей возрастной группы, которые пользуются Интернет-технологиями, не уступает активности других возрастных групп. Так, среди пожилых людей 29% обсуждают общественно значимые проблемы на специальных сайтах и в социальных сетях, 24% участвуют в электронных голосованиях по различным инициативам, 19% обращаются в интер-

нет-приемные органов власти. Для всех групп наименее востребованными формами онлайн-участия являются участие в общественных слушаниях в режиме онлайн, онлайн благотворительность и волонтерство, гражданский протест, при этом именно пожилые граждане чуть более активно используют эти формы взаимодействия с властью, обществом и другими гражданами.

Таблица 3

Использование онлайн-формы участия в общественной жизни населением области, демографический разрез (в % от тех, кто пользуется Интернетом)

Наименование онлайн-форм	Пол		Возраст		
	Муж.	Жен.	До 30 лет	От 30 до 55 (60) лет	Старше 55 (60) лет
Электронное голосование по различным инициативам	19,3	25,4	23,4	21,9	24,2
Обращение в интернет-приемные органов власти	20,5	24,1	23,8	23,7	18,5
Подписание онлайн петиций	18,7	21,1	21,5	21,1	16,3
Обсуждение общественно значимых проблем на специальных сайтах и в социальных сетях	21,9	25,6	18,2	23,9	28,8
Участие в общественных слушаниях в режиме онлайн	6,5	8,9	5,6	7,9	9,4
Онлайн благотворительность и волонтерство	7,5	10,8	11,2	8,5	9,8
Гражданский протест (например, критика власти в социальных сетях)	7,3	4,4	6,5	4,0	9,1

Ситуация пандемии Covid-2019 и принятые органами власти меры по снижению возможного заражения уязвимых групп населения в виде самоизоляции и перехода на дистанционный режим работы и учебы внесли свои коррективы в порядок гражданского участия. Хотя более половины (52%; табл. 4) населения региона заявляет о неизменности своей гражданской активности, каждый десятый житель (11%) отмечает её увеличение. Еще 15% респондентов затрудняются с оценками, так как и до пандемии достаточно активно проявляли свою гражданскую позицию посредством сети Интернет. Наибольшая доля граждан, ставших активнее в использовании Интернет-технологий, выявлена среди жителей г. Вологды (15%). Сообщают о повышении своей активности женщины (14% против 8% мужчин), молодежь до 30 лет (14%) и респонденты в возрасте от 30 до 55 (60) лет (12%).

Таблица 4

Изменение активности использования Интернет-технологий для проявления гражданской позиции с наступлением пандемии Covid-2019 (в % от тех, кто пользуется Интернетом)

Виды изменений активности	Область	Территории			Пол		Возраст		
		Во-логда	Череповец	Районы	Муж.	Жен.	До 30 лет	От 30 до 55 (60) лет	Старше 55 (60) лет
Да, намного активнее	11,4	14,9	11,3	8,8	8,1	14,0	13,5	11,7	9,5
Сложно сказать, поскольку и раньше активно проявлял гражданскую позицию посредством сети интернет	14,7	18,4	20,2	7,7	15,8	14,0	14,9	15,7	12,1
Нет, все осталось, как и прежде	52,5	54,2	44,9	56,9	52,5	52,3	48,8	50,9	59,1
Затрудняюсь ответить	21,4	12,5	23,5	26,6	23,6	19,7	22,8	21,7	19,3

При этом 28% респондентов высоко оценивают эффективность онлайн-форм гражданского участия, поскольку, по их мнению, они реально помогают решить проблемы (табл. 5). Большая часть опрошенных имеет негативное мнение об эффективности онлайн-участия (72%): каждый третий (33%) считает, что с помощью Интернет-технологий только собирается информация об имеющихся проблемах; каждый четвертый (21%) – что онлайн-формы не способны решать общественно значимые проблемы; 18% жителей области заявляют об имитационном характере деятельности в случае Интернет-участия. Наиболее высокого мнения об эффективности онлайн-форм жители г. Череповца (36%), наименее – жители г. Вологды (21%). Чаще всего население областного центра считает, что онлайн-участие – это способ сбора информации об имеющихся проблемах (41%).

Таблица 5

Общественное мнение об эффективности онлайн-форм гражданского участия
(в % от тех, кто пользуется Интернетом)

Высказывания об эффективности онлайн-форм	Вологда	Череповец	Районы	Область
Они реально помогают решать проблемы	20,8	35,9	28,4	28,3
Они скорее только собирают информацию об имеющихся проблемах	40,8	26,1	31,9	32,9
Они лишь имитируют активную деятельность по решению различных проблем	17,0	18,2	19,3	18,3
Они не способны решать общественно значимые проблемы	21,4	19,8	20,3	20,5

Каждый второй житель области предпочитает офлайн-формы гражданской активности: 56% выбирают личное присутствие на политических выборах, 53% – при обсуждении инициатив по обустройству территории проживания, 52% – на мероприятиях по защите своих прав и при обращении в органы власти (табл. 6). В среднем треть населения согласны в равной степени использовать онлайн и офлайн форматы: от 28% на политических выборах до 34% при участии в работе политических партий или объединений.

Выберут скорее онлайн-формы гражданского участия 16-18% населения области. Лидером по предпочтению интернет-участия является население г. Череповца – около трети жителей выберут скорее онлайн-форматы (29-31%). На других территориях эти цифры ниже – 18-22% вологжан и только 5-10% среди жителей районов. И если в данном случае мы можем сделать выводы о более низкой онлайн гражданской активности жителей г. Вологды, то в отношении жителей районов свою роль играет и плохое развитие информационной инфраструктуры, отсутствие технической возможности подключения к сети (Шабунова и др., 2020).

Исследование не выявило гендерных различий в выборе форматов гражданского участия (табл. 7). Выбирают традиционные способы гражданского участия от 49 до 56% мужчин и от 48 до 55% женщин. Анализ возрастных различий выбора форматов гражданской активности на общеобластной выборке продемонстрировал четкую закономерность: молодежь чаще отдает предпочтение онлайн-формам, чем население среднего и старшего возраста. Так, готовы участвовать в онлайн политических выборах 26% молодежи, 19% людей в возрасте от 30 до 55 (60) лет и 10% пожилых людей. Напротив, выборы в традиционном формате личного присутствия предпочтут 75% пожилых людей, 47% людей в возрасте от 30 до 55 (60) лет и 34% молодежи. К таким выводам мы приходим, если рассматриваем в целом население региона. Но следует повторить, что лица старшего возраста, которые используют ИКТ, достаточно активно проявляют свою гражданскую активность в онлайн-форматах. Эти факты подводят к выработке решений для развития участия граждан в решении социальных проблем региона.

Таблица 6

Выбор предпочтительных форм участия в общественной жизни, территориальный разрез (в % от числа ответивших)

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
<i>Политические выборы</i>				
Скорее офлайн	54,0	37,5	67,4	55,7
В равной степени офлайн / онлайн	24,3	31,8	27,0	27,6
Скорее онлайн	21,7	30,8	5,5	16,7
<i>Обращение в органы власти</i>				
Скорее офлайн	54,1	32,6	61,8	51,8
В равной степени офлайн / онлайн	27,9	36,8	32,2	32,3
Скорее онлайн	17,9	30,6	6,0	15,8
<i>Участие в работе политических партий, объединений</i>				
Скорее офлайн	43,4	32,5	62,3	49,3
В равной степени офлайн / онлайн	35,2	36,5	32,6	34,3
Скорее онлайн	21,3	31,0	5,1	16,4
<i>Обсуждение инициатив по обустройству территории проживания (дом, двор, город)</i>				
Скорее офлайн	51,4	36,7	63,0	52,8
В равной степени офлайн / онлайн	28,5	34,7	30,4	31,1
Скорее онлайн	20,1	28,5	6,6	16,1
<i>Участие в деятельности общественных организаций</i>				
Скорее офлайн	42,9	31,9	62,9	49,2
В равной степени офлайн / онлайн	34,2	38,2	29,2	32,9
Скорее онлайн	22,9	29,9	7,9	17,8
<i>Помощь бедным, инвалидам, пожилым, людям с тяжелыми заболеваниями, сиротам (в т.ч. путем сбора пожертвований, оказания других видов помощи)</i>				
Скорее офлайн	44,9	34,4	58,6	48,4
В равной степени офлайн / онлайн	34,1	35,2	31,9	33,4
Скорее онлайн	21,0	30,4	9,5	18,2
<i>Гражданский протест</i>				
Скорее офлайн	43,0	31,3	64,4	49,8
В равной степени офлайн / онлайн	35,0	38,8	27,3	32,4
Скорее онлайн	22,0	29,8	8,3	17,8
<i>Мероприятия и действия по защите своих прав</i>				
Скорее офлайн	44,0	34,3	66,4	51,8
В равной степени офлайн / онлайн	37,0	33,8	26,1	31,1
Скорее онлайн	18,9	31,8	7,4	17,1

Итак, в общественном мнении нашло отражение цифровое неравенство региональных территорий. Это выражается в том, что доля активных пользователей Интернет-ресурсами в районах в 1,5 раза ниже, чем в крупных городах, а каждый третий районный житель не использует Интернет. Сложившаяся ситуация отражается и на уровне гражданской активности жителей районов в онлайн-формате. При этом при условии использования респондентами Интернет-технологий гендерных и возрастных различий в онлайн-участии не выявлено. Пожилые люди, которые используют Интернет, также активно проявляют свою гражданскую позицию, как и более молодые жители области.

Наиболее распространенными формами гражданского участия являются обращения в интернет-приемные органов власти, электронное голосование по различным инициативам, подписание онлайн петиций, обсуждение социальных проблем на специальных сайтах и в социальных сетях. Жители области склоняются к традиционным форматам гражданского участия. Активнее в Интернет-участии проявляют себя жители крупных городов. Выявленная закономерность более активного выбора молодежью онлайн-форм распространяется на все рассмотренные нами виды гражданского участия.

Таблица 7

Выбор предпочтительных форм участия в общественной жизни,
демографический разрез (в % от числа ответивших)

Наименование формы участия в общественной жизни	Пол		Возраст		
	Муж.	Жен.	До 30 лет	От 30 до 55 (60) лет	Старше 55 (60) лет
<i>Политические выборы</i>					
Скорее офлайн	56,4	55,2	34,1	47,4	74,5
В равной степени офлайн / онлайн	29,0	26,4	40,5	33,5	15,2
Скорее онлайн	14,5	18,4	25,5	19,1	10,3
<i>Обращение в органы власти</i>					
Скорее офлайн	51,2	52,3	30,9	41,2	73,1
В равной степени офлайн / онлайн	35,2	30,1	45,0	39,5	18,5
Скорее онлайн	13,6	17,6	24,1	19,3	8,4
<i>Участие в работе политических партий, объединений</i>					
Скорее офлайн	49,2	49,3	26,4	38,9	71,3
В равной степени офлайн / онлайн	36,0	33,0	50,9	41,5	18,9
Скорее онлайн	14,7	17,8	22,7	19,7	9,9
<i>Обсуждение инициатив по обустройству территории проживания (дом, двор, город)</i>					
Скорее офлайн	53,0	52,6	30,5	42,7	73,9
В равной степени офлайн / онлайн	32,6	29,9	46,8	37,4	17,2
Скорее онлайн	14,4	17,5	22,7	19,9	8,9
<i>Участие в деятельности общественных организаций</i>					
Скорее офлайн	49,2	49,2	26,4	39,8	69,9
В равной степени офлайн / онлайн	34,2	31,9	46,8	39,4	19,5
Скорее онлайн	16,5	18,9	26,8	20,8	10,6
<i>Помощь бедным, инвалидам, пожилым, людям с тяжелыми заболеваниями, сиротам (в т.ч. путем сбора пожертвований, оказания других видов помощи)</i>					
Скорее офлайн	48,9	48,0	28,2	38,3	68,9
В равной степени офлайн / онлайн	35,6	31,6	48,6	39,6	19,6
Скорее онлайн	15,5	20,4	23,2	22,1	11,4
<i>Гражданский протест</i>					
Скорее офлайн	50,0	49,6	34,1	39,5	68,8
В равной степени офлайн / онлайн	34,6	30,7	44,1	39,3	19,4
Скорее онлайн	15,4	19,7	21,8	21,2	11,8
<i>Мероприятия и действия по защите своих прав</i>					
Скорее офлайн	52,1	51,7	33,2	43,1	69,9
В равной степени офлайн / онлайн	33,6	29,1	44,5	36,8	18,8
Скорее онлайн	14,4	19,3	22,3	20,1	11,3

Большая часть населения имеет негативное мнение об эффективности онлайн-участия. У жителей области сложились убеждения, что с помощью Интернет-технологий только собирается информация об имеющихся проблемах, в случае Интернет-участия деятельность носит имитационный характер, а онлайн-формы не способны решать общественно значимые проблемы. Такая позиция создает риски для развития гражданского участия в регионе, так как Интернет-формат деятельности получает всё большее распространение в жизни современного общества. Как позитивный момент отмечаем, что в ситуации пандемии Covid-2019, когда действовали режимы социальной дистанции и самоизоляции, требовалась помощь пожилым или заболевшим людям, каждый десятый житель области отмечал увеличение своей гражданской активности.

Проведенное исследование показало необходимость развития обоих форматов гражданского участия. Одним из направлений является популяризация и предоставле-

ние возможностей для расширения практики электронного голосования жителями районов, обращений в интернет-приемные органов власти жителями г. Вологды и районов. Другим направлением – продолжение обучения людей старших возрастных ИКТ, чтобы они более активно пользовались современными технологиями. Эти мероприятия расширят возможности граждан содействовать решению социально-экономических проблем и способствовать консолидации местного сообщества в целях развития региона.

Литература

Бронников, И.А. (2017). Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы. *Вестник Поволжского института управления*, 17 (4), 94–102.

Бронников, И.А. (2020). Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 13, 269–285. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-14>

Володенков, С.В. (2016). Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций. *Вестник Московского университета*, 2, 21–34.

Гнедаш, А. А., Рябченко, Н. А. (2014). Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики». *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 40–54.

Мерсиянова, И.В., Брюшно, А.С. (2020). Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 357–375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1732>.

Мерсиянова, И.В., Иванова, Н.В. (2021). Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 340–361. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1705>.

Певная, М.В., Кульминская, А.В., Широкова, Е.А., Шуклина, Е.А. (2021). Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 492–510. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>.

Пырма, Р.В. (2020). Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций. *Власть*, 28, 2, 74–81

Русакова, И.В. (2018). Показатели общественной и инновационной активности населения регионов Российской Федерации с позиций системного подхода. *Петербургская социология сегодня*, 9, 120–142.

Садилова, А.И. (2015). Практики российского интернет-активизма на субнациональном уровне. *Человек. Сообщество. Управление*, 16, 4, 49–59.

Смолева, Е.О. (2021). Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа). *Проблемы развития территории*, 25, 2, 90–107.

Усачева, О.А. (2012). Сети гражданской мобилизации. *Общественные науки и современность*, 6, 35–42.

Шабунунова, А.А., Груздева, М.А., Калачикова, О.Н. (2020). Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России. *Проблемы развития территории*, 4 (108), 7–19. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.4.108.1>

Шомина, Е.С. (2020). Самоорганизация жителей в сельских поселениях – взгляд сквозь розовые очки. *Социологическая наука и социальная практика*, 8, 2, 114–132. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7308>.

Bennett, L.W. (2012). The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 644, 20–39. <https://doi.org/10.1177/0002716212451428>.

Cabrera, N.L. (2017). Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. *Journal of Diversity in Higher Education*, 10 (4), 400. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>. S2CID 151362391.

Fox, S. (2014). Is It Time to Update the Definition of Political Participation? *Parliamentary Affairs*, 67 (2), 495–505. <https://doi.org/10.1093/pa/gss094>.

Morozov, E. (2012). *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. NY: PublicAffairs, 432.

Teocharis, Y. (2015). The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media Society*, 2(1). Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305115610140>.

References

Bennett, L.W. (2012). The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 644, 20–39. <https://doi.org/10.1177/0002716212451428>.

- Bronnikov, I.A. (2017). Civil Internet activism: trends and prospects. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 17 (4), 94–102.
- Bronnikov, I.A. (2020). Self-organization of Citizens in the Age of Digital Communications. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 13(2), 269–285.
- Cabrera, N.L. (2017). Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. *Journal of Diversity in Higher Education*, 10 (4), 400. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>. S2CID 151362391.
- Fox, S. (2014). Is It Time to Update the Definition of Political Participation? *Parliamentary Affairs*, 67 (2), 495–505. <https://doi.org/10.1093/pa/gss094>.
- Gnedash, A.A., Ryabchenko, N.A. (2014). Constructive destructive socio-political practices in today Russia online-space: fail, case, mechanics. *Human. Community. Management*, 2, 40–54.
- Mersianova, I. V., Ivanova, N. V. (2021). Is It Difficult or Easy to Be an Engaged Citizen During the Pandemic Outbreak? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 340–361. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1705>.
- Mersianova, I.V., Briukhno, A.S. (2020). Digital Volunteer Platforms: Russians' Willingness to Use Them and Application Potential. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 357–375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1732>.
- Morozov, E. (2012). *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. NY: PublicAffairs, 432.
- Pevnaya, M. V., Kulminskaya, A. V., Shirokova, E. A., Shuklina, E. A. (2021). Volunteering Youth During the Pandemic: A Portrait of a Hero of a Difficult Time. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 492–510. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>. (In Russ.).
- Pyrma, R.V. (2020). Concepts of civil activism in the digital space of communications. *Power*, 28(2), 74–81.
- Rusakova, I.V. (2018). Indicators of Social and Innovation Activity of the Population of the Regions From the Perspective of a Systems Approach. *St. Petersburg Sociology Today*, 9, 120–142.
- Sadilova, A.V. (2015). Russian Internet-activizm practices on the subnational level. *Chelovek. Human. Community. Management*, 16(4), 49–59.
- Shabunova, A.A., Gruzdeva, M.A., Kalachikova, O.N. (2020). Settlement aspect of digital inequality in modern Russia. *Problems of Territory's Development*, 4 (108), 7–19.
- Shomina, E.S. (2020). Self-Organization of Citizens at the Rural Settlements – Look Through Pink Glasses. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 8, 2, 114–132. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7308>. (In Russ.)
- Smoleva, E.O. (2021). Internet practices of citizens' participation in creating comfortable urban area (case study of the Northwestern federal district). *Problems of Territory's Development*, 25(2), 90–107.
- Teocharis, Y. (2015). The Conceptualization of Digitality Networked Participation. *Social Media Society*, 2(1). Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305115610140>.
- Usacheva, O.A. (2012). Civil mobilization networks. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 35–42.
- Volodenkov, S.V. (2016). The development of contemporary information and communication technologies as a factor in the formation of a paradigm of a network communications society. *Moscow State University Vestnik*, 2, 21–34.

Дата получения рукописи: 23.10.2021

Дата окончания рецензирования: 28.11.2021

Дата принятия к публикации: 29.11.2021

Информация об авторах

Смолева Елена Олеговна – научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук, г. Вологда, Российская Федерация; e-mail: riolenas@rambler.ru

Уханова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук, г. Вологда, Российская Федерация; e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Information about the authors

Smoleva Elena Olegovna – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia; e-mail: riolenas@rambler.ru

Ukhanova Yulia Victorovna – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia; e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Критерии авторства: Разработка инструментария для социологического опроса выполнена научным коллективом в рамках гранта РФФИ № 21-011-31702 «Диджитализация гражданского участия: прогресс в достижении социальных эффектов vs имитация общественно-полезной деятельности» под руководством к.и.н. Ю.В. Ухановой (состав научного коллектива: к.э.н. Груздева М.А, к.э.н. Попов В.А., Косыгина К.Е., Смолева Е.О.). Е.О. Смолева обработала полученные эмпирические данные, Е.О. Смолева и Ю.В. Уханова проанализировали полученные эмпирические данные, провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов: отсутствует конфликт интересов

Attribution criteria

The development of tools for a sociological survey was carried out by the research team within the framework of the RFBR grant No. 21-011-31702 "Digitalization of civic participation: progress in achieving social effects versus imitation of socially useful activities" under the leadership of Yu.V. Ukhanova (research team: M.A. Gruzdeva, Popov V.A., Kosygina K.E., Smoleva E.O.). E.O. Smoleva processed the obtained empirical data, E.O. Smolev and Yu.V. Ukhanova analyzed the obtained empirical data, conducted a generalization, prepared the manuscript for publication, have copyright on the article and bear full responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №3 (13)

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.7

Научная статья

УДК 316.334

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.7>

Социальная полезность российской модели профессионального спорта

Владимир В. Кожин¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия

e-mail: 89526071117@mail.ru

Аннотация

Введение. Определяется актуальность исследования, обоснованная необходимостью изучения процессов трансформации профессионального спорта в последние десятилетия его развития. Ставится проблема, в соответствии с которой акторы профессионального спорта имеют разнонаправленные целевые ориентации, что ведет к утрате институциональной устойчивости. Выдвигается гипотеза, согласно которой утрата профессиональным спортом конституирующих его содержание норм-принципов приведет к деформации сущности спорта. Представлен сложившийся по проблеме отечественный и зарубежный дискурс.

Методы. Эмпирическое исследование проведено с применением метода экспертного опроса в форме анкетирования. Объект – основные акторы профессионального спорта. Количество экспертов – четыреста девяносто. Место проведения – город Москва, Ростовская и Астраханская области.

Результаты и их обсуждение. Для сохранения профессионального спорта в качестве спорта высших достижений необходимо нормативно закрепить за государством статус ведущего актора этого субинститута. Самостоятельных источников существования у российского профессионального спорта немного. При этом весомо значение барьеров для его развития, среди которых следует указать на 1) отсутствие достаточного количества, особенно в регионах, независимого от власти крупного бизнеса, способного выступить в роли спонсора, 2) низкая покупательская способность населения, 3) слабо развитое правовое сознание и правовой нигилизм, из-за которых появляются серьезные угрозы ожидать деформацию профессионального спорта в псевдоспортивное зрелище без правил и с заведомо прописанным результатом. Если мы хотим избежать потери спорта высших достижений, как национального достояния, то к снижению бремени расходов государства на профессиональный спорт можно прийти лишь в отдаленном будущем, и путь к этому лежит через существенное повышение качества подготовки спортивного резерва.

Ключевые слова

спорт; профессиональный спорт; субинститут; полезность; акторы спорта; трансформация спорта; функции спорта; целевые ориентации; реформа спорта; модель развития.

Для цитирования

Кожин В. В. (2021). Социальная полезность российской модели профессионального спорта. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), С. 79–91. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.7>

Social usefulness of Russian professional sport model

Vladimir V. Kozhin¹,

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

e-mail: 89526071117@mail.ru

Abstract

Introduction. This article defines the relevance of the research, substantiated by the need to study the processes of transformation of professional sport in the last decades of its development. The problem is posed, according to which the actors of professional sport have multidirectional target orientations, which causes the loss of institutional stability. The hypothesis is put forward, according to which the loss of the norms-principles that constitute

content of professional sport will cause deformation of the essence of sport. The current domestic and foreign discourse on the problem is presented.

Methods. The empirical research was carried out using the method of an expert survey in the form of a questionnaire. The object is the main actors of professional sport. Number of experts – 490. Place of the research – city Moscow, Rostov and Astrakhan regions.

Results and its discussion. In order to preserve professional sport as a sport of the highest achievements, it is necessary to secure the status of the leading actor of this sub-institute for the state. Russian professional sport has few independent sources of livelihood. At the same time, the importance of barriers to its development is significant, among which it should be noted 1) the lack of sufficient number of large business, independent of the government and able to be a sponsor, especially in the regions. 2) low purchasing power of the population. 3) poorly developed consciousness of law and legal nihilism, due to which there are serious threats to expect the deformation of professional sport into pseudo-sport spectacles without rules and with deliberately prescribed results. If we wish to avoid the loss of high-performance sport as a national treasure, then reducing the burden of state spending on professional sport can only be achieved in the distant future, and the path to this lies through a significant increase in the quality of training the sport reserve.

Keywords

sport; professional sport; sub-institute; usefulness; actors of sport; transformation of sport; function of sport; target orientations; reform of sport; development model.

For citation

Kozhin V. V. (2021). Social usefulness of Russian professional sport model. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), P. 79–91. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.7>

Введение

Профессиональный спорт находится в состоянии трансформации. Его прежнее содержательное качество локализовалось в смысловых границах профессионального спорта англосаксонских стран и европейского любительского спорта высших достижений. Соединение этих двух разновидностей сформировало новое качество, которое сегодня принято определять как профессиональный спорт. В профессиональном спорте есть несколько групп акторов, имеющих разнонаправленные целевые ориентации относительно того, каким образом должен развиваться и регулироваться профессиональный спорт. Это свидетельствует о дефиците устойчивости в сложившемся на современном этапе институциональном комплексе. Это касается как норм формального характера, так и неформальных норм. Следовательно, можно говорить и об отсутствии институциональной достаточности, и об угрозах потенциальной деформации. Иными словами, профессиональный спорт в ближайшее время будет продолжать развиваться как субинститут в социальном институте российского спорта, но есть угрозы его выхода за пределы институциональных границ и перемещения в институциональное пространство предпринимательства. Пока трудно сказать на какой конечной стадии остановится процесс трансформации профессионального спорта, но мы можем гипотетически предположить несколько возможных вариантов, избрав в качестве эмпирического индикатора категорию социальной полезности.

Исследование профессионального спорта не имеет глубокой и масштабной социологической традиции. Однако уже на начальном этапе его изучения сформировалась два основных взгляда на институциональную принадлежность профессионального спорта: к сфере предпринимательства или в качестве самостоятельного социального института.

Одним из первых социологов, заявивших о необходимости дать теоретическое обоснование социологии спорта, был П. Бурдье. Он ввел понятие "спортивный продукт", на основе которого высказал предположение об отраслевой принадлежности спорта к экономической социологии (Бурдье, 2009). С этой же точки зрения предметность социологии спорта определялась С. Роттенбергом. По его мнению, спорт представляет собой предпринимательский продукт, который создается исключительно из коммерческих ображений, на продажу (Rottenberg, 1956). В схожих методологических традициях рассматривается институциональная принадлежность спорта Т. Вебленом (Веблен, 2011).

Это понимание природы спорта, с переносом акцента в сторону профессионального спорта, нашло поддержку у ряда отечественных ученых: (Соломенная и др., 2018), (Лабудин, Шамхалов, 2017), (Сербулов, Куулар, 2018) и ряда других авторов, работающих на стыке социологии и экономики.

Альтернативой институциональному подходу, с сохранением понимания профессионального спорта как предпринимательства, в отечественной социологии можно считать можно считать работы М.В. Синютин и Р.В. Карапетян. В качестве новой парадигмы ими предлагается использовать реляционистскую социологию (Синютин, Карапетян, 2015).

Вторая точка зрения на спорт – он представляет собой самостоятельный социальный институт. Его сторонники предпринимают попытки создать интегративную теорию спорта, как социального института, которая смогла бы объединить в единых институциональных рамках все виды спортивной деятельности. Теоретические основания данного подхода были предложены В.В. Сенчуком (Сенчук, 2011). Отдельные аспекты в рамках интегративной теории сейчас разрабатываются многими учеными. В.И. Лукашук изучает спорт как институт социализации (Лукашук, 2019). Н.М. Табылдиев рассматривает спорт в качестве сложной социально-ценностной и социально-экономической системы, в которой вторая составляющая институционально подчиняется первой (Табылдиев, 2010). В.Д. Паначев оценивает спорт как составную часть физической культуры, соотнося эти понятия между собой как частное и целое (Паначев, 2011). А.А. Юдина использует для изучения института спорта аксиологический подход, рассматривая спортивную деятельность как определенный образ жизни, направленный на физическое совершенствование и рост духовности в человеке (Юдина, 2014). Трансформации социального института спорта в условиях глобализации изучается А.К. Захаровым (Захаров, 2014). М.С. Малашенко использует для анализа института спорта системно-структурный подход (Малашенко, 2014).

Профессиональный спорт занимает в традиции изучения вопроса совершенно обособленное место. Его понимание характеризуется двумя особенностями: 1) большая часть специалистов не считают его спортом, а относят к сфере предпринимательства; 2) при его изучении в основном применяется деятельностный подход.

По его мнению, А.Н. Починкина, под профессиональным спортом следует понимать специальный раздел спорта, который обладает особой зрелищностью, являясь по сути частью развлекательного бизнеса (Починкин, 2017). Попытка найти критерии и обосновать разделение профессионального спорта и спорта высших достижений дается в коллективной работе в соавторстве Л.В. Морозовой, Л.А. Кирьяновой, А.С. Сотник и О.В. Демиденко (Морозова и другие, 2018). Ряд исследователей отмечают противоречивость профессионального спорта, указывая на его генетическую связь со спортом в целом, которая на данном этапе утрачивается из-за коммерциализации некоторых сегментов спортивной деятельности (Абдукаримов, 2006; Ларшина, 2013; Михайлова и Студеникина, 2017). В соответствии с позицией В.А. Шелковой, профессиональный спорт представляет собой особую разновидностью социальной деятельности, ориентированную на извлечение прибыли, высокий уровень конкуренции, возникновение спортивной элиты (Шелкова, 2016). Т.А. Михайлова представляет профессиональный спорт как особый вид профессии, успех в которой обеспечивается постоянным духовным и физическим совершенствованием (Михайлова, 2015). В совместной работе Е.Г. Ермаковой, В.М. Паршаковой, К.А. Романовой встречаем идентичное рассмотренному понимание профессионального спорта, т.к. авторы определяют его в качестве предпринимательской деятельности (Ермакова, Паршакова, Романова, 2018). По мнению Д.Ш. Богдановой, профессиональный спорт представляет собой маргинальное явление в современной культуре, где он выступает элементом массовой культуры, созданным на продажу (Богданова, 2012).

В рамках институционального подхода профессиональный спорт практически не изучался. Ю.М. Мирющенко представляет профессиональный спорт представлен как социальный институт, образующий сложный комплекс из норм, ролей, функций, направленных на обеспечение социальной устойчивости (Мирющенко, 2019). М.А. Кочерьян, А.И. Зверев и П.П. Рыскин изучали социализацию в сфере профессионального спорта (Зверев, Рыскин, Кочерьян, 2011; Кочерьян, Зверев, Рыскин, 2013).

Оценивая сформировавшийся дискурс по вопросам изучения профессионального спорта, можно отметить, что в социологической науке происходящая на современном этапе трансформация профессионального спорта практически не изучается с применением ресурсных возможностей институционального подхода.

Теоретические основы исследования

Спорт, как понятие, содержит в себе двойную природу. С одной стороны, он имеет универсальное содержание, которое можно свести к трём компонентам: соревновательности, интенсивности (регулярности) физических нагрузок и игры по правилам. С другой, он заключает в себе более узкое, социальное значение, которое локализуется в представлениях об его социальной полезности. Следовательно, универсального понимания социальной природы спорта, которое бы устроило всех, быть не может. В нашем исследовании спорт выступает объектом изучения в качестве социального института. Руководствуясь методологией Д. Норта (North, 1965; North, 1989), спорт мы позиционируем как совокупность устойчивых формальных и неформальных норм, сложившихся в целях оптимизации издержек и выбора наиболее рациональных способов для достижения субъектами спортивной деятельности своих индивидуальных целей. Этот комплекс приобретает устойчивый характер на основе конвенционального признания его полезности каждому из спортивных акторов. Следовательно, анализ спорта, как социального института, предполагает выявление векторов трансформационных процессов, которые задаются солидарно принятым балансом устойчивости социальных норм. Понятие субъекты спортивной деятельности (спортивные акторы) производно от видовых особенностей спорта. Мы предлагаем принципиально новую типологию спорта, ориентированную на выделение двух его базовых разновидностей: профессионального и массового. Именно эти две формы спортивной деятельности регулируются формальными и неформальными нормами социального института спорта, как он есть на современном этапе. Появление современного профессионального спорта следует считать результатом слияния нормативных представлений профессионального спорта рубежа XIX-XX веков и любительского спорта высших достижений. Институциональная трансформация последнего привела к возникновению нового качества. Его можно определить как спорт профессионалов, – акторов, для которых спорт профессия. Таким образом, институциональное пространство спорта определяется двумя разновидностями: профессиональным спортом и массовым. Их предлагаем назвать субинститутами. Под субинститутом следует понимать устойчивый комплекс социальных регулятивов (норм, традиций, ролевых моделей, стереотипов), имеющий свойства системности и направленный на регулирование видовых особенностей определенной части социального института. Если спорт считать социальным институтом, состоящим из устойчивого комплекса формальных и неформальных норм, то субинститут профессионального спорта будет представлять собой нормы формального и неформального типа, отражающие его видовые особенности и направленные на регулирование взаимодействия субъектов профессиональной спортивной деятельности. Введение нового термина (субинститут) позволит, во-первых, посмотреть на профессиональный спорт с позиции достаточности для его эффективной регуляции сложившихся институциональных комплексов и, во-вторых, осмыслить не произошла ли деформация профессионального спорта в сторону обретения им нормативности, свойственной иным социальным институтам, в данном случае –

предпринимательству. С учетом сказанного, под профессиональным спортом понимается субинститут как часть социального института российского спорта, включающий в себя нормы формального и неформального типа, отражающие его видовые особенности по сравнению с массовым спортом и направленные на регулирование взаимодействия субъектов профессиональной спортивной деятельности. К субинституциональным особенностям норм профессионального спорта относится, прежде всего, его пограничная связь с предпринимательством. Данная связь определяет сложный состав субъектов спортивной деятельности в области профессионального спорта. Он состоит из профессиональных спортсменов, тренеров, болельщиков, спортивных менеджеров, руководителей в министерстве спорта и спортивных федерациях, руководителей спортивных команд и спонсоров. Каждый из этих социальных акторов имеет свои целевые направленности, в процессе достижения которых формируется и поддерживается баланс устойчивости/неустойчивости институциональных регулятивов. Всех вместе их объединяет нацеленность на высокие спортивные результаты, п.ч. все иные цели могут быть производны только от нее. Главная социальная проблема субинститута профессиональный спорт – трудность в обеспечении институциональной устойчивости, т.к. целевые ориентации субъектов спортивной деятельности из-за незавершенности процесса трансформации не согласованы между собой.

Методы исследования

В статье используются результаты проведенного автором экспертного опроса в форме анкетирования. Исследование осуществлялось в трех субъектах Российской Федерации: г. Москва, Ростовской и Астраханской областях. Общий объем выборки 490 экспертов в пропорциональном относительно выделенных регионов соотношении. В качестве экспертов опрашивались руководители профессиональных спортивных команд, спортивные менеджеры, тренеры в профессиональных командах, профессиональные спортсмены, руководители в системе министерств спорта (федерального и двух региональных), а также болельщики из числа бывших спортсменов.

Для изучения формальных норм использовался такой источник информации, как нормативно-правовые акты. В их числе особое внимание было уделено Федеральному закону от 4 декабря 2007 г. №329-ФЗ "О физической культуре и спорта в Российской Федерации", Трудовому кодексу РФ, Гражданскому кодексу РФ и ряду других правовых документов, которые устанавливают формально-правовые границы профессионального спорта.

Также нужно указать на средства массовой информации на электронных носителях (газеты "Спорт-экспресс", "Советский спорт", "Спортивная панорама", "Время спорта"), спортивные информационные порталы (Sports.ru, Спорт РИА Новости, РБК-спорт, Чемпионат.com, Sportbox, Eurosport, Soccer.ru), индивидуальные блоги популярных экспертов, официальные сайты российских и зарубежных профессиональных команд, откуда мы брали информацию для оценки тех или иных тенденций развития профессионального спорта.

В качестве вторичных данных использовались результаты всероссийского социологического опроса:

"Развитие профессионального спорта", проведенного на дому у респондента методом личного опроса Фондом "Общественное мнение" 26 июля 2016 г. (N=1600) в 53 субъектах Российской Федерации;

"Допинг в спорте", проведенного на дому у респондента методом личного опроса Левада-Центром 23-27 июня 2016 г. (N=800) в 48 субъектах Российской Федерации;

"Россия – спортивная страна", инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», проведенный 13 ноября 2019 г. (N=1600).

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ полученных эмпирических данных позволяет нам интерпретировать социальную полезность профессионального спорта посредством трёх функций: обеспечение досуга, достижение высоких спортивных результатов, подготовка спортивного резерва. Каждая из них имеет как общесоциальное, так и субинституциональное значение. В отношении досуговой функции в первом случае речь идет о том, что профессиональный спорт обеспечивает болельщикам легальный канал для выплеска социальной энергии. Во втором случае следует говорить об экономической основе профессионального спорта, т.к. его материальная база в значительной степени формируется через досуговые практики социума. То же следует сказать применительно к достижению высоких спортивных результатов. Эта функция в общесоциальном ракурсе ориентирована на поддержку национального престижа, а в субинституциональном показывает наличие прямой зависимости между уровнем доходов спортивных профессионалов и их спортивными результатами. Подготовка спортивного резерва в общеинституциональном проявлении направлена на социализацию детей и юношества, а в субинституциональном на профессиональное самовоспроизводство.

Отталкиваясь от сказанного, оценим общественную полезность субинститута профессиональный спорт в рамках обозначенной выше модели.

Говоря о полезности с точки зрения реализации досуговой функции, надо понимать, что новой моделью должен быть доволен, прежде всего, болельщик. Если он её не примет, то возникает вопрос, "кто будет клиентом спортивного бизнеса?". Поэтому основная наша рефлексия по затронутой проблеме переносится именно на этого актора.

Одна из главных проблем состоит в том, чтобы найти оптимальные границы финансовой поддержки профессионального и массового спорта. 13 ноября 2019 г. ВЦИОМ совместно с Федеральным научным центром физической культуры и спорта провел исследование с целью выяснить насколько спортивные ценности глубоко проникли в сознании россиян. В целом, выяснилось, что массовым спортом и физической культурой занимаются около 55% от всего населения (ВЦИОМ, 2019). А много ли болельщиков в профессиональном спорте относительно общего количества населения? Такими статистическими измерениями никто не занимался. Но можно сделать некоторую иллюстрацию путем косвенного сопоставления на примере данных, полученных фондом "Общественного мнения" в ходе социологического опроса от 26 июля 2016 г. На вопрос "Чему государство должно больше уделять внимание: развитию профессионального или массового спорта" 58% респондентов выбрали массовый спорт, 13% профессиональный и 28% затруднились ответить (Фонд "Общественное мнение", 2016). Представленные цифры вовсе не означают, что общество готово отказаться от государственной поддержки профессионального спорта. Речь идет только о приоритетах. А также о переводе профессионального спорта на бизнес-модель американского типа. Мы не имеем ничего против бизнеса, а тем более спортивного бизнеса. Его реализуемость и эффективность доказана на примере спорта Северной Америки. Но здесь важна одна существенная поправка: бизнес должен быть легальный и не выходить за пределы установленных для него институциональных ограничений. Если он будет реализовываться с нарушением принятых правил, то это неизбежно отразится и на бизнесе спортивном. При таких обстоятельствах возникнет проблема с установлением доверия. Между тем, она актуальна уже сейчас. Так, при ответе на вопрос №22 анкеты, о средствах, способных обеспечить качественное повышение уровня профессионального спорта в нашей стране, 56.5% экспертов выбрали вариант "обеспечение честности и справедливости в достижении спортивных результатов (борьба с договорными играми, допингом, административным давлением и т.п.)". Это второй по частоте выборов результат. Кроме того, отвечая на вопрос № 20 анкеты "почему российский спорт не формирует широкого и устойчивого интереса

со стороны болельщиков...", 38,2% выбрали опцию "есть сомнения в честности спортивных поединков (договорные матчи, подкуп судей, административное давление и т.п.)". А это уже наиболее популярный из четырех предложенных вариантов. При сохранении существующих тенденций, едва ли спортивный бизнес станет рассматриваться в виде честного бизнеса. Сможет ли он быть в таких условиях успешным и социально приемлемым? Не потеряет ли он своей привлекательности в глазах молодежи и их родителей?

В самом деле, спорт обладает особой миссией. Её понимание возникло вместе с рождением Олимпийской хартии, нацеливающей спорт на демонстрацию здорового образа жизни, здоровую телесность, честную и открытую соревновательность. Профессиональный спорт, чтобы о нём сейчас не писали, сохраняет в себе эти свойства. Они заметны в том числе и по проведенному нами экспертному опросу. Превращение же его в сомнительный бизнес уничтожит идеологию, в соответствии с ценностями которой вот уже больше столетия он развивался.

Нельзя не принимать во внимание, что основным финансовым источником профессионального спорта в России является государство. Власть формирует бюджеты даже для футбольных клубов, вида спорта, наиболее успешного в нашей стране с коммерческой точки зрения. Достаточно зайти на сайт Soccer.ru и мы увидим, что все клубы футбольной премьер-лиги финансируются из государственного бюджета (Бюджеты клубов РПЛ, 2020). Доля финансирования из бюджетов субъекта федерации колеблется от близких к ста процентам у аутсайдеров до 70-80 процентов через аффилированные с властью госкорпорации у лидеров лиги. Иные спонсоры – это мобилизованные властью бизнес-структуры, финансирующие клубы по никому не понятным мотивам, но явно без прямой заинтересованности в развитии спорта. Особняком стоит только частный клуб "Краснодар".

Не менее актуальна для оценки социальной полезности субинститута профессиональный спорт другая функция – достижение высоких спортивных результатов. Если ещё раз вернуться к исследованию Фонда "Общественное мнение", то значимость данной функции оценивается респондентами крайне неоднозначно. Так, с утверждением "страну, которая не имеет больших спортивных результатов, нельзя назвать развитой" согласилось 41% опрошенных, высказало несогласие 42% и затруднилось с ответом 17% (Фонд "Общественного мнения, 2016). Мы видим, что в обществе есть запрос на демонстрацию высоких спортивных результатов. Среди спортивных функционеров и болельщиков часто обсуждаются вопросы о том, что государству следует уйти из "спортивного бизнеса" и предоставить финансирование профессионального спорта частным структурам. Это объясняют тем, что власти нужно тратить финансы на поддержку детско-юношеского спорта, а не на зарплаты профессиональных спортсменов. При ответе на вопрос о мерах по обеспечению качественного повышения уровня профессионального спорта 83,2% экспертов из группы болельщиков выбрали поддержку со стороны государства детско-юношеского спорта. Предложение интересное, но если его взять за приоритет и отталкиваться от тех возможностей, которые есть у акторов профессионального спорта "здесь и сейчас", то оно приведет к разрушению спорта высших достижений. Нельзя забывать о том, что мы находимся в едином институциональном пространстве с мировым спортом. Перевод игровых видов спорта на рельсы профессионального бизнеса и уход из него государства сохранит спорт высших достижений в лучшем случае в двух российских столицах. А вернее всего, всё закончится организацией чемпионата Москвы с полной изоляцией регионов от "большого спорта". В провинциях просто нет достаточного количества заинтересованных бизнес-структур, а делать деньги на болельщиках неэффективно с точки зрения низкой платежеспособности российского любителя профессионального спорта. Отсюда же очень сомнительной выглядит идея о введении закрытых лиг. Если финансирование пойдёт от государства, то в чем их смысл? Более продуктивно оставить систему сообщающихся между собой высших и низших лиг

через принцип свободного входа и выхода на основе спортивных достижений. А если эти лиги будут построены так, как в Северной Америке, то есть в форме бизнес-партнерств для всех участников, включая спортсменов, то за счет каких средств они будут существовать в нашей стране. Наш болельщик не готов тратить такой же объем денег, как американский. Это показал анализ спортивных сайтов, благодаря которым мы провели сравнение затрат российских и американских болельщиков во время посещения спортивных объектов. Поэтому российские лиги без поддержки власти финансово оскудеют, и следствием станет массовый отток наиболее талантливых спортсменов за рубеж, где они будут получать достойное их таланту вознаграждение. Пока же проблема сохранения высококлассных спортивных кадров решается за счет государства, и мы не видим каким образом её можно решить иначе.

Уход государства из профессионального спорта особенно болезненно скажется на спорте высших достижений в тех его видах, которые не обладают большой коммерческой привлекательностью. Если зритель не готов платить больших денег за футбол, то почему он должен делать исключение, например, для стрельбы из лука? Или как найти без помощи государства спонсора в поддержку академической гребли, если эти соревнования не привлекают широкий круг телезрителей, а значит их показ не формирует в представлении спонсора большой аудитории потенциальных потребителей его товара или услуги? В современных российских условиях эти вопросы остаются без ответа. Как вариант, можно было бы предположить, что государству следует финансировать коммерчески слабые виды спорта, а игровые предоставить самим себе, предоставив им максимальные возможности для интеграции в бизнес-пространство. Но в этом случае мы негарантированно сохраняем спорт высших достижений в наименее привлекательных сегментах, а в традиционно интересных для болельщиков фактически ликвидируем. Крайне спорное предложение. 68,5% процентов болельщиков по нашему экспертному опросу также высказались за введение потолка зарплат. Но ими не принимается во внимание, что эта мера может быть действенной только в условиях закрытых лиг, когда подобная практика действует централизованно для всех спортсменов определенного континента, как, например, в Северной Америке. Но если потолок зарплат вводить где-то в одной стране, то самые лучшие спортсмены её просто покинут, уйдя туда, где платят больше. Поэтому потолок зарплаты приведет лишь к падению спортивного уровня команд за счет потери мотивации у спортсменов и ухода их в коммерчески более интересные лиги. Но последний аспект – точно не про российский спорт.

Есть ещё один важный аспект проблемы: особенности российского предпринимательства как социального института. В любой стране бизнес существует на началах риска. Его суть сводится к тому, чтобы вложить одну сумму денег, а получить другую, превышающую вложенную за вычетом всех сопутствующих расходов. Это называется прибылью. Возможности её получения тщательно просчитываются. Чтобы минимизировать риски, составляются бизнес-планы. Однако подобного рода расчеты в европейском спорте в высшей степени затруднены. Один из принципов спорта – заведомая неизвестность спортивного результата. Между тем, объем прибыли именно в европейском спорте во многом зависит от спортивной успешности. Таковы изначальные свойства, по которым всегда развивался европейский спорт высших достижений. Отсюда велик соблазн вмешиваться в результаты спортивных состязаний, чтобы иметь возможность заранее просчитать эффективность спортивного бизнеса. В тех странах, где есть развитая правовая культура и высокий уровень развития правосознания, данные действия, как массовая проблема, исключены. Однако в российском социуме, с его правовым нигилизмом, нет никаких гарантий против того, что спортивный бизнес не разрушит основополагающие принципы спорта, деформируя его базовую платформу из основополагающих принципов. Высока вероятность, что повседневной практикой станут договорные игры, допинг (бизнесу не интересен спорт высших достижений и он вполне способен выйти

из юрисдикции ВАДА, отказавшись от участия в международных состязаниях, как дополнительных и излишних обременениях своих работников), ожесточение спортсменов и т.п. Уход государства из профессионального спорта снизит интерес властей к его нормативному регулированию, а это, в свою очередь, станет стимулом для укоренения в сознании профессионалов несовместимых с принципами спорта неформальных правил (симуляции, тактические фолы, имитация спортивной борьбы и т.п.), которые будут действовать не как исключения из правил и тактическая необходимость, а в качестве единственно правильного императива поведения для всех акторов профессионального спорта. В таком случае состязания профессионалов перестанут быть спортивными состязаниями и окончательно деформируются в псевдоспортивное зрелище, создаваемое, как бои без правил, для развлечения публики с низким уровнем культурных запросов.

И, наконец, прежде чем подойдем к выводам, оценим полезность субинститута профессиональный спорт через функцию подготовки спортивного резерва. Российская модель профессионального спорта содержит в себе элемент противоречивого дуализма. С одной стороны, она, как определено в законодательстве, нацелена на проведение спортивных состязаний с целью получения доходов для его участников, с другой, её задача прославлять страну в мире спорта высших достижений, который, по своей сути, тоже профессиональный спорт, а для большинства спортсменов из неигровых видов спорта – исключительно профессиональный спорт, т.к. на внутренних первенствах их доходы минимизированы скромными российскими возможностями. В связи с этим внутренние спортивные состязания по игровым видам спорта предстают чем-то вроде площадки для подготовки спортсменов высокой квалификации для участия в международных состязаниях. Именно в этом заключается смысл государственного финансирования профессионального спорта. Кстати, респонденты опроса Фонда "Общественное мнение" показали понимание этой особенности российского субинститута профессионального спорта тем, что на вопрос "государство должно вкладывать в российский профессиональный спорт больше средств, меньше или примерно столько, сколько вкладывает сейчас" ответили: "примерно столько сколько вкладывает сейчас" – 38%, "больше" – 25%, "затрудняюсь ответить" – 16%, "это зависит от вида спорта" – 11%, "меньше" – 11% (Фонд "Общественного мнения", 2016). Как заметно по результатам, респонденты не призывают власть уменьшить расходы на профессиональный спорт. Очевидно, речь идет о существенном увеличении расходов на массовый спорт.

Безусловно, идеальной следует считать такое состояние дел в профессиональном спорте, при котором государственные расходы на него уменьшаются, а спорт высших достижений улучшает свои показатели. Однако сейчас эта схема выглядит недостижимой. Профессиональный спорт не воспроизводит себя не только в экономическом аспекте, но и в кадровом. А это влечет за собой дополнительные финансовые обременения в виде приглашения из-за рубежа топовых спортсменов, тренеров, менеджеров, расходы которых ложатся бременем на государственный бюджет. Главная проблема состоит в дефектах подготовки молодых спортсменов высокой квалификации. Нам представляется, что если мы хотим избежать потери спорта высших достижений, как национального достояния, то к снижению расходов государства на профессиональный спорт можно прийти лишь в некотором будущем, и путь к этому лежит через существенное повышение качества подготовки спортивного резерва. Возрастание конкуренции среди спортсменов лишит их возможности манипулировать своими работодателями при заключении контрактов. А также снизит зависимость от поступления спортсменов из-за рубежа, чьи оклады оказываются непомерно высокими вследствие дополнительных опций, которые выплачиваются за работу в так называемых российских особенностях.

Только так можно выйти тупика, куда попали игровые виды спорта из-за стремления государства сохранить социальные функции спорта высших достижений и вынужденно поддерживающего в этих целях профессиональный спорт во внутренних лигах.

Заключение

В форме заключения представим вывод, в котором определим какую модель профессионального спорта мы считаем наиболее оптимальной для нашей страны.

Прежде всего, необходимо сохранить базовый принцип в виде того, что главным актором среди профессионалов в мире российского спорта выступает государство. Это единственно возможный путь сохранения спорта высших достижений в стране, где основные ресурсы концентрируются у власти и связанных с нею системой взаимозачетов разного рода олигархических структур. Самостоятельных источников существования у российского профессионального спорта в качестве спорта высших достижений немного. При этом весомо значение барьеров для его развития, среди которых следует указать на 1) отсутствие достаточного количества, особенно в регионах, независимого от власти крупного бизнеса, способного выступить в роли спонсора, 2) низкая покупательская способность населения, 3) слабо развитое правовое сознание и правовой нигилизм, из-за которых появляются серьезные угрозы ожидать деформацию профессионального спорта в псевдоспортивное зрелище без правил и с заведомо прописанным результатом. Кроме того, следует учитывать некоторые социокультурные особенности российских болельщиков, которые препятствуют им воспринимать спорт в форме услуги, предлагаемой на продажу. Большинство спорт оценивается традиционно, как союз спортсменов и болельщиков. Поддержка спортсменов через передаваемую им эмоциональную энергию представляется мерой более чем достаточной.

Действующая модель состоит из следующих элементов: 1) спортсмены считаются наемными работниками, 2) их зарплаты не имеют ни коллективных, ни личных ограничений, и складываются как из спортивных результатов, так и умения агентов "продать" своего клиента, 3) вход команд в спортивные лиги осуществляется на основе спортивного принципа, но с гарантиями профессиональной состоятельности, 4) значительная роль континентальных федераций по видам спорта как "хранителей спортивных традиций", 5) продажа большого количества сопутствующих товаров и услуг на спортивных аренах, 6) финансовая поддержка со стороны государства и аффилированного с ним бизнеса, 7) ужесточение лимита на спортсменов, не имеющих российского гражданства, 8) подготовка спортивного резерва командами из высших лиг внутри закрытых школ для детей, государственная подготовка "спортивного резерва" и работа частных спортивных академий.

Она представляет собой продукт определенной стадии трансформации спорта высших достижений в субинститут профессиональный спорт, обладающий своей собственной спецификой нормативного регулирования и особенностями целевых ориентаций основных акторов. Эта модель видится нам наиболее оптимальной с учетом имеющихся в российском социуме условий для её развития. Введение элементов, характерных для североамериканской модели профессионального спорта в виде закрытых лиг и потолка зарплат окажут на нее лишь разрушительное влияние. Закрытые лиги по большинству игровых видов спорта приведут к разрыву с действующими федерациями и выводу профессиональных команд за рамки национальных, а следовательно, и международных турниров. Закрытые лиги, как бы они ни были интересны и понятны для бизнеса, невозможны на европейском континенте, где много государств, в каждом из которых профессиональный спорт высших достижений регулируется национальными и международными федерациями. Столь же утопичной и нереализуемой выглядит идея о введении потолка зарплат. Реализация этой меры приведет лишь к потере спортсменами мотивации и оттоку их в лиги тех стран, где данное институциональное ограничение отсутствует. Надо заметить, что потолок зарплат способен принести ожидаемые результаты исключительно в условиях функционирования закрытых лиг, где он не станет фактором неконтролируемой миграции спортсменов. То же следует сказать в отношении отмены лимита на иностранных спортсменов. Против этой меры свидетельствуют

особенности трансформации сложившейся модели профессионального спорта, который, одновременно, является ещё и спортом высших достижений. Его социальные функции сводятся не только к получению доходов всеми участниками, включая спонсоров и руководителей спортивных команд, но и к демонстрации возможностей человека, обеспечению досуга, стимулированию детей и молодежи к занятиям спортом (как прибыльной профессией или ради здорового образа жизни). Через спорт высших достижений сохраняется взаимосвязь профессионального с массовым спортом, а государство приобретает ликвидный предмет национальной гордости для демонстрации правильности своей социальной политики. Поэтому государство, выступая главным спонсором профессионального спорта, не может и не должно допускать полное вытеснение собственных национальных спортсменов иностранными легионерами, даже если они способны обеспечить более высокую доходность для профессиональных лиг по видам спорта. Поскольку государство без поддержки профессиональных лиг не в состоянии справиться с подготовкой спортивного резерва, то отмена лимита на легионеров неизбежно приведет к падению показателей в спорте высших достижений.

Литература

- Абдулкаримов, С.А. (2006). Агрессивность в спорте сквозь призму истории и культурных традиций. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 9(3), 15-22.
- Богданова, Д.Ш. (2012). Профессиональный спорт в современной культуре: проблема маргинализации. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*, 2, 163-165.
- Бурдые, П. (2009). Как можно быть спортивным болельщиком. *Логос*, 6, 99-106.
- Бюджеты клубов РПЛ 2019/20. Кто и сколько тратит на российский футбол? Режим доступа: <https://www.soccer.ru/blogs/record/1133734/malkom-zenit>
- Веблен, Т. (2011). *Теория праздного класса*. Москва: ЛИБРОКОМ.
- Ермакова, Е.Г., Паршакова В.М., Романова К.А. (2018). Цели, задачи и функции профессионального спорта. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 3, 77-80.
- Захаров, А.К. (2014). Спорт как социальный институт в условиях глобализации. *Вестник ВСГУТУ*, 1, 173-180.
- Зверев, А.И., Рыскин, П.П., Кочерьян, М.А. (2011). К вопросу об актуальности социологического анализа профессионального спорта. *Известия Уральского государственного экономического университета*, 4, 137-141.
- Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 13 ноября 2019 г. (N=1600). Тема исследования "Россия – спортивная страна!" Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10001>.
- Кочерьян, М.А., Зверев, А.И., Рыскин, П.П. (2013). Спорт как социальный институт, формирующий профессионалов: специфика социологического подхода. *Управленец*, 1, 64-67.
- Лабудин, А.В., Шамхалов, А.М. (2017). Особенности сочетания социальных и экономических черт в современном подходе к управлению в области спорта. *Управленческое консультирование*, 6, 29-36.
- Ларшина, Л.В. (2013). Профессиональный спорт: конец царства богов? *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки*, 4, 29-37.
- Лукашук, В.И. (2017). Изучение индустрии спорта: системный подход. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 5, 49-51.
- Мирющенко, Ю.М. (2019). Перспективные пути и направления развития современного российского профессионального спорта. *Гуманитарий Юга России*, 1, 45-50.
- Малашенко, М.С. (2015). Институциональные изменения физической культуры и спорта: социологический анализ. *Теория и практика общественного развития*, 16, 32-34.
- Михайлова, Т.А., Студеникина, Е.С. (2017). Проблемы спорта и физической культуры в российских социологических исследованиях: история и перспективы развития. *Человек. Сообщество. Управление*, 18(4), 89-95.
- Михайлова, Т.А. (2015). Особенности профессиональной деятельности спортсменов: социологический анализ. Профессиональная спортивная деятельность как объектно-предметная область социологического исследования. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 11, 100-106.
- Морозова, Л.В., Кирьянова, Л.А., Сотник, А.С., Демиденко, О.В. (2018). Анализ развития профессионального спорта и спорта высших достижений в условиях коммерциализации и профессионализации. *Научные труды СЗИУ РАНХиГС*, 9(3), 17-24.
- Паначев, В.Д. (2011). Социализация и спорт. *Аналитика культурологии*, 3, 127-128.
- Починкин, А.В. (2017). *Менеджмент в сфере физической культуры и спорта*. Москва: Спорт.

- Сенчук, В.В. (2011). Спорт как социальный институт: социологическое измерение. *European Social Science Journal*, 5, 36-44.
- Сербулов, А.В., Куулар, Б.О. (2018). Описание основных характеристик бизнес-модели профессионального спорта. *Научные горизонты*, 11, 41-46.
- Синютин, М.В., Карапетян, Р.В. (2015). Феномен спорта в дискурсе экономической социологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 12(1), 117-120.
- Соломенная, З.В., Пугачёва, И.И., Бурковский, В.И., Соломенный, Ф.Ф. (2018). Особенности профессионального спорта с экономической точки зрения. *Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности*, Донецк: ДНУ, 24-31.
- Социологический опрос Фонда "Общественное мнение" на тему "О развитии профессионального спорта" от 26 июля 2016 г. (N=1600) Режим доступа: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/12817>.
- Табылдиев, Н.М. (2010). Спорт как социальный институт и объект государственного управления. *Наука и новые технологии*, 5, 265-266.
- Шелкова, В.А. (2016). Особенности развития профессионального спорта в России. *Транспортное дело в России*, 2, 86-93.
- Юдина, А.А. (2014). Спорт как общественный институт и явление культуры. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 5, 223-227.
- Юдина, А.А. (2015). Институциональные изменения: особенности неинституциональных концепций. *Актуальные проблемы науки: от теории к практике*, Москва: Ветеран, 338-341.
- North, D.C. (1965). The State of Economic History: *American Economic Review*. 55 (1-2): 86-91.
- North, D.C. (1989). Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*. 17 (9): 1319-1332.
- Rottenberg, S. (1956). The baseball players' labor market: *Journal of Political Economy*. 64(3): 240-249.

References

- Abdulkarimov, S.A. (2006). Aggressiveness in sports through the prism of history and cultural traditions. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 9(3), 15-22.
- Bogdanova, D.Sh. (2012). Professional sports in modern culture: the problem of marginalization. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2, 163-165.
- Bourdieu, P. (2009). How to be a sports fan. *Logos*, 6, 99-106.
- RPL clubs budgets 2019/2020. Who spends on Russian football and how much? Available at: <https://www.soccer.ru/blogs/record/1133734/malkom-zenit>
- Veblen, T. (2011). *Leisure class theory*. Moscow: LIBROKOM.
- Ermakova, E.G., Parshakova V.M., Romanova K.A. (2018). Goals, tasks and functions of professional sports. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*, 3, 77-80.
- Zakharov, A.K. (2014). Sport as a social institution in the context of globalization. *ESSUTM Bulletin*, 1, 173-180.
- Zverev, A.I., Ryskin, P.P., Kocheryan, M.A. (2011). To the question of the relevance of the sociological analysis of professional sports. *Bulletin of the Ural State University of Economics* 4, 137-141.
- The initiative all-Russian poll "VCIOM-Sputnik" was carried out on November 13, 2019 (N = 1600). The research topic is "Russia is a sports country!". Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10001>.
- Zverev, A.I., Ryskin, P.P., Kocheryan, M.A. (2013). Sport as a social institution that forms professionals: the specificity of the sociological approach. *Manager*, 1, 64-67.
- Labudin, A.V., Shamkhalov, A.M. (2017). Features of the combination of social and economic features in the modern approach to management in the field of sports. *Management Consulting*, 6, 29-36.
- Larshina, L.V. (2013). Professional sports: the end of the kingdom of gods? *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: social sciences*, 4, 29-37.
- Lukashchuk V. I. (2017). Studying the Sports Industry: Systems Approach. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 5, 49-51.
- Mirushchenko, Yu.M. (2019). Promising approaches and directions of the development of modern Russian professional sport. *Humanities of the south of Russia*, 1, 45-50.
- Malashenko, M.S. (2015). Institutional changes in physical culture and sports: sociological analysis. *Theory and practice of social development*, 16, 32-34.
- Mikhailova, T.A., Studenikina, E.S. (2017). Problems of Sports and Physical Culture in Russian Sociological Researches: History and Development Prospects. *Human. Community. Management*, 18(4), 89-95.
- Mikhailova, T.A. (2015). Features of the professional activity of sportsmen: sociological analysis. Professional sports activity as object-subject area of sociological research. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 11, 100-106.
- Morozova, L.V., Kiryanova, L.A., Sotnik, A.S., Demidenko, O.V. (2018). Analysis of the development of professional sports and sports of the highest achievements in the context of commercialization and professionalization. *Scientific works of NWIM RANEPА*, 9(3), 17-24.
- Panachev, V.D. (2011). Socialization and sports. *Analytics of cultural studies*, 3, 127-128.
- Pochinkin, A.V. (2017). Management in the field of physical culture and sports. *Moscow: Sports*.

- Senchuk, V.V. (2011). Sport as social institution: a sociological dimension. *European Social Science Journal*, 5, 36-44.
- Serbulov, A.V., Kuular, B.O. (2018). Description of the main characteristics of the professional sports business model. *Scientific horizons*, 11, 41-46.
- Sinyutin, M.V., Karapetyan, R.V. (2015). The phenomenon of sports in the discourse of economic sociology. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 12(1), 117-120.
- Solomennaya, Z.V., Pugacheva, I.I., Burkovskiy, V.I., Solomenniy, F.F. (2018). Features of professional sports from economic point of view. *Donetsk readings 2018: education, science, innovation, culture and modern challenges*, Donetsk: DonNU, 24-31.
- Sociological survey of the "Public Opinion" Foundation on the topic "On the development of professional sports" dated July 26, 2016 (N = 1600). Available at: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/12817>.
- Tabyldiev, N.M. (2010). Sport as a social institution, object of public administration. *Science and new technologies*, 5, 265-266.
- Shelkova, V.A. (2016). Features of development of professional sport in Russia. *Transport business in Russia*, 2, 86-93.
- Yudina, A.A. (2014). Sport as social institution and cultural phenomenon. *Historical and socio-educational thought*, 5, 223-227.
- Yudina, A.A. (2015). Institutional changes: features of neoinstitutional concepts. *Actual problems of science: from theory to practice*, Moscow: Veteran, 338-341.
- North, D.C. (1965). The State of Economic History: *American Economic Review*. 55 (1-2): 86-91.
- North, D.C. (1989). Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*. 17 (9): 1319-1332.
- Rottenberg, S. (1956). The baseball players' labor market: *Journal of Political Economy*. 64(3): 240-249.

Дата получения рукописи: 21.06.2021

Дата окончания рецензирования: 25.07.2021

Дата принятия к публикации: 3.08.2021

Информация об авторе

Кожин Владимир Владимирович – старший преподаватель кафедры спортивных дисциплин академии физической культуры и спорта Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: 89526071117@mail.ru

Information about the author

Kozhin Vladimir Vladimirovich – Senior lecturer of Academy of Physical Culture and Sports at the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: 89526071117@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира.

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge»

(редакция от 25.06.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью),
 Научная степень, звание, должность,
 E-mail:
 Контактный мобильный телефон (для ответственного автора),
 Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя),
 Номер идентификатора ORCID,
 Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, скачайте подробную инструкцию по регистрации в *Регистре ORCID*.

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения - обычно находится в разделе "Документы" Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения);
 Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны);
 Рабочий телефон (с кодом города);

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке,
(*Anna V. Ivanova*) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность,

E-mail:

Тел.:

Аффилиация на английском языке

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (*FGBNU, FGBOU VPO*).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи - 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному "слепому" принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.
- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукомет-

рических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет деление на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю APA (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019), или, при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов, при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторов шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (а, b, c). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi, его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателя оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / a, b, c). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi: Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с

помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL

Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL

Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.

Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.

Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская диссертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность:

методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от circa – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических

работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарём определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: "автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор".

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.

9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: "рекомендуется", "рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков" или "не рекомендуется".

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.